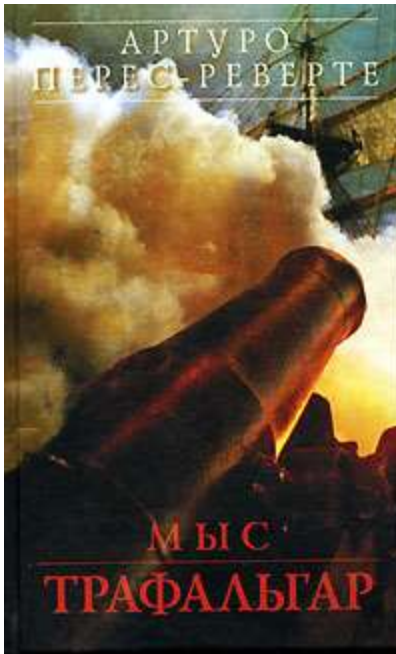

Артуро Перес-Реверте

Мыс Трафальгар

Хуану Марсе

Мы заполнили корабли стариками, немощными, больными и теми, кто совершенно бесполезен в море.

Х. Масарредо. Записка о состоянии Военно-морского флота

В случае боя вся нация из-за этой эскадры оденется в траур, а того, кому выпало несчастье командовать ею, просто возненавидят.

А. Эсканьо. Доклад о Средиземноморской эскадре.

Даже когда все те, чьи боевые посты находились на ахтердеке, шканцах и баке, начиная с генерала и кончая гардемаринном, охранявшим флаг, ушли оттуда или погибли, командир оставался на шканцах, пока не получил рану в голову деревянным обломком.

Рапорт о боевых действиях корабля «Сантисима Тринидад»

Состояние захваченных кораблей и кровавое месиво буквально во всех их уголках свидетельствуют, сколь ожесточенным было сражение. Все сходятся на том, что огонь со стороны французов был поначалу более оживленным, однако испанцы до самого конца выказывали более твердости и отваги, нежели их союзники <...> Их храбрость внушает нам огромное уважение, а человечность, проявленная ими в отношении англичан – пленников или людей с затонувших кораблей, – превышает всяческих похвал.

Английская «Гибралтарская газета», 9-XI-1805

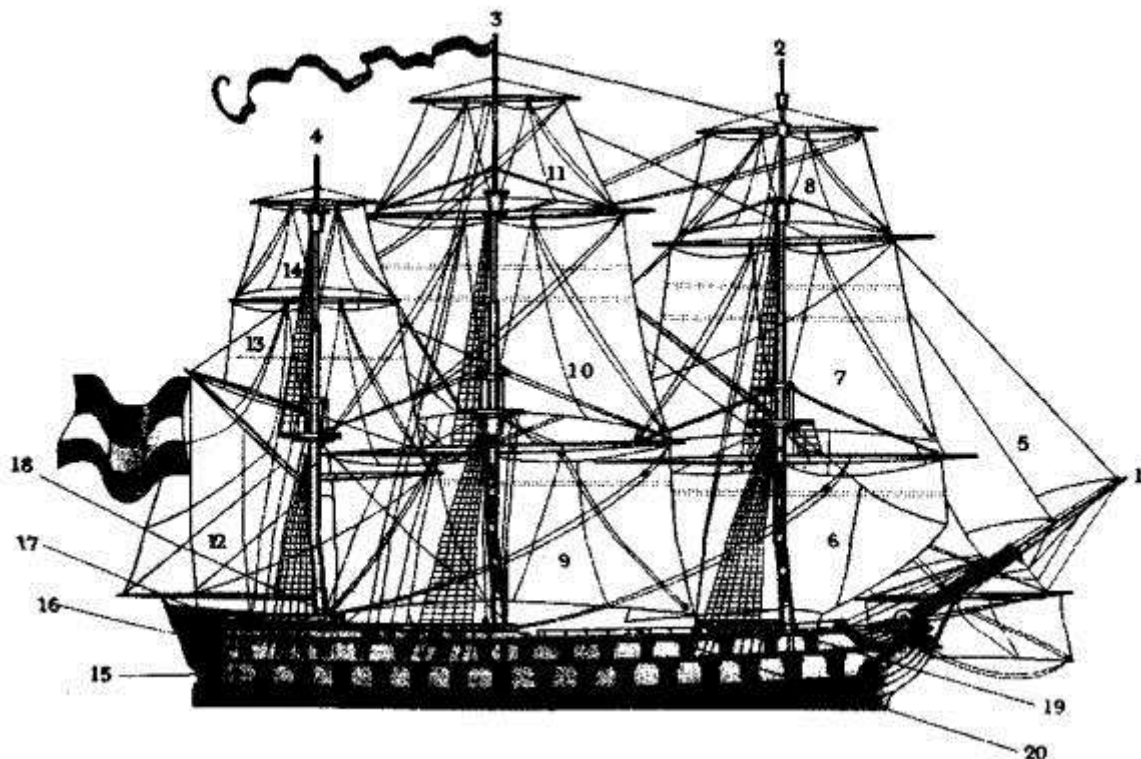
Я полагал увидеть этих людей <англичан> преисполненными гордыни и невыносимо надменными из-за одержанной ими победы, однако на деле обнаружил нечто противоположное: они воздавали самые большие почести нашим пленным офицерам и говорили о них с истинным восхищением.

Письмо из Гибралтара командиру Де Сан-Роке

От связок документов, которые я видел в Мадриде, бросает в дрожь; строки книги заставили меня пережить это сражение, однако с не меньшей печалью я пережил то, что происходило потом в мадридских конторах. С одной стороны, повышения (иногда вплоть до капитан-генерала), раздаваемые людям, которых и близко не было на поле битвы, а с другой – отказы в пенсиях сиротам и вдовам тех, кто выходил в море навстречу гибели, месяцами и годами не получая жалованья, на кораблях, которые их командиры с огромным трудом, если не за свой собственный счет, покрасили, чтобы они хотя бы выглядели не хуже французских.
Х. Гильен. Предисловие к «Трафальгару» Э.Лона Ромеро

Вчера от старости и нищеты скончался капитан первого ранга дон Педро Нуньес (в Трафальгарской битве – командир шканцевой батареи корабля «Сан-Агустин»). Его вдову приказано освободить от связанных с этим расходов, так как в результате его болезни у семьи не осталось более ничего, что можно было бы продать, равно как и средств на достойное погребение, не считая наличия множества кредиторов. Все это является следствием огромной задолженности покойному по выплатам, о которых он не раз ходатайствовал перед Его Величеством, но всякий раз его просьбы отклонялись.

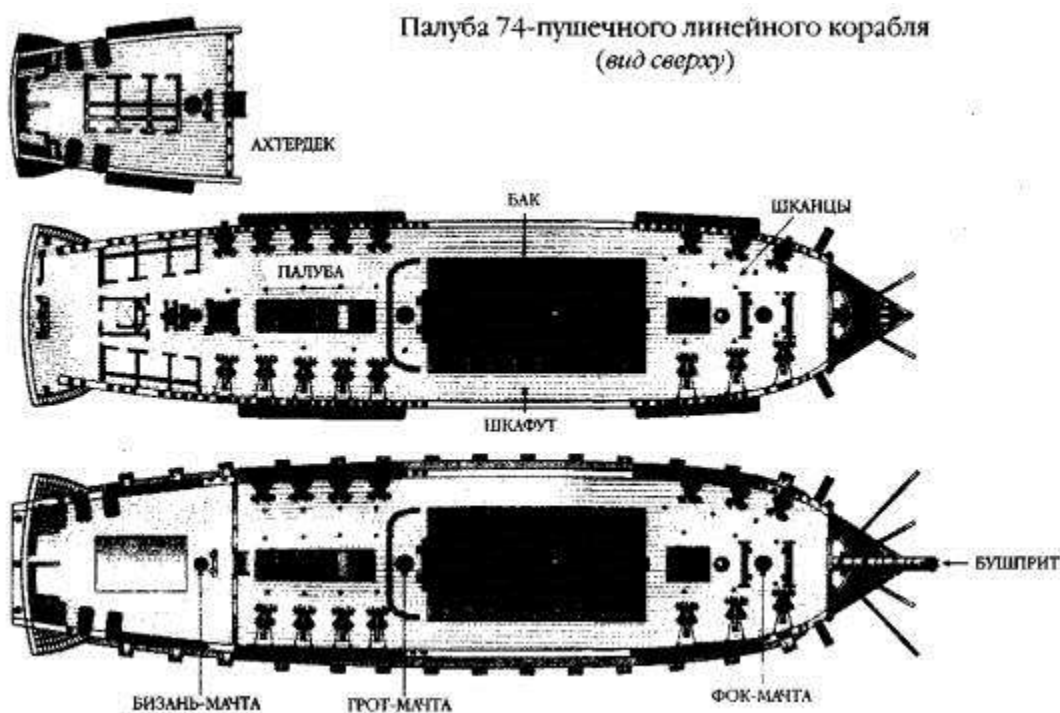
Архивы Военно-морского флота. Эль-Ферроль.

74-пушечный линейный корабль (1805)

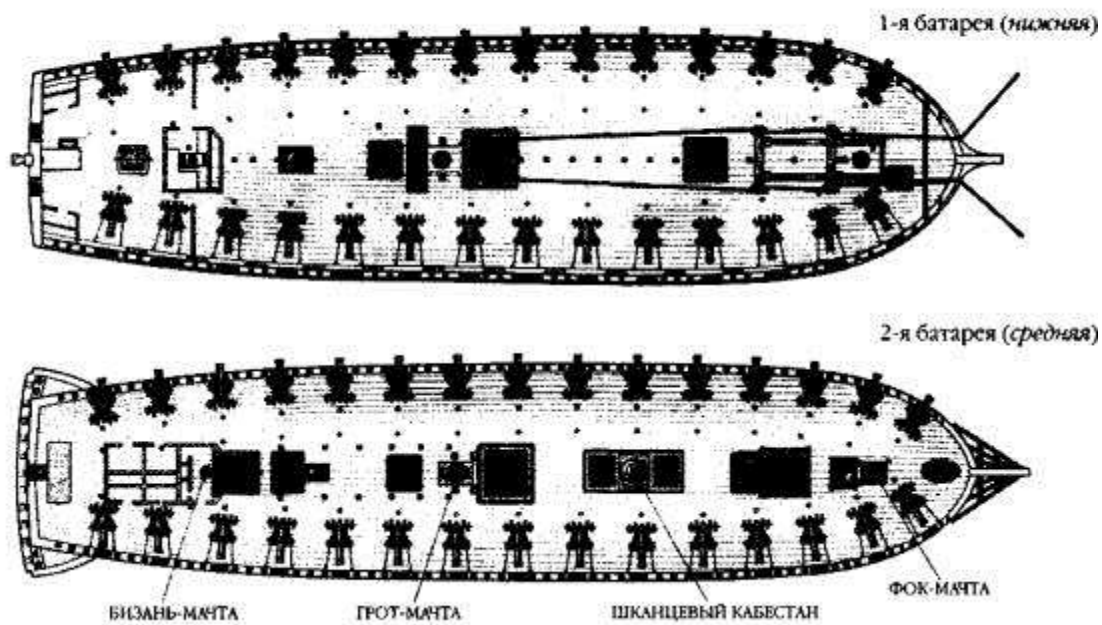
1 – бушприт; 2 – фок-мачта; 3 – грот-мачта; 4 – бизань-мачта; 5 – кливера; 6 – фок; 7 – фор-марсель; 8 – фор-брамсель; 9 – грот; 10 – грот-марсель; 11 – грот-брамсель; 12 – контр-бизань; 13 – нижний крьюсель; 14 – верхний крьюсель; 15 – 1-я батарея; 16 – 2-я батарея; 17 – ахтердек; 18 – шканцы; 19 – бак; 20 – палуба

Палуба 74-пушечного линейного корабля (вид сверху)

Первая и вторая орудийные палубы 74-пушечного линейного корабля

Первая и вторая орудийные палубы 74-пушечного линейного корабля

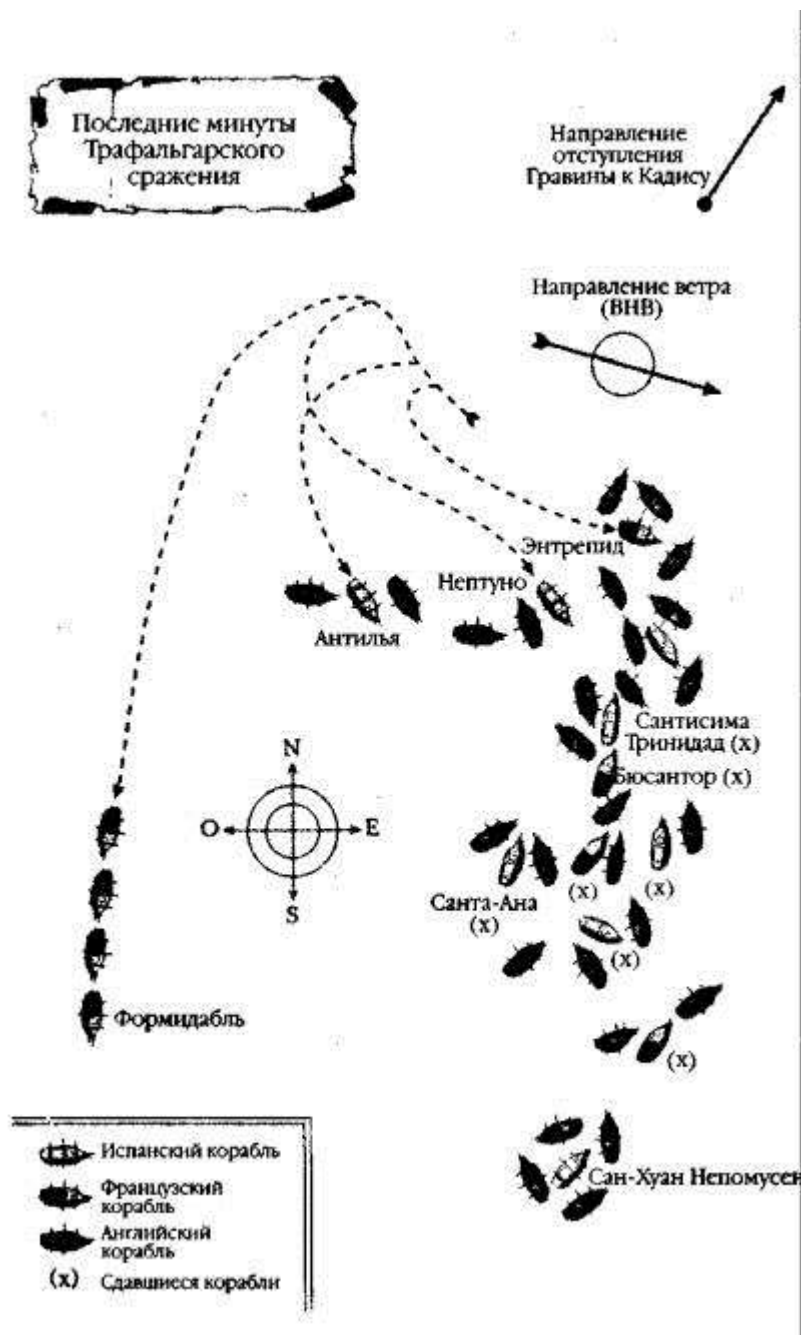
Трафальгар в полдень. Вероятная дислокация союзной и британской эскадр

Трафальгар в 1 час дня. Вероятное развитие атаки британцев

Последние минуты Трафальгарского сражения

1. Тендер «Энсертен»

Капитан-лейтенант Луи Келеннек, офицер военного флота Французской империи, вот-вот попадет на страницы учебников истории и этого повествования, однако сам пока еще не знает об этом. А не то первые слова, произнесенные им на рассвете 29 вандемьера XIV года, или 21 октября 1805 года, были бы иными.

– Сукины дети.

Мокрая палуба «Энсертена» покачивается под его ногами от легкой зыби, что ерошит поверхность моря милях в тридцати – ну, может, чуть больше или меньше – к зюйд-осту от Кадиса. По сравнению с тем, что вот-вот должно появиться здесь, «Энсертен» – просто

мелочь: шестнадцатипушечный тендер. Англичане называют его иначе – «катером»: на их языке это означает «резак»^[2]. Но англичане, известное дело, вообще народ резкий. Так что пусть уж лучше будет «тендер». Вдобавок, если вспомнить о пушках, из которых стреляет Келеннек, с его тендера, или катера, как бы он там ни назывался, сняли четыре, чтобы судно стало легче и быстроходнее. Хотя даже так оно все равно, кажется, просто еле ползет в тумане, от которого на снастях и в углах парусов набухают капли сырости. Крррр, крррр, переваливаясь с борта на борт, скрипит тендер, как будто стонут и жалуются все его натруженные шпангоуты. Ветра почти нет – только легкий бриз порой вздувает паруса, грязными тряпками обвисшие на мачте и леерах, и заставляет трепыхаться на гафеле португальский торговый флаг. Купеческий флаг, само собой, для отвода глаз. В море все и каждый играют нечисто и врут напраполюю.

– Сукины дети, – повторяет капитан-лейтенант.

Повторяет, естественно, по-французски. *Fils de la grande putain* или что-то в этом роде. Но вполне разборчиво. Рулевой и штурман, стоящие позади, рядом с нактоузом, молча переглядываются. Помощник штурмана – он тоже поблизости – остается в неведении, потому что он испанец. Как и следовало ожидать, его зовут Маноло, он низенький, смуглый, над глазами нависла одна сплошная черная бровь. Наверняка родом из Кониль-де-ла-Фронтера. Провинция Кадис. То есть самый что ни на есть местный. Поэтому его взяли на борт помощником штурмана, даже не поинтересовавшись, как он сам к этому отнесется. Мануэль Коррехуэвос Санчес, капитан рыбацкого суденышка, контрабандист, отец семейства. Типичнее просто некуда. Французы выговаривают «Манолё Когегуэвос»^[3]. Всякий раз, слыша, как кто-нибудь из них окликает его по фамилии, помощник штурмана чувствует себя так, будто получил пинок именно в ту часть тела, о которой идет речь.

– Лучше уж зовите меня Маноло, мсье, если вы не против, – просит он, чуть шепелявя, как всякий уроженец Андалусии.

Вот только ни штурману, ни рулевому не понятно, по чьему это адресу прохаживается на арамейском наречии капитан-лейтенант Келеннек. Штурман по имени Кьеффер, возможно, думает, что командир поминает тех, по чьей милости сейчас вынужден торчать здесь, посреди утреннего тумана, в котором не разглядишь ни черта дальше собственного хозяйства. А рулевой – в I году Республики он был якобинцем и отличался особым революционным рвением, – наверное, склонен думать, что тот костерит сухопутных канцелярских крыс, засевших в парижских кабинетах Министерства военно-морского флота, этих сменивших личину аристократов, которые о море знают лишь то, что на нем бывают волны и по нему плавают корабли, а может, даже и самого адмирала Вильнева^[4] вместе с его расфуфыренным штабом этой проклятой смешанной эскадры, в которую входит и «Энсертен» – ее разведчик, ее крохотная частичка. Впрочем, быть может, капитан-лейтенант имеет в виду союзников-испанцев, все это офицеры – белая кость, голубая кровь (эх, жаль, нет в Испании гильотины, думает рулевой), – обидчивое и надменное: их учтивые расшаркивания, разные там «безусловно, сеньор», «только после вас, сеньор» уже которую неделю сидят у всех в печенках.

– Проклятый туман, – произносит рулевой, чтобы выслужиться перед начальством. Разумеется, по-французски. Что-то вроде *salop de brouille*.

– Заткнись, мой гарсон^[5], – обрывает его штурман.

Рулевой, хоть и бывший якобинец, благоразумно прикусывает язык. Одно дело сбрасывать в воду связанных по рукам и ногам офицеров в Бресте в I году Республики, но совсем другое – вступать в пререкания с такими типами, как Кьеффер и Келеннек, в I году Империи. Испанец, помощник штурмана, ни черта не понимает по-французски, однако смысл сказанного уловил и теперь почесывает бровь. Свою сплошную мохнатую бровь. Посмей кто-нибудь на борту испанского судна сам обратиться к начальнику, если тот не задал вопроса, или не спросив на то его дозволения, ему устроили бы такой аврал, что он дристал бы до самого гаванского

порта. Куба начинает маячить на горизонте сразу же, как минувешь район пассатов, вскоре после того, как справа на траверзе покажутся Азорские острова.

На самом деле командир Келеннек думает об английской эскадре. Его послали в море, чтобы отыскать ее – вот так, запросто: мол, отправляйтесь-ка, юноша, найдите ее, а потом возвращайтесь и расскажите нам; и вот тендер всю ночь напролет рыщет зигзагами туда-сюда, порой вдали показываются огоньки, но эскадры нет как нет, несмотря на то, что эти мерзавцы, пришельцы из коварного Альбиона, шныряют где-то поблизости, будто призраки в тумане. Во всяком случае, вчера с «Ашилля» просигналили флагами, что к зюйд-осту от Кадиса замечено по крайней мере восемнадцать вражеских кораблей. Короче говоря, задача состоит в том, чтобы посмотреть, сосчитать мачты и паруса, а потом быстренько развернуться и успеть удрать прежде, чем фрегаты и корветы, охотники британского флота, бросят тебе перчатку, засыпят пушечными ядрами и отправят на дно или, что еще хуже, заставят спустить флаг и отправят куда-нибудь на Темзу гнить и считать клопов. В морских уставах такая задача именуется «визуальной рекогносцировкой». Те же, кому досталось ее выполнять, называют это иначе: ну и влипли, вашу мать. На флоте каждый выражается по-своему.

– Похоже, там что-то показалось даван, мон капитэн^[6].

Келеннек тоже слышал крик вперёдсмотрящего, сейчас повторенный ему Кьеффером, так что гардемарин Галопен, бегущий с сообщением, уже на полпути, возле шлюпки, чуть не сталкивается с командиром, который торопится на нос, впечатывая широкие шаги в скользкую от сырости палубу. Прежде чем сорваться с места, капитан-лейтенант успел расслышать, как Кьеффер спросил своего помощника-испанца: кескиля алан и все такое, мон ами^[7] Когегуэвос, и как тот, мотнув головой и смачно харкнув через подветренный борт черной от табака слюной, ответил: да нет, ничего такого, мсье (в его устах слово «мсье» звучит крепким морским ругательством, а может, на его языке так оно и есть). Одна гуатер^[8], то есть вода, до Асейтерской банки еще добрых четыре лиги^[9] на ост.

Компран-па^[10]? Однако – а может, как раз поэтому, – обходя трюмную помпу, минуя мачту и продолжая шагать по мокрой палубе к баку, Келеннек чувствует, что где-то внутри слегка будто бы защекотало. Это страх. Боязнь. La trouille, как говорят в его краях – в городке под названием Киберон. Не того, что по тебе могут внезапно грохнуть в упор всем бортом – тремя дюжинами пушек (это уж, так сказать, издержки ремесла), а боязнь не справиться. Он вдруг испугался, что английская эскадра с развевающимися вымпелами, музыкантами, наяривающими на своих волынках «Hearts of Oak»^[11], и всей этой шайкой подданных Британии, «оседлавшей волны», и так далее, проскочит в тумане у него под самым носом, а он и не учует. Испугался, что, возвратясь, станет посмешищем всей объединенной эскадры, союзники-испанцы будут хохотать ему в лицо, ха-ха-ха, и адмирал Вильнев, этот тощий пес, этот сноб без единой капли уверенности и решимости, повернется к нему спиной и даже слова не скажет. Испугался, что после всего этого капитану-лейтенанту Луи Келеннеку не видать продвижения по службе как своих ушей, и что семидесятичетырехпушечный линейный корабль, о котором мечтает всякий уважающий себя морской офицер, достанется какому-нибудь разряженному везунчику со связями, а он сам так и сдохнет командиром несчастного шестнадцатипушечного тендера. В общем, такие вот мысли толкутся в голове у командира «Энсертена», пока он торопится на бак. Проходя мимо пушек – они выглядывают из своих портов, заряженные, накрепко принаитовленные, – он убеждается, что фитили дымятся, ведра наготове^[12], а ядра, чистые, смазанные, сложены возле орудий на консолях. Для облегчения тендера перед этой разведывательной вылазкой пришлось оставить в Кадисе по паре шестифунтовых и восьмифунтовых пушек, а кроме того, в команде теперь всего шестьдесят восемь человек – после того, как спустили на берег нескольких комендоров, четверых сифилитиков и одного большого гонореей, сержанта морской пехоты и семнадцать его стрелков, вписанных в судовую роль. В общем, полное... ну, короче, по-французски это называется «гран-путад»^[13]. Келеннек предпочел бы, чтобы все они остались на борту, включая сифилитиков и того, с гонореей;

однако чем судно легче, тем оно быстрее и маневреннее. Юрче, как говорят в Гибралтаре. Но от него требуется не ввязываться в бой, если встретит противника, а улепетывать что есть мочи. Поставить все паруса и драпать так, будто его кусает за задницу рой ос.

Некоторые из дежурящих по штирборту сбились в кучки и вглядываются в завесу тумана; один, взобравшись на консоль и цепляясь за ванты, буквально повис над бортом, и Келеннек вполголоса приказывает второму боцману, по прозвищу Череп, убрать оттуда этого чокнутого, пока не свалился в воду. И, продолжая путь, слышит, как тот напустился на матроса: кретин, идиот – ну, в общем, всякие такие слова, которые французы произносят в нос, сильно округляя губы. Не то что грубияны-испанцы – эти чихвостят своих парней на чем свет стоит, не щадя ни матерей, ни бабушек, катись отсюда, ублюдок, а не то я оторву тебе яйца и сделаю себе брелок для ключей. Ни больше ни меньше. Наконец Келеннек добирается до носа корабля, где верхом на бушприте, крепко обхватив его руками, сидит впередсмотрящий.

– Я вроде бы что-то видел, мои капитэн.

– Что-то?.. Какое такое «что-то»?

– Же-не-се-па^[14].

Келеннек облокачивается на планшир и впиается глазами в сплошную серую массу, сквозь которую движется нос «Энсертена». Ровным счетом ничего. Ни силуэта, ни звука, если не считать плеска воды, рассекаемой форштевнем у него под ногами. Почти прямо по курсу, румбах в четырех левее, туман вроде бы немного рассеялся. Бриз свежеет, и парусина кливеров провисает меньше. «Энсертен» идет бейдевинд правым галсом, ветер ловят кливер, бом-кливер и огромная бизань; марсель на единственной мачте тендера зарифлен, но так, чтобы его можно было легко поставить, если понадобится удирать во все лопатки. Келеннек, ковыряя в носу, поднимает глаза на «воронье гнездо» – марсовую площадку; едва различимая во мгле, она покачивается в шестидесяти футах^[15] над головой. Он не решается окликнуть другого наблюдателя, сидящего там, наверху, – ведь всем понятно, что таится в этом плотном тумане, – и посылает на ванты гардемарина Галопена, ему только четырнадцать, и он лазает как обезьянка. Мгновение спустя Галопен соскальзывает вниз – так быстрее – по мачтовому штагу и сообщает, что сверху видно меньше, чем в зад у покойника. Именно так он и выражается: в зад у покойника. *Le cul de un palme*. Даже для послереволюционного – еще полчаса назад императорского – военного флота это чересчур вольное выражение. В другое время Келеннек сурово отчитал бы Галопена, кескесеса, мои анфан-де-ла-патри^[16], вы чересчур распустили язык, и рано или поздно это создаст вам проблемы, если, конечно, доживете; но сегодня, на рассвете этого утра, его голова занята другим. Где-то между «Энсертеном» и сушей плавают объединенная франко-испанская эскадра: тридцать три линейных корабля, пять фрегатов и две бригадины, плавают и ждут возвращения тендера с результатами разведки, а насчет задницы покойника – сравнение вполне подходящее. На ум Келеннеку вновь приходит, тревожа его, недавняя мысль. А вдруг он, сам того не зная, находится прямо посреди английской эскадры?

– Сукины дети, – сквозь зубы повторяет он.

– Но мы-то в этом не виноваты, несл^[17], мон капитэн? – отзывается впередсмотрящий, полагая, что это приглашение поучаствовать в разговоре. – Ведь в этом чертовом тумане не видно *authentique merde*^[18].

– Не те э парле а туа^[19], Бержуан. Занимайся своим делом.

Впередсмотрящий умолкает и лишь тихонько ворчит себе под нос. Келеннеку не нужны разные там морские уставы, чтобы разбираться со своими людьми, поэтому он не мешает парню. А бриз-то все больше набирает силу, с облегчением отмечает он про себя. Он не суеверен, однако все же принимается тихонько насвистывать, зазывая ветер. Фью, фью, фью. Впередсмотрящий искоса на него поглядывает, но Келеннеку плевать. Куда смешнее было бы, начини он скрести ногтями мачту, как в подобных случаях делают англичане, или молиться и

креститься, как испанцы – уж эти-то даже паруса не зарифят без того, чтобы не приплести господа бога и не помолиться всем святым вместе и каждому по отдельности. Так что он посвистит еще немножко – фью, фью. Ровно столько, чтобы ветру хватило силы хоть как-то разогнать эту серую мерзость и надуть паруса. Чтобы он, Келеннек, смог выполнить данное ему поручение и свой долг перед la Patrie^[20] – как следует рассмотреть, что там, впереди. Потому что уже пора бы.

– Ветер крепчает, мон капитэн.

Это правда. Вест уже отчетливо потягивает, мало-помалу раздирая в клочья туман перед носом «Энсертена». Паруса, наполняясь ветром, рвут кренгельсы, крепящие их к леерам; шкоты натягиваются, и движение тендера становится все более уверенным и ощутимым.

– Там келькешоз даван^[21], – настаивает впередсмотрящий.

Келеннек, сошурясь, буравит зрачками туман, прислушиваясь. Время от времени он краем глаза посматривает на матроса, который по-прежнему невозмутимо вглядывается в серую завесу. Не зря здесь именно Бержуан. Из всей команды «Энсертена» у него самый зоркий глаз, а еще особое чутье на такие вещи – что-то вроде шестого чувства. Как-то раз, на обратном пути из Канады, в сотне миль от мыса Фарвель, он углядел в тумане айсберг на расстоянии всего двух кабельтовых^[22]. «Айсберг!» – крикнул он (из этого негодяя лишнего слова крючком не вытянешь), и сердце у всех замерло, и не дышали они, пока рулевой, навалившись на штурвал, отворачивал тендер от этого белого чудовища, едва не царапая его днищем. Бержуан нюхом учуял лед. Хорошо бы он вот так же учуял сегодня англичан, думает Келеннек.

– Вуалья^[23], – произносит впередсмотрящий.

Пусть у меня все отсохнет, думает Келеннек, если этот парень неправ. Набирающий силу бриз сносит туман, и в разрывах серой завесы начинают мерцать золотистые огоньки, очерчиваются тени. Над морем очень низко висит обширная туча, сверху она освещена, снизу совсем темная; и по мере того как тендер продвигается вперед, забирая вправо, чтобы выйти на ветер, а в тумане образуется все больше просветов, белесая часть тучи распадается на десятки трапеций и квадратов – какой больше, какой меньше, – подсвеченные сзади солнцем, невидимым по эту сторону тумана. «Энсертен» проходит еще немного, бриз становится настоящим ветром, и странная туча прямо на глазах у Келеннека рассыпается уже не на десятки, а на сотни трапеций и треугольников – и это не что иное, как паруса. Сверху, из «вороньего гнезда», доносится тревожный крик марсового – как раз в тот момент, когда Бержуан застывает, как и его командир, не в силах произнести ни слова, глядя, как нижняя, темная часть тучи тоже распадается на бесчисленные корпуса с черными, желтыми и белыми полосами: это огромная эскадра двух- и трехпалубных линейных кораблей, идущих под всеми парусами курсом зюйд-зюйд-вест в окружении фрегатов, охраняющих, словно овчарки, свое грозное стадо.

– Сукины дети, – вновь обретя дар речи, в который уже раз произносит Келеннек.

Он окаменел с широко распахнутыми глазами. Никогда еще за всю свою пропитанную соленой морской водой жизнь он не видел столько вражеских кораблей сразу. И кто знает, сколько он еще простоял бы так, но тут с борта ближайшего фрегата что-то полыхнуло: беззвучная вспышка, грохот которой доносится мгновение спустя, и одновременно раздирающий барабанные перепонки вой летящего пушечного ядра накрывает «Энсертен» и уносится назад, туда, где еще не рассеялся туман.

– Считай их, Бержуан!.. К повороту! Все к повороту!

Келеннек выкрикивает эти и другие команды уже на ходу – он устремился на корму, стараясь не бежать, а тем временем люди несутся к брасам, карабкаются по вантам, комендоры собираются у своих пушек, а из-за переборки высунулось сонное, недоумевающее лицо старпома, старшего лейтенанта Де Монтети.

– Ставить марсель!.. Как только повернем!..

Еще одна вспышка с фрегата, а потом третья – с одного из больших кораблей, тех, что поближе, до них меньше полумили; два новых ядра с воем пропарывают воздух совсем рядом с мачтой «Энсертена». Ррраааа. Ррраааа.

– Сукины дети.

На сей раз этот комментарий, с присвистом на букве «с», исходит, конечно же, от Манолё Ко-гегуэвоса, штурмана-испанца, который, согнувшись, спрятался за рулевого. Одно из ядер, прежде чем поднять столб воды у самой кормы, чуть не расчесало ему волосы на прямой пробор.

– Поднять drapeau^[24] – гремит Келеннек.

Гардемарин Галопен спускает португальский торговый (толку от него оказалось мало – всего лишь пара минут) и поднимает вместо него трехцветный стяг: Либертэ, эгалитэ, эт-сетерэ^[25].

Де Монтети в одной рубашке – уже на своем посту возле нактоуза и выкрикивает распоряжения: командует маневром, попутно прочищая ногтем гноящиеся глаза. Первый и второй боцманматы подгоняют людей на палубе, главный комендор Пейреги готовит к стрельбе батарею бакборта. Все торопятся, все нервничают, но они вместе уже полтора года, и Келеннеку известно, что каждый человек в его команде знает свое дело. Он на глаз прикидывает курс, дистанции, направление ветра, отмечает, что возле орудий бакборта появились люди, а на штирборте уже изготовились и ждут лишь команды открыть огонь.

– Аллонзанфан^[26] – говорит он Де Монтети.

Старпом кивает и начинает отдавать распоряжения. Келеннек приказывает рулевому сменить галс, а пока тот налегает на ручки штурвала, чтобы увеличить скорость, командует: кливер-шкоты раздернуть, гик перенести. Следующее ядро с фрегата, который, тоже сменив галс (тревожное зрелище), начинает разворачиваться в сторону «Энсертена», падает в море – на этот раз недолет, – в самый разгар поворота оверштаг: все больше крепчающий ветер наваливается на носовую часть тендера, над бушпритом хлопают кливера, а матросы приготовились выбрать шкоты с другого борта.

– Скажи им au revoir^[27], Пейреги!.. – кричит Келеннек главному комендору. – За императора!

Пейреги, коснувшись матросской шапочки жестом – словно бы отдав честь, – убеждается, что три из шести пушек батареи бакборта готовы открыть огонь, наклоняется, сощутив глаз, к прицелу одной, отбирает у командира орудия пальник, раздувает фитиль, ждет, когда на следующей волне палуба снова поднимется, и подносит фитиль к запальному отверстию пушки. Буммм-ррраааас. Куда попало ядро, не видно, но, по крайней мере, выстрел дает понять, что тендер собирается вести эту игру с достоинством. Английскому фрегату – три мачты, все паруса подняты – маневрировать труднее, он продолжает разворачиваться, стараясь захватить полощущими парусами ветер, чтобы начать охоту. Он все больше уходит за траверз «Энсертена», сам еще оставаясь почти кормой к нему, когда – буммм-ррррааа, буммм-ррррааа – остальные пять пушек левого борта тендера дают залп, вздымая клубы черного дыма над палубой и пенно-водяные плюмажи совсем рядом с англичанином.

– Ставить грот и марсель, – говорит Келеннек помощнику.

Английский фрегат уже остался за кормой, тендер удаляется от него, держа курс норд-ост. Пока одни матросы находят кливера с подветренной стороны, другие ставят огромный прямой парус, который расправляется с оглушительным хлопком, а люди внизу брасопят реи и орудуют шкотами и брасами. Ррраааааа. Следующий выстрел с английского фрегата – он еще не закончил разворот – пробивает дыру в гроте, заставляя пригнуться матросов, теперь ставящих марсель. Парус, освободившись, тут же захватывает ветер, и тендер разгоняется. Келеннек стоит на корме, засунув руки в карманы кафтана, и, зная, что штурман, рулевой и Манолё Когегуэвос исподтишка поглядывают на него, с притворным безразличием взирает на

британскую эскадру, которая продолжает двигаться курсом зюйд-зюйд-вест величественно и невозмутимо – так, будто перестрелка между одним из кораблей ее конвоя и этим нахальным суденышком не имеет к ней ровно никакого отношения. Потом Келеннек думает: хоть бы уж Бержуан точно сосчитал корабли, хоть бы не ошибся. На всякий случай он оборачивается к гардемарину Галопену и приказывает записать, пока вражеская эскадра не скрылась из виду, сколько в ней больших трех- и двухпалубных судов. Затем принимается мысленно подсчитывать круги, квадраты и треугольники, катеты и гипотенузы: движения фрегата, преследующего «Энсертен», – он как раз закончил разворот, – и еще одного, чуть к норду, который, судя по всему, тоже собрался поучаствовать в охоте. Вот сволочь. Но «Энсертену» скорости не занимать, и Келеннек успокаивается, ощутив, как его тендер легко мчит на всех парусах среди последних клочьев тумана – гик полностью растянул трисель, водорез форштевня рассекает море. На острие длинного прямого шлейфа белой пены – маленькое суденышко, изо всех сил несущееся туда, где должна находиться франко-испанская эскадра. Несущееся с известием о том, что сэр Горацио Нельсон^[28] с английской пунктуальностью явился на встречу.

2. Линейный корабль «Антилья»

Капитан первого ранга дон Карлос де ла Роча-и-Окендо – за спиной пятьдесят два года, тридцать восемь из которых отданы морю, – командир семидесятичетырехпушечного линейного корабля «Антилья», справедлив, сух и непоколебим. А кроме того, набожен – носит в кармане четки и каждый день ходит к мессе, когда на берегу, – хотя и в разумных пределах. На борту своего судна он – первый после господ бога. А может (все зависит от точки зрения), даже и не после. Короче, он – господь бог.

Они нас просто сомнут, думает он.

Так он оценивает то, что видит.

Капитан с треском складывает подозрную трубу и сокрушенно качает головой, оглядывая строй судов. А сам думает: пресвятая дева Мария-дель-Кармен. Пока что это можно назвать походным порядком, только если призвать на помощь всю свою добрую волю, потому что на самом деле там полный кавардак. Некоторые корабли оказались с подветренной стороны или, хотя и благоразумно не разбив строя, отстали, и таким вот образом франко-испанская эскадра движется курсом зюйд при слабом весте, чуть с уклоном в норд-вест, штирборт. Пять фрегатов, обе бригаантины и тендер (все французские), идущие вне боевого порядка, сигналият как безумные, изучая противника или повторяя распоряжения и указания адмирала Вильнева, который находится посередине строя, на борту своего флагмана. Тридцать три вражеских паруса вест, прямо-таки вопиют сигнальные флаги. Однако все это – флаги, сигналы и бешеная суета – уже ни к чему, потому что с первым лучом света этого дня на горизонте, с наветренной стороны, уже без всяких подозрных труб можно разглядеть огромную массу парусов английских кораблей, готовящихся к бою. А в морских сражениях, в принципе, кто на ветре, тот и решает, когда, где и как обломать противнику рога. Если сумеет. А эти сукины сыны – лучшие моряки на всем белом свете. Значит, они сумеют.

– Двадцать семь линейных кораблей... Четыре фрегата... Одна шхуна... Один катер... Сгруппированы беспорядочно.

Среди царящего на ахтердеке безмолвия голос гардемарина Ортиса, читающего с помощью другой подозрной трубы сигналы флажков с разведчиков, звучит немного взволнованно: самую малость, ровно настолько, чтобы у начальства не было повода призвать юношу к порядку. В конце концов, ему, самому старшему из троих гардемарин «Антильи», всего лишь восемнадцать, а те, кто сейчас рядом с ним, сами когда-то прошли через подобное. Карлос де ла Роча смотрит на своего помощника, капитана второго ранга Хасинто Фатаса, который тоже отвечает ему только взглядом. Фатас – немногословный арагонец, из тех, кто сделал карьеру, следуя принципу «молчание – золото». А кроме того, они с де ла Рочей уже

давно плавают вместе и научились обходиться без лишних слов. Они понимают, как натянуты нервы и у этого парнишки, и у всех остальных. А еще понимают, что на них надвигается – с самого момента их отплытия из Кадиса два дня назад. Или даже еще раньше. С тех пор, как французский адмирал не выполнил приказа Наполеона и позволил запереть себя там, как птицу в клетке, дав тем самым время Нельсону подойти, а англичанам – собраться в кулак. Проклятый трус Вильнев. В конце концов он-таки решился выйти в море – с опозданием и кое-как, – лишь узнав, что его собираются сместить.

– Сигнал с флагмана, – продолжает докладывать гардемарин. – Перестроиться... Так держать зюйд, правый бейдевинд, всем стоять по местам... Дистанция один кабельтов.

Помощник, перегнувшись через леера, отдает необходимые приказания, и палуба «Антильи» заполняется людьми, занимающими места у брасов; шлепают бегущие туда-сюда босые ноги, матросы карабкаются по смоленным выбленкам под свистки и выкрики боцманов. Держать этот шкот, бестолочь. Крепить брасы, мать вашу. Быстрее, пока я вам задницы не надрал. Короче, все как всегда. Вывихнутые суставы, ободранные руки, на лицах растерянность и панический ужас, и так – от бака до юта. Хаос, от которого мурашки бегут по коже, потому что из восьмисот восемнадцати человек (команда – шестьсот шестьдесят восемь душ, – усиленная ста пятьюдесятью артиллеристами, матросами, юнгами и стрелками морской пехоты), которые должны были участвовать в сегодняшнем сражении, на борту, как вдруг выяснилось, не хватает пятидесяти шести. А кроме того, две трети их тех, кого, за неимением иного выхода, все-таки удалось согнать в кучу, как стадо (это помимо солдат-пехотинцев и артиллеристов, прежде не нюхавших соли), – просто всякий сброд, набранный пару недель назад в Кадисе и его окрестностях: разные там пастухи, нищие, крестьяне, уголовники, пьяницы, люд из бедных кварталов; их приходилось поднимать на борт под угрозой рекрутерских штыков, и вот теперь они, оборванные, охваченные ужасом, измученные морской болезнью, блюют там и сям, поскальзываются на палубе и карабкаясь по вантам, вопят от страха, когда их плеткой загоняют на мачты, и сбиваются в кучки, как скотина, напуганные качкой и видом вражеских парусов. В общем-то, у противника люди – того же самого поля ягода, но долгие кампании, зверская дисциплина и доля в добыче сделали из английской шушеры отличных матросов и комендоров. А рекруты «Антильи» еще не успели усвоить, что настоящий моряк, поднявшись на борт, чтобы послужить королю, не должен забывать и о себе. Всего два дня, как они вышли в море, и ни одна пушка еще не выстрелила, а пятерых бедолаг уже нет – и это не считая тех, кто просто себе что-нибудь сломал или вывихнул: один свалился в воду ночью, когда ставили парус, трое расшиблись о палубу, сорвавшись с реев (последний – всего с час назад, на рассвете; пролетев сто двадцать четыре фута, шмякнулся прямо на влажные от ночной сырости шканцы, в четырех шагах от капитана. Аааааа, – выдохнул он. Чвакнуло, и голова у него треснула как арбуз). Пятого – крестьянина, который только что женился и которого вербовщики вырвали из объятий жены на другой день после свадьбы, – пришлось застрелить накануне вечером, когда он, свихнувшись, с абордажным ножом в руке набросился на лейтенанта второй батареи. Ну и дела.

– Фатас.

– К вашим услугам, мой капитан.

– Когда мы закончим этот проклятый маневр, постройте этих несчастных на палубе.

Коснувшись четырьмя пальцами одного из углов треуголки, арагонек возвращается к своим делам. А де ла Роча подходит к леерам штирборта и, оперевшись на одну из четырех установленных на ахтердеке восемнадцатифунтовых английских карронад^[29] (на каждой – заводское клеймо: Carron Iron Company), оглядывает рассыпавшуюся за ночь смешанную эскадру. Еле ползя, потому что ветер совсем слаб и дует порывами, да и волнение затрудняет ход, тридцать три ее корабля мало-помалу выстраиваются в боевой порядок – дугу, растянувшуюся от десятой до двенадцатой мили норд-вест от мыса Трафальгар. Чтобы поскорее добраться до своего места в строю, одни подняли все паруса, другие маневрируют,

пытаясь поймать ветер; те, кто оказался с подветренной стороны, стараются встать к ветру и удержаться на месте. Предутренняя мгла рассеялась, стало совсем светло, и теперь можно охватить взглядом почти всю дугу: впереди, к зюйду, эскадра наблюдения во главе с «Принсипе де Астуриас», на борту которого находится адмирал Гравина, а рядом с ним «Альхесирас» – там французский контр-адмирал Магон – и еще десяток испанских и французских линейных, по большей части семидесятичетырехпушечных кораблей. Среди кораблей центра (их четырнадцать – это основные силы, или вторая эскадра) выделяется черный корпус стодвадцатипушечной «Санта-Аны», которой командует генерал-лейтенант Алава, а чуть ближе, почти бок о бок, расположились восьмидесятичетырехпушечный «Бюсантор» (на нем держит свой флаг адмирал Вильнев, командующий объединенной эскадрой) и величественный «Сантисима Тринидад» (под командованием генерала Сиснероса и своего капитана Уриарте) – гордость испанского флота, построенный в Гаване, единственный в мире четырехпалубный корабль, несущий на борту сто тридцать шесть орудий. Его мощный корпус раскрашен красными и черными полосами, а не уставными желтыми и черными, как у большинства испанских кораблей: мачты желтые, каюты фарфорово-белые с синим, бак и твиндек – оливково-терракотовые, чтобы в бою пятна крови не бросались в глаза.

– Чтобы все было разумно, немарко, но fashion^[30], – изрек в свое время очередной министр. – Чтобы наши ребята не скисали, когда их начнут крошить, а продолжали кричать «Да здравствует Испания!» и все такое.

Было бы слишком – и это отлично известно капитану де ла Роче – желать, чтобы подобный корабль, восхищающий и союзников, и врагов, построенный из испанской и американской древесины на отличных верфях, имел еще и команду, себя достойную. Иначе мы не говорили бы о той старой, всеми третируемой Испании, где прежняя политика маркиза де ла Энсенада, возвысившая ее до уровня морской державы, уже давно погибла от рук череды сменявших друг друга министров, которые, казалось, больше работали на врага за фунты стерлингов (и такие случаи действительно были), чем на благо своих соотечественников. К этому следует прибавить обычное положение вещей – повсеместную коррупцию, офицеров, опытных, но лишенных моральных стимулов и жалованья; матросов, поработанных, неподготовленных, не видящих цели, из-под палки отдающих полжизни службе: единственное будущее для них – это смерть, увечья, нищета и жалкая старость. В отличие от французов с их свежим патриотизмом, новенькой Империей, ле-жур-де-глуар-эт-арривэ^[31] и прочей парафернализацией, с правом на деньги своих пленников и на пунктуально выплачиваемое жалованье, или от англичан – отлично подготовленных профессионалов (ни один из их офицеров, независимо от его заслуг, связей или отсутствия таковых, не допускается к командованию более чем двадцатипушечным кораблем, пока не отбарабанит на море десяток лет), которым платят за пленных, а за особые заслуги повышают вплоть до капитана, после чего они получают дальнейшие звания в строгом соответствии с выслугой лет, сколько бы сражений ни выиграли: полная противоположность испанцам, которые становятся капитанами по очередности, а адмиралами – благодаря связям. А в довершение всего (горько заканчивает про себя де ла Роча), у нас безвольный, ни на что не способный король, королева-шлюха и ее любовник – Годой, Князь мира^[32], мадридский красавчик, герой Апельсиновой войны^[33], главнокомандующий морскими и прочими силами, каждый день лижущий задницу Наполеону с этими сан-ильдефонскими договорами^[34].

– С вашего позволения, сеньор капитан, – раздается за спиной голос гардемарина Ортиса. – Сигналы с «Формидабля».

Карлос де ла Роча бросает взгляд на флаги, ползущие вверх на флагмане адмирала Дюмануара, командующего подразделением арьергарда, или третьей эскадрой, в состав которой входит и «Антилья». Семидесятичетырехпушечный линейный корабль француза расположился на расстоянии двух третей длины дуги, между испанским «Сан-Агустином», который, хоть и относится к другому подразделению, немного отстал и оказался с подветренной стороны, и французским «Монбланом», сейчас поднимающим все паруса, чтобы

занять свое место перед носом «Формидабля». Впереди движутся выбившиеся из строя французские «Дюгей-Труэн» и «Эро» и испанский «Сан-Франсиско де Асиз». Дальше дряхлый испанский трехпалубник «Райо» (дедушка эскадры) – он, как всегда, сильно отстал, – напрягая все паруса, торопится занять предписанное место в боевом порядке. За ним следуют «Энтрепид», «Сипион» (французские семидесятичетырехпушечные линейные корабли) и «Антилья», предпоследняя в строю. В кильватере идет, немного оторвавшись, весь в парусах по самые клотики, испанский «Нептуно» (восемьдесят орудий); им командует старый друг капитана де ла Рочи, бригадир^[35] Кайетано Вальдес. Другой его добрый приятель, бригадир Косме Чуррука, на своем «Сан-Хуане Непомусено» сейчас, наверное, занимает место на другом конце дуги, во главе строя. Все трое, как и их товарищи, вышли в море, не получив жалованье за полгода, и, возможно, кому-то из них теперь уже не получить его никогда. Обычное дело на флоте. Так рождается слава Испании.

С «Формидабля» опять сигналият. Юный Ор-тис вскидывает подозрную трубу. Ну и фрукт этот Дюмануар, думает капитан, хлебом его не корми, а дай показать всем, кто командует арьергардом.

– Всем стоять по местам... Соблюдать дистанцию один кабельтов.

– Да пошел ты, лягушатник, – тихонько произносит кто-то сзади.

Капитан оборачивается. На лицах у всех офицеров (старшего помощника Фатаса, капитан-лейтенанта Орокьеты, старшего лейтенанта Макуа, лейтенанта Грандалля, мичмана Себриана, старшего штурмана Линареса и гардемарин Ортиса, Фалько и Видаля) написана полная непричастность. А ведь, как ни кинь, они правы. Контр-адмирал Дюмануар вполне мог бы избавить своего сигнальщика от лишних трудов. «Бюсантор», флагман адмирала Вильнева, уже передал этот сигнал пяток тысяч раз, фрегаты его повторили, так что увидели все, и распоследнему тупице в эскадре – а также англичанам – отлично известно, что адмирал-союзник распорядился держать дистанцию один кабельтов, или сто двадцать саженей, и что всем надлежит идти в линейном строю, в затылок друг другу, как лесные гномы: хей-хо, хей-хо и все такое. Но ведь очевидно, что при слабом ветре, с таким волнением и таким беспорядком, еще не расхлебанным после ночи, все весьма сложно, хотя каждый старается изо всех сил. Самого Дюмануара снесло немного под ветер, с удовольствием отмечает про себя де ла Роча, и его «Формидабль», пытающийся лавировать, бросаю то одни, то другие реи, являет собой не столь уж великолепное зрелище^[36].

– «Формидабль» репетует приказ, сеньор капитан.

Де ла Роча не выносит Дюмануара. Даже сейчас, пользуясь сигнальными флажками, этот тип надменен и болтлив. На самом деле капитан «Антильи», как и большинство его товарищей, не переваривает своих французских коллег, навязанных им союзом с Наполеоном. Зато по-настоящему восхищается этими негодьями-англичанами, их профессионализмом, их патриотизмом, их хладнокровной сноровкой и их командами, дисциплинированными и убийственно точными, когда приходит время палить из пушек благодаря всем этим качествам они намного превосходят любой другой военный флот мира. С англичанином, с женщиной и с ветром, гласит пословица, держи ухо востро. Но именно так обстоят дела. Что же до смешанной эскадры, то аристократизм начальников и офицеров испанского военного флота (все они происходят из более или менее хороших семей), их классовое сознание и манеры контрастируют с простонародными грубостью и высокомерием их союзников, вышедших из рядов революционных матросов. У себя дома в начале революции офицерам Людовика XVI, то есть людям того же происхождения, что и испанцы, они старательно рубили головы – гильотина только знай себе постукивала; и до тех пор, пока Наполеон не сделался императором и не навел кое-какой порядок, новые звания давались не за выслугу лет, а за то, что такой-то лихо забрасывает абордажные крючья, а потом вместе с добром пленников оделяет своих ребят хлопками по спине, мол, оляля, Гастон, мон ами, да здравствуют эгалитэ, фратернитэ и все такое. Уи^[37]. Капитана де ла Рочу – он приверженец классики и его власть

опирается на почтительное уважение, богобоязненность и Королевский устав 1802 года – просто тошнит от всех этих вульгарных французских замашек; однако он признает, что лишь благодаря им (и в отличие от большинства испанских моряков всех рангов) союзники убеждены, будто рвут себе пупок во имя родины, как англичане, и так же, если не еще больше, почитают своих командиров, и обычно готовы последовать за ними даже в ад, и, в общем-то, делают это. Взять, к примеру, коротышку Люка с «Редутабля»: росту в нем всего-то метр пятьдесят, он самый низенький капитан на всем французском военном флоте, но отваги ему не занимать. По мнению Люка, вся тактика ведения морского боя заключается в том, чтобы подойти к противнику с наветренной стороны, открыть пушечный огонь в упор и палить друг в друга до того момента, пока какой-нибудь из кораблей не спустит флаг или не пойдет на дно, а может, еще куда-нибудь подальше. А потому, следуя своей идее, все время вынужденного ожидания в Кадисе он занимался тем, что натаскивал своих людей, обучая их всему, что касается абордажа, и платил из собственного кармана за вино, коньяк и шлюх для тех, кто лучше всех управлялся с пикой и саблей, стрелял из мушкета из «вороньего гнезда», забрасывал абордажные крючья, метал гранаты и бутылки с порохом, и в результате даже последний юнга с «Редутабля» дал бы содрать с себя шкуру заживо, будь на то приказ его командира. А когда ты в море и кругом сыплются ядра, пули и обломки, картечь сметает с палубы все и вся, а о твой борт стучается борт вражеского двухпалубника, такие вещи кое-чего стоят.

– С вашего разрешения, мой капитан, – говорит Фатас. – Люди построены на шканцах.

Карлос де ла Роча кивает, поправляет золоченую шпагу на поясе и украдкой бросает взгляд на свои поношенные чулки – не слишком ли бросается в глаза штопка. Да нет, почти незаметна. Перед боем он никогда не надевает сапог – с тех пор, как во время сражения при Сан-Висенте (тому – мать пресвятая богородица – уже восемь лет) осколок картечи угодил ему в ногу, и лекарю, чтобы добраться до раны, пришлось разрезать сапог. А сапоги стоят столько, что не приведи господь.

– Что ж, пойдем почитаем им букварь, – со вздохом произносит капитан.

С высоты правого трапа ахтердека – толстенная бизань за спиной покряхтывает под напором парусов и вант – де ла Роча оглядывает палубу. Люди построены (даже относительно четко, если принять во внимание обстоятельства) по бригадам и вахтам, они заняли собой все шканцы и полутораметровой ширины шкафуты по обе стороны, до самого бака; комендоры взобрались на консоли для боеприпасов и на лафеты пушек, еще крепко принайтовленных на своих местах у задраенных портов. Даже марсовые из «вороньих гнезд» свесились пониже, держась за снасти, и внимательно следят за тем, что происходит на палубе. Там-сям среди штатских лохмотьев рекрутов виднеются, придавая этому сборищу некую видимость дисциплины, коричневые холщовые мундиры и красные шапки морских пехотинцев и комендоров, синие формы сухопутных артиллеристов, белые кафтаны солдат Кордовского и Бургосско-го полков и синие с желтыми отворотами – каталонских добровольцев, восполняющих нехватку людей на борту (как говорится, и на том спасибо, хотя многих укачивает и рвет как свиней). Расчеты первой и второй батарей тоже поднялись на палубу вместе со своими капралами и офицерами; здесь также плотники, конопатчики, коки и все остальные; в общей сложности семьсот шестьдесят один человек (с капитаном – семьсот шестьдесят два). Их строй занимает всю палубу до первых носовых орудий, а над их головами – сплетение целого леса мачт и реев, парусины и снастей; оно колыхается в такт волнению, и под бейфутами все деревянные части стонут, будто корабль заранее оплакивает свою судьбу. Даже хирург, его помощники и кровопускатели высунули головы из люка. Опытный глаз капитана по одежде и выражению лица мгновенно отличает бывалых моряков (которые не захотели, а вероятнее всего – не сумели удрать) от новичков, завербованных насильно: вытаращенные глаза, бледная кожа, раскрытые в оцепенении или от страха рты – рядом с лицами, выдубленными солнцем и морской солью, с мозолистыми руками и выражением

безропотной покорности судьбе во взгляде – оно присуще людям, уже закаленным морем и войной. По крайней мере, мысленно утешает себя де ла Роча, больше трети команды – народ, уже прошедший огонь и воду, и большинство из них знает свое дело как следует. Или почти как следует. А вот многим из новичков, к сожалению, так и не суждено его освоить.

И все-таки, думает капитан, какой же Королевский флот был у нас еще недавно: мореходные училища, мастерские, изготовлявшие часы и приборы – навигационные, астрономические, геодезические; современные верфи в Гаване, Эль-Ферроле и Картахене, способные построить фрегат всего за полтора месяца. Еще шесть лет назад, через два года после того, как нам задали перцу при Сан-Висенте, у нас было семьдесят девять линейных кораблей, и некоторые из них англичане почитали (что уже само по себе – выражение почтения, когда речь идет об этих собаках) лучшими в мире. Теперь половина этих кораблей гниет на приколе из-за недостатка средств, а на тех, что еще способны держаться на воде (и которые мы еще не отдали французам), ходят те же, что и всегда: мы. Начальники и офицеры, получающие мизерное жалованье, без всяких стимулов, хотя многие из них – морские инженеры, математики, астрономы и ученые, уважаемые во всей Европе. Просто великолепно. И хотя, несмотря на заповолившие королевство небрежение и бюрократию, они несут (то есть мы несем) свою службу, движимые понятиями о чести и долге, нельзя требовать этого от матросов, лишенных денег, медицинской помощи и лекарств, или от рыбаков, шарахающихся от военного флота как от чумы. Или от комендоров, или от опытных моряков, дезертирующих, чтобы не попасть на корабль и избежать тягот и лишений жизни на борту и нищеты для себя и своих семей: они предпочитают законтрактоваться в сухопутные войска или военные флоты других стран, в том числе Франции. Короче, с ними всегда обращаются согласно старинному и зловещему испанскому уставу, гласящему: «Не по совести, а по изволению».

Но даже при таком положении вещей они сражаются как надо. Карлос де ла Роча не раз видел это – видел вот этих людей или других таких же, как они. Перепуганные, неуверенные, они думают: господа, что я тут забыл, почему не остался дома, – но под огнем, когда все становится так просто – чтобы остаться в живых, нужно драться, – и сквозь страх, кровь и боль пробиваются отвага, злость и ненависть к врагу, осыпающему тебя ядрами, иногда все меняется. Сильно меняется. Три месяца назад, в бою у мыса Финистерре, люди, поначалу такие же неопытные, как эти нынешние рекруты, и прошедшие в море лишь недолгое время, сражались целый день в тумане, сражались отчаянно–и заставили англичан отступить. Кстати (и де ла Роча один из многих испанских моряков, которые так думают, потому что борьба с врагом совместима со здравым смыслом), винить во всем одних только англичан нельзя. Да – Испанию и ее военный флот привели к их нынешнему коматозному состоянию большие интересы других стран, но также и свары между разными шишками на ровном месте, низкие придворные интриги, чьи-то личные страхи, а более всего – абсолютная бесталанность правительства, отданного в руки Мано-лито Годоя (у других есть Питт, Талейран или Меттерних^[38], а вот у нас – Годой). Лишь таким образом можно понять, как мы оказались в этом зловещем тупике: чтобы сохранить нейтралитет перед лицом Англии, пришлось заплатить кучу денег Франции, а это неминуемо привело к войне с той же Англией. А еще раньше нежелание признать реальное положение вещей, цеплянье за фальшивый, как свинцовая золотая монета, мир сделало жертвами бесчисленных нападений испанские суда, которые шли из Америки, битком набитые грузами и пассажирами, недостаточно вооруженные, и становились легкой добычей для английских боевых кораблей, пока Годой – ах, мсье, ах, Ваше Превосходительство, господин консул – переписывался с парижским недомерком, а Испания тем временем катилась в тартарары. Что же до англичан, то уже в прошлой войне с республиканской Францией (когда Людовику XVI и его подруге жизни, гражданке Капет^[39], оттяпали головы этой новомодной машинкой) сыны коварного Альбиона оказались плохими союзниками – мелочными, неверными и жестокими, а уж теперь, когда они в роли врагов, и подавно хорошего не жди. Капитан «Антильи» знает это, что называется, из первых рук,

потому что, помимо сражений и многих лет жизни в море, он был вместе с адмиралом Лангарой и его английским коллегой Худом в 1793 году в Тулоне, когда испанская и английская эскадры пытались помочь этому городу, восставшему против Республики. Кстати, «помочь» – это в данном случае эвфемизм, поскольку, в то время как испанцы дрались на суше и старались спасти людей, англичане только грабили, рушили и жгли то, что не могли унести с собой. Как, впрочем, они поступают всегда. Сукины дети.

Внизу, на шканцах, царит абсолютное молчание. Гробовое – сейчас это слово подходит как нельзя лучше. Все офицеры поднялись на ахтердек и столпились у бизань-мачты, позади своего капитана. Тут и боевые офицеры, и командиры пополнения, и гардемарины. Де ла Роча подходит к краю трапа и останавливается, заложив руки за спину, ощущая на себе взгляды, исполненные уважения и страха, и надеясь, что внезапный порыв ветра не сорвет с него шляпу и не испортит впечатления от его величественной позы. Ведь ему в ближайшие часы предстоит распоряжаться жизнью и смертью этих людей, и все они знают это. Он их хозяин. Он бросает взгляд направо, где английская эскадра – до нее еще около лиги, – судя по всему, начинает выстраиваться в боевой порядок, и, вскинув руку в этом направлении, до предела повышает голос:

– Моряки и солдаты «Антильи»!.. Вот идут англичане, и мы будем драться!.. Ваш долг, так же как и мой, – поддерживать на плаву наше судно и наносить максимальный урон им!.. Я хочу, чтобы вы отвечали им ядром на каждое ядро, пулей на каждую пулю, безжалостно и беспощадно, потому что они нас щадить не станут!.. Всевышний примет в свое лоно тех, кто падет, исполняя свой долг!.. А тех, кто не будет исполнять его, я велю расстрелять!

Слово «расстрелять» еще вибрирует в воздухе, когда де ла Роча раскрывает том Морского устава, только что принесенный гардемаринном Ортисом, и начинает громко и ясно зачитывать параграф 34, пункт 11:

– «Тот, кто, в то время как его корабль находится в бою, трусливо покинет свой пост, дабы укрыться, будет приговорен к смерти. Такая же кара ждет того, кто во время боевых действий или до начала таковых примется кричать, прося остановить или не начинать их, и того, кто спустит флаг без непосредственного приказа командира корабля...»

Потом он резко захлопывает книгу, снова отдает ее гардемарину и смотрит на судового капеллана, падре Потераса, стоящего у подножия трапа. Капитану не по душе священник, доставшийся ему на сей раз, и он старается держать его подальше от кают-компания и ахтердека: он считает его тупым и нечистоплотным, к тому же чересчур падким на церковное вино, как, впрочем, и на любое другое. Но уж, как говорится, что бог послал. Совсем скоро, когда души начнут толпами отправляться в горние выси, будет все равно, пьян священник или трезв.

– Поднимайтесь сюда, падре, и делайте свое дело... Всем полное отпущение грехов. Это приказ.

Священник послушно подбирает сутану и поднимается до середины трапа, на ходу поправляя столу; и когда он, воздев руку, поворачивается лицом к морякам, все до единого, обнажив головы, опускаются на колени. Benedicat vos^[40] и так далее. Аминь. Де ла Роча снял шляпу и крестится, опустив голову. Он молится по-настоящему, истово, препоручая господа богу свою душу и будущее своей жены и четырех детей, оставленных в Кадисе. Быть может, сегодня, еще до наступления вечера, они станут вдовой и сиротами, обездоленными, беззащитными, как всегда происходит в подобных случаях в этой дерьмовой Испании, где гибель солдата или моряка, которые уже не смогут потребовать своего, предоставляет государству замечательную возможность прикарманить то, что оно им задолжало. Когда священник заканчивает отпускать грехи, капитан, все еще со шляпой в руке, поднимает голову и провозглашает:

– Да здравствует король!.. Да здравствует король!.. Да здравствует король!

И все те несчастные, которым совсем скоро предстоит погибнуть или остаться калеками и чьи вдовы и сироты не смогут получить ни их невыплаченного жалования, ни пенсии, ни хоть какой-нибудь компенсации за потерю кормильца, подхватывают, срывая голоса:

– Да здравствует... да здравствует... да здравствует..!

Де ла Рочу невольно передергивает. Бедняги. Если есть на свете король, недостойный этого клича, так это – их король. Их и его. Обрюзгшее напудренное ничтожество – Карл IV. Однако это не имеет никакого отношения к делу. Важно то, что на мгновение эти люди стали похожи на команду, а не на перепуганное стадо у ворот бойни. А засомневаешься – вспомни о долге. Умри, исполняя свой долг, и не ошибешься.

– Да здравствует Испания! – кричит капитан.

Семьсот с лишним голосов еще громяхают от носа до кормы: мол, да, мол, да здравствует Испания и все такое, а этих англичашек мы, мол, в бараний рог согнем и в порошок изотрем, если получится, – а де ла Роча думает: пока что я сделал все, что было можно. Даже если это совсем немного. Теперь остается только вступить в бой, повинаясь уставам, слепой дисциплине и так далее, приказам контр-адмирала-лягушатника, к тому же плохо знающего свое дело, вступить в бой в кое-как выстроенном порядке, при ветре, сносящем нас к опасному берегу и отменяя перед ним, так что если погода испортится (что вполне вероятно), положение оставшихся без управления кораблей станет критическим. Но все сложилось именно так, а не иначе. Поэтому де ла Роча бросает еще один взгляд на вражескую эскадру, нахлобучивает шляпу и делает знак шкиперу Роке Альгуасасу, надежному товарищу, с которым плавает уже шесть лет и который сейчас стоит чуть в стороне от толпы офицеров с командирской саблей в руках. Слов не требуется. Роке приближается, снимает с пояса де ла Рочи маленькую прогулочную шпагу (просто дурной тон) и пристегивает настоящую боевую саблю. Потом капитан поворачивается к своему помощнику.

– Фатас.

По свежевыбритому лицу капитана скользит печальная улыбка, выражающая покорность судьбе. Помощник тоже отвечает улыбкой. Точно такой же.

– К вашим услугам.

– Будьте так любезны, отправляйтесь на свой пост.

Осмотрительный, флегматичный, капитан второго ранга Хасинто Фатас де Понсано, сорокапятилетний отец двоих детей, поправляет галстук, проверяет застёжки кафтана, приподнимает шляпу, приветствуя флаг, развевающийся на верхушке бизань-мачты, и в сопровождении состоящего при нем гардемарина Фалько спускается по трапу, ведущему на шканцы, главную палубу и нос. Начиная с этого мгновения его место – на баке, у подножия фок-мачты, и он вернется на ахтердек лишь для того, чтобы принять на себя командование судном, если капитан будет ранен или убит.

– Что я тут забыл? Ведь я родом из Уэски.

Разумеется, Фатас произнес это не сейчас. Он сказал это накануне вечером, за стаканом хереса в капитанской каюте, наедине с Карло-сом де ла Рочей, а за широким кормовым окном, будто зловещий занавес, чернело море. А тебе не кажется (добавил он через некоторое время, впервые за долгое время обращаясь к своему командиру на «ты»), что Гравина должен был послать этих лягушатников в задницу и по-ложш»¹ на стол Годюю прошение об отставке, а не соглашаться на то, что теперь ожидает всех нас?.. Помощник капитана «Антильи» задал этот вопрос с бокалом в руке, глядя в глаза Карлосу де ла Роче, под шум кильватерной струи, поскрипывание корабля и первый удар колокола полуночной вахты. Доннн. Но тот не ответил, а теперь жалеет, что не пооткровенничал со своим помощником: мол, да, конечно, в этом все и дело, коллега, – наш адмирал Гравина, при всей своей дисциплинированности и понятиях о чести, просто придворная сволочь, в первую очередь политик и только потом моряк, и сейчас по его вине Испания наполнится вдовами и сиротами, среди которых, вполне возможно, будут

и наши с тобой. И я тоже считаю его сукиным сыном. Однако де ла Роча не сказал этого, а промолчал и только отхлебнул глоток хереса. Начальственное положение означает одиночество, рот на замке и все прочее в том же роде. Будь проклят этот декор. И сейчас он сожалеет об этом, глядя, как удаляется Фатас – его друг (насколько возможно быть другом командира на борту линейного корабля), которого, возможно, ему больше не суждено увидеть живым. Потому что, в самом деле, какого черта. Какого черта тут делает уроженец Уэски, мысленно задает себе вопрос де ла Роча. Или я, астуриец. Или они – все эти несчастные. Но именно так оно и бывает – что в Королевском военном флоте, что в жизни. И, вздохнув, он поворачивается ко второму помощнику.

– Орокьета, – окликает он, не повышая голоса.

Преувеличенно громко щелкают каблуки. У капитан-лейтенанта Орокьеты, думает командир, многовато ветра в голове, он повеса и балагур, но моряк хороший. И высоко держит свою честь: вот сейчас, когда другие норовили отсидеться где-нибудь в тихом углу, чтобы не выйти в море с эскадрой, он примчался сам, удрав из госпиталя, где приходил в себя после тифа и жестокой малярии. Вы же не захотите, чтобы я пропустил этот круиз, сказал он, явившись в сопровождении матроса, тащившего на плечах его сундучок. Трепло.

– Всем известно, что в испанском флоте, если у тебя в послужном списке три славных поражения, ты получаешь повышение досрочно... У меня на счету Сан-Висенте и Финистерре, так что требуется еще одно.

Капитан «Антильи» хорошо знает его и рад, что Орокьета здесь, рядом, вместе со своей преданностью и добродушием. Рад, что здесь он, и Фатас, и все остальные. Сегодня даже худшие из них будут делать свое дело как надо. Бывают дни, заключает про себя де ла Роча, которые искупают ошибки и грехи целой жизни.

– К вашим услугам, мой капитан, – говорит Орокьета. – Готов к резне и пучине.

Де ла Роча смотрит туда, откуда дует ветер. Откуда приближаются англичане.

– Кончайте шутить и командуйте боевую тревогу.

3. Бак

– Раздерните кливер, а то душа болит на него смотреть.

Стоя рядом с колоколом, сразу за фок-мачтой, гардемарин Хинес Фалько наблюдает, как второй боцман Фьерро выполняет распоряжения дона Хасинто Фатаса, старшего помощника «Антильи», который, с пистолетом и саблей на поясе, только что занял боевой пост на баке, он очень спокоен, доброе утро, господа, надеюсь, мы с вами не ударим лицом в грязь перед командиром и теми, кто смотрит на нас с кормы. Сигнал «корабль к бою к походу приготовить», будь он неладен. Сзади, у подножия грот-мачты, барабан продолжает выстукивать боевую тревогу: трам, трататам, трататам, трам, трам, а тем временем юнги таскают на палубу ивовые корзины с саблями, топорами и абордажными ножами, солдаты под надзором сержантов заряжают мушкеты, комендоры готовят к бою орудия штирборта на твиндеке и палубе. Здесь, на баке, неуверенно шлепая босыми ногами по влажным доскам, подгоняемые выкриками и ударами плетки второго боцмана Фьерро (а глазомер у него отличный и рука тяжелая), люди, приставленные к фок-мачте и бушприту, раздергивают риф, чтобы кливер стал вдоль ветра, але-гоп, але-гоп, а потом крепят шкот с подветренной стороны, чтобы парус забрал. А это целое искусство.

– Найтовь!.. Я сказал: найтовь!... Найтовить, мать вашу!

Матросы кое-как подвязывают фал и шкот и растерянно переглядываются, не зная, то ли они делают. Да и откуда им знать. Из полусотни с лишним несчастных, отправленных на бак, чтобы производить нужные маневры и обслуживать шесть восьмифунтовых пушек носовой батареи (три с левого борта, три с правого), лишь около дюжины имеют морской и боевой опыт, так что боцману пришлось самому ухватиться за шкот, чтобы довести дело до конца.

Мать вашу, бормочет он сквозь зубы. Мать вашу. Тяни, сукины дети. Еще тяни. Да вы просто сборище содомитов. Из Кадиса, понятное дело. В Кадисе только и есть, что тунец да содомиты.

Стоя в стороне, возле трубы камбуза, чтобы не мешать, дон Хасинто Фатас смотрит на них одним глазом, сощулив другой, будто целясь, чтобы выстрелить в рекрутов. Или в самого себя. Потом, сокрушенно вздохнув, оборачивается к гардемарину:

– Пусть здесь насыплут песка.

Он не говорит больше ничего, но Хинес Фалько угадывает остальное по его тону. Если эти бедняги скользят и спотыкаются уже сейчас, то лучше даже не думать о том, что будет, когда по доскам растекутся целые лужи крови. Внутренне содрогаясь, гардемарин просовывает голову в люк и отдает соответствующие распоряжения молоденьким юнгам, ожидающим внизу, на второй оружейной палубе, с бадьями песка. Когда им начинают посыщать палубу, бывалые моряки, переглядываясь, подталкивают друг друга локтями. Что скажешь, земляк? Да уж Новички тихонько задают вопросы, а получив ответ, озираются по сторонам, раскрыв рты и вытаращив от ужаса глаза, которые чуть не вылезают из орбит, когда другие юнги начинают раскладывать между орудиями сабли, топоры и абордажные ножи, такие острые, что даже смотреть страшно. Появляется мальчуган лет десяти-двенадцати с ведром водки и высокой кружкой; по только что рассыпанному песку он переходит от человека к человеку и дает каждому отхлебнуть этой вонючей отравы, но скупое: времени хватает лишь на один глоток. Один из «стариков», столпившихся возле кабестана, нарочито громко произносит, не прекращая точить о камень абордажный топор:

– Ну, коли моряка угощают выпивкой, значит, ему каюк. Верное дело.

Дон Хасинто Фатас для проформы велит боцману записать имя остряка. Чтобы потом не забыть всыпать ему по первое число, говорит он. И боцман делает вид, что записывает, хотя все, кроме новичков, знают, что через полчаса, когда полетят щепки и картечь, а сверху начнут валиться обломки мачт, куски мяса и чего угодно, всем будет наплевать на то, что запишет или не запишет Фьерро, мать его за ногу. А пока боцман прячет записную книжку, гардемарин Фалько поднимает глаза и смотрит на необъятный лес дерева, парусов и снастей, поскрипывающий у него над головой, на укрепленные мачты и реи, прихваченные цепями, чтобы не обрушивались в бою. Кррр, кррр, чррр, чррр – скрипит все это, лениво покачиваясь на волнах, и юноша чувствует себя мышью, оказавшейся внутри скрипки, на которой пытаются играть неумелые руки. Хинес Фалько уже восемь месяцев на судне и знает его от клотиков до лял, но когда он оглядывается по сторонам, вот так, как сейчас, его просто подавляют пропорции этого чудовища – с иголки, только что из ремонта, семидесятичетырехпушечного корабля: три с лишним тысячи тонн дерева, парусины, пеньки, железа и человеческой плоти, несомые корпусом, имеющим сто девяносто футов в длину и пятьдесят два в ширину, ниже ватерлинии обшивка медью, болты и гвозди бронзовые, везде американское дерево, феррольский дуб, астурийский бук, арагонская сосна, канаты из Мурсии и Валенсии, андалусская парусина, каталонская и севильская бронза, железо из Кантабрии. Совершенная машина, чудо инженерной мысли, артиллерийская платформа, созданная, чтобы передвигаться с помощью ветра, выдерживать шторма и крошить врага, если он позволит. Non plus ultra^[41] с килем и обшивкой из лучших лесов Испании и Америки. Все чистое, выскобленное, металлические части надраены до блеска, каждый свободный трос и канат уложен в бухту. Сорок миллионов реалов^[42], покачивающиеся на волнах. А совсем скоро, думает юный Фалько, большая часть всего этого разлетится в щепки и клочья, палуба станет скользкой от крови, у людей сознание затуманится от порохового дыма, и здесь воцарятся ужас и хаос. Гардемарину это известно не понаслышке. Никак нет. Он сам пережил такое три месяца назад, у мыса Финистерре, когда объединенному флоту, возвращавшемуся с Антильских островов, пришлось целый день биться с эскадрой адмирала Колдера, бум, бум, бум, а вечером англичане отошли, уводя с собой два захваченных испанских судна, причем ни адмирал

Вильнев, ни ближайшие французские линейные корабли (лягушатники, сволочи, помойные крысы) не сделали ровно ничего, чтобы этому воспрепятствовать.

У Хинеса Фалько Альгамеки, родившегося шестнадцать лет назад на средиземноморском побережье, в Картахене (бывает же такое – в тот самый год и в том самом городе, на чьих верфях была построена «Антилья»), волосы почти белокурые, лицо в прыщах. Он мальчик из хорошей семьи – средний класс, на грани с высшим, – потому что в Кадисскую школу гардемарин, источник кадров для Королевского военного флота, престижный центр, со дня своего основания воспитывающий образованных, хорошо подготовленных офицеров, принимают только мальчиков из семей с положением, сумевших доказать (или купить себе) дворянское происхождение и по отцовской, и по материнской линии. Из троих юных претендентов на офицерское звание, имеющих на борту «Антильи», он средний: Косме Ортису, уже опытному моряку, который на шканцах ведает сигналами, восемнадцать, а маленькому Хуанито Видалю – тринадцать. Его Фалько только что видел – парнишка стремительно карабкался по вантам грот-мачты: наверняка его послали на марс разузнать что-нибудь у наблюдателей, – и ему показалось, что тот в хорошей форме, несмотря на то, что накануне вечером в каюте гардемарин его рвало. Буээээ. Несмотря на то что маленький паршивец испортил всем ужин, Видалю, совсем еще зеленый, своенравный мальчуган, симпатичен Фалько куда больше, чем этот чопорный Ортис с его дурацкими сигналами, весь какой-то замороженный и негнувшийся, будто в задницу ему загнали банник от тридцатишестифунтовой пушки. Хотя, может, и правда загнали. А то, что Видаля укачало, дело понятное: парень вышел в море – впервые в жизни – только два дня назад. Его мать и три сестры, рыдая в три ручья, долго плыли следом на лодочке, некоторое время сопровождавшей «Антилью», пока восточный ветер нес ее к выходу из гавани, а на берегу, в Сан-Себастьяне и Ла-Калете, весь Кадис махал платками, жены, дети, родители, друзья, все-все-все толпились там, глядя, как эскадра удаляется в гробовом молчании, люди на кораблях смотрели назад, на землю, будто видели ее в последний раз, а в лодочке, плывшей рядом с огромным бортом «Антильи», мать и сестры Видаля, заливаясь слезами, все кричали: до свиданья, Хуани-то, до свиданья, а сам бедный Хуанито, в застегнутом под самое горло кафтанчике, смотрел на них сверху, ухватившись за ванту, очень бледный и очень серьезный, украдкой потягивая носом, чтобы тоже не расплакаться. Хуан Видалю Ромеро, гардемарин. Тринадцать лет. Кстати, его отец, капитан-лейтенант, тоже здесь. Поблизости, на одном из соседних кораблей. Где-то в авангарде, на борту «Багамы»; так что сейчас мать и сестренки Видаля, так же как и весь Кадис от Пуэрта-де-Тьерра до Ла-Виньи, наверняка стоят на коленях, с четками в руках, перед каким-нибудь – в городе их много – образом Христа или Девы Марии, *Virgo potens, turns eburnea, porta coeli*^[43] и так далее, молясь, чтобы отец и сын вернулись целыми, с руками и ногами на своем месте. Или чтобы хотя бы просто вернулись. Потому что при таком количестве англичан даже просто вернуться – в любом состоянии – уже подарок судьбы.

– Схожу-ка я отолью, – говорит дон Хасин-то Фатас. – А ты тут приглядывай.

Не тратя время на то, чтобы спуститься в галюн (отхожие места – совсем рядом, пониже бушприта, весьма поэтически располагаются сразу же за фигурой увенчанного короной льва, свирепо вставшего на дыбы), старпом преспокойно влезает на консоль для боеприпасов с подветренной стороны, отводит назад полы кафтана и, прихватив их локтями, облегчается. При аврале никто не имеет права покидать свой пост, так что некоторые бывалые моряки незаметно делают то же самое чуть подальше, с трудом удерживая равновесие над огромными – каждый весом по шестьдесят шесть кинталей^[44] – якорями. Накануне вечером в кают-компании, после ужина, воспользовавшись тем, что дон Карлос де ла Роча вышел посмотреть, как обстоят дела на палубе, старший помощник капитана «Антильи», дабы укрепить дух юных гардемарин и некоторых офицеров, провел с ними небольшую беседу, разъясняя, что именно привело их сюда. В конце концов, спокойно заметил он, у англичан есть причины смотреть на нас косо. В прошлой войне, до того момента, когда из-за бестолковости адмирала Кордовы все

пошло к такой-то матери при Сан-Висенте, дела у Армады^[45] шли, в общем-то, неплохо, хотя адмирал Масарредо и докладывал королю (после чего, разумеется, был отправлен в отставку) о том, что она в ужасном состоянии. В 1796 году испанские моряки уничтожили английские базы в Булле и Шато, разнесли вдребезги острова Микелон и Сан-Педро, потопили или захватили сто тринадцать кораблей Его британского Величества, а в довершение всего «Сан-Франси-ско де Асис» задал хорошую трепку четырем английским фрегатам, нагло явившимся в Кадис-скую бухту; и это не считая той, что учинили канонерские лодки Нельсону, когда он решил устроить себе файв-о-клок в Тасита-де-Плата^[46]. Позже, после того, как был подписан Амьен-ский мир и, в обмен на остров Тринидад, получена назад Менорка, Наполеон не раз пытался снова втянуть Испанию в войну. А не добившись этого, потребовал – открыто, без всяких церемоний – отставки губернаторов Малаги и Кадиса и военного коменданта Альхесираса, а кроме того, обещания выплатить компенсацию, перестать вооружаться, распустить милицию и передать французам базу в Эль-Ферроле и гарнизоны Бургоса и Вальядолида, а еще – пропустить через свою территорию две французские армии, идущие на Португалию и Гибралтар. Некоторое время Годю (а он, сеньоры, кто угодно, только не дурак) удавалось умерять страсти, а взамен ему пришлось пообещать отстегивать Его Императорскому Величеству по шесть миллионов ежемесячно. Соглашение держалось в тайне, чтобы Испания могла сохранять нейтралитет. Но, ясное дело. Поскольку парижский недомерок был заинтересован в том, чтобы предать этот договор гласности, вскоре о нем стало известно всем. Англичане подняли крик до небес, а потом взялись за дело: без объявления войны захватили у мыса Санта-Мария фрегаты «Санта-Флоренсия» и «Санта-Гертрудис», потом взорвали «Мерседес» (с женщинами и детьми на борту) и завладели «Медеей», «Фамой» и «Санта-Кларой» вместе с деньгами, которые они везли из Лимы, чтобы выплатить Франции обещанные субсидии. А на десерт прикарманили «Матильде» и «Анфитри-те», когда те выходили из Кадиса, чтобы плыть в Америку. Так что Наполеон, премного довольный, потирал руки, а Годю перед лицом народного возмущения не оставалось ничего, кроме как объявить войну мистерам и предоставить испанскую эскадру в распоряжение Ла-Франс^[47]. Поэтому все они и оказались здесь.

- Ты уже ходил отливать? – спрашивает вернувшийся Фатас, застегивая ширинку.
- Нет еще, сеньор старший помощник.
- Ну так иди, парень. Иди, отлей. А то, не дай бог, продырявят тебя с полным трюмом.

Гардемарин послушно отправляется к консоли для боеприпасов, перебрасывает ноги за борт, опирается коленом на жерло пушки, чтобы не свалиться в воду из-за качки, распахивает полы синего с красными отворотами кафтана и расстегивает ширинку. Англичане так близко, что ему не сразу удастся обнаружить то, что требуется. А возвращая искомое на место, вольно, юноша никак не может отделаться от тревожной мысли: а будет ли оно по-прежнему там через четыре-пять часов? Во время переделки у мыса Финистерре, в которой «Антилья» потеряла фор-стенгу, одиннадцать человек убитыми и тридцать ранеными, Фалько пришлось помогать спускать в трюм комендора, у которого этой части тела уже не было, и он до сих пор обливается холодным потом, когда вспоминает, как кричал тот несчастный. Да уж. Вернувшись на боевой пост, Фалько смотрит туда, откуда дует ветер и где находится британская эскадра: пока она идет вроде бы как бог на душу положит, хотя, кажется, уже начала выстраиваться в две параллельные линии, перпендикулярно нацеленные на колонну франко-испанской эскадры. Но даже и сейчас, двигаясь с виду беспорядочно, она впечатляет. Хинес Фалько молод и только что отучился – Сискар, Мендоса-и-Ри-ос, «Сборник наставлений по навигации» Хорхе Хуана, «Орудийная стрельба» дона Косме Чурруки и «Тактика» Масарредо в том числе, – а потому знает, что традиционная манера ведения добротной морской баталии, когда эскадры-противники идут параллельным курсом, лупя друг по другу из всех орудий, а потом, в самом конце, одна охватывает линию другой, чтобы взять ее в два огня и разделать, как бог черепаху, еще более старомодна, чем накладные мушки Марии Антуанетты, упокой господь ее душу. Как

говорят опытные офицеры, новая тактика англичанина Нельсона изменила картину. Они называют это touch Nelson^[48]. Или что-то в этом роде. Даже командующий союзной эскадрой адмирал Вильнев в своем боевом наставлении, разосланном капитанам при выходе из Кадиса, предупредил, что, вероятно, противник вместо того, чтобы устраивать артиллерийскую дуэль на расстоянии, попытается рассечь франко-испанскую колонну или взять в клещи арьергард, сосредоточив массированный огонь своих пушек на оставшихся без поддержки и защиты кораблях. Прозрачнее атого только вода. Соотношение «несколько на одного», вполне по-английски, плюс уже вошедшая в поговорку точность комендоров Его распроклятого британского Величества. Поэтому, как говорится, забегая вперед, французский адмирал предупредил, что в сражении, когда в дыму все равно ничего не разглядеть, он будет подавать сигналы редко, а корабль, находящийся вне боя, будет считаться покинувшим свой боевой пост. Вот так – дословно и буквально. А теперь сиди и думай над этим, пока не облысеешь. В общем, великий тактик просветил нас. Потому что, если выразить то же самое другими словами, это значит: когда начнется потеха, пусть каждая собака сама вылизывает себе задницу. Фалько еще в Кадисе слышал, как старший лейтенант дон Рикардо Макуа, командир первой батареи (который незадолго до того залил себе полный трюм анисовой), говорил: слушайте, ведь даже этот лягушатник, который ни хрена не смыслит в тактике морского боя, соображает, что к чему, так что представьте себе, сеньоры, что нас ожидает. Господи помилуй. Англичане прорвут нашу линию, ударят нам под дых и пустят на котлеты. В том все и дело. Они нас просто уничтожат.

– А тогда чего ради мы выходим в море? – спросил кто-то.

– А ради того, что дон Мануэль Годой-и-Аль-варес-де-Фариас не только ублажает королеву, но и подставляет свою задницу Наполеону. Ик. А Наполеон Вильневу – мол, или выходи в море, или я тебя смещу.

– А что же Гравина?

– Наш сеньор адмирал Гравина – человек чести и настоящий кабальеро. Ик. Говорят. Как бы то ни было, у него есть приказ. Ик. И ничего не попишешь – выполняй, и все тут.

Тот, кому приходится выполнять, – это не кто иной, как дон Федерико Карлос Гравина-и-Наполи, сорока девяти лет, уважаемый и довольно авторитетный моряк с весьма солидным послужным списком: борьба с алжирскими пиратами, нападение на форт Сан-Фелипе, атака плавучих батарей на Гибралтар, шебеки Барсело^[49], высадки в Оране и Санто-Доминго, героическая оборона Тулона. Серьезный список, ничего не скажешь. И притом настоящий кабальеро. Пожалуй, уж слишком ухоженный и учтивый, замечают некоторые. Знает все ходы и выходы в королевском дворце и прочих подобных местах. Светский щеголь, типичный образчик этих просвещенных офицеров Королевского военного флота, некоторые из коих (тут уж не поспоришь) признаны во всем мире самыми образованными и профессионально подготовленными европейскими моряками того времени: астрономы, картографы, математики, инженеры, авторы книг, переведенных на английский и французский, жертвовавшие всем ради своего дела и учившиеся в перерывах между боями и научными экспедициями, последние преемники морских традиций Пати-ньо, Энсенады, Флоридабланки и бурбонской Испании XVIII века. Гравина – один из них или почти один из них. Просто дело в том, что на флоте все знают друг друга, и ни от кого не укрылось, что этот парень – что правда, то правда – весьма презентабелен. Ловок, с манерами, а кроме того, хорош собой и здорово танцует. Однако в Армаде есть толковые моряки типа, скажем, Масарредо и Эсканьо. Профессионалы высшего класса. Чтобы далеко не ходить за примером, генерал-майор Эсканьо танцевать не умеет вообще. Конечно, он грубоват и неотесан, но зато лучший капитан первого ранга на всем флоте и самый выдающийся тактик своего времени. А вот поди ж ты – состоит при красавчике Гравине в роли генерал-майора эскадры (это выходит что-то вроде адъютанта) на борту «Принсипе де Астуриас». И в деле при Сан-Ви-сенте командовать тоже досталось не ему.

– Почему же?

– Да потому, что он из тех, кто называет вещи своими именами и никому не лижет задницу.

Еще один такой же – адмирал дон Хосе де Масарредо, с таким послужным списком, что хоть шляпу снимай: четырежды спасал испано-французские эскадры при операциях в проливе Ла-Манш, организовал высадку в Алжире, а затем вывез оттуда людей, защищал Кадис и Брест от блокады их англичанами, он автор Устава и пяти настоящих шедевров по судостроению, навигации и тактике. Но, понятное дело. Масарредо не любитель французов, а кроме того, он пятьсот раз докладывал королю, Годю, министру и всем и каждому о плачевном состоянии Армады, из-за которого *«в случае сражения вся нация облачится в траур»* – вот прямо так, дословно. Официальное решение: сослать его. И вот теперь он где-то там, в ссылке (ему остается еще пара лет бездействия, а ведь ему уже стукнуло шестьдесят), в то время как все командиры смешанной эскадры, в том числе и дон Карлос де ла Роча, уверены, что, находясь на борту флагманского корабля, а еще лучше – во главе всей эскадры он или Эсканьо, в этот день, двадцать первого октября, у мыса Трафальгар все для них сложилось бы иначе. Однако все обстоит так, как обстоит. Не Масарредо или Эсканьо, а Федерико Гравину, тесно связанного с французами и их министром обороны Декре, пользующегося расположением короля и королевы и балуемого Годоем, Князь мира назначил заместителем командующего объединенной эскадрой – заместителем при Вильневе – и настоятельно просил его быть предельно тактичным и осторожным, чтобы союзники чувствовали себя как дома, а главное – чтобы Наполеон ни на что не разобиделся.

– Побольше вазелина, мой дорогой дон Федерико. Главное – не жалейте вазелина. Понятно?

Но когда наши корабли бросили якорь в Кадисе после того, что произошло у мыса Финистерре – французская эскадра едва участвовала в бою, так что основная его тяжесть легла на испанцев, – Гравина (он хоть и паркетный шаркун, но далеко не дурак и имеет понятие о чести), расстроенный, помчался в Мадрид, чтобы рассказать Годю, в руки какого недоумка он отдал все и вся. Questa e? la porca ruina miseriosa, illustrissimo^[50] (Гравина родился в Палермо). Мы все в заднице, и так далее. Но все оказалось без толку. Жеребец королевы Марии Луизы Пармской, облаченный в расшитые позументом кафтан и штаны, сильно оттопыривающиеся спереди, прочел Гравине пару длинных наставлений, поразглагольствовал о дисциплине и любви к родине, подчеркнул, что Вильнев – человек министра Декре, и без обиняков заявил: пока парижский недомерок играет в Европе ту роль, которую играет (а это надолго), испанцам остается только повиноваться как стадо баранов. Да, бвана^[51], как говорят эти негры, которых продают в Америке.

– Я верю в вашу тактичность и благородство, адмирал. А также в тактичность и благородство ваших достойных и дисциплинированных начальников и офицеров. Напомните им, если понадобится, об иберийском гении, отваге и так далее. Колумб, Элькано, Лепанто^[52]... Ну, вы сами знаете. То, сё... И не забывайте о вазелине.

Потом он повел его к королю и королеве, чтобы подсластить пилюлю, прежде чем его выпроводить. Объятия, хлопки по спине, хлоп, хлоп, вся Европа смотрит на нас, то есть на меня, на вас, на славный испанский военно-морской флот и все такое, ступайте с богом, адмирал, чао – и бедняга Гравина вернулся в Кадис совсем убитый. Schifosa miseria^[53]. Короче, мы в руках этого дерьмового сутенера там, в Мадриде, и этого идиота здесь, в Кадисе – вот что, говорят, сказал он в конфиденциальном разговоре Чурруке, Эсканьо и Сиснеросу, плюнув на свою обычную благородную осмотрительность. Теперь нас не спасет даже пресвятая дева Мария-дель-Кармен.

– Вы составили завещания, сеньоры?.. Еще нет?.. Тогда поторопитесь, а то не успеете. Я уже написал свое.

Почему мы вышли на бой без всякой надежды? Вот в чем вопрос. Вышли на бойню, стуча в барабаны и играя на волынках. Корабли хороши, офицеры знают свое дело, но у них нет

команд, и все это происходит перед лицом врагов, беспощадных, натренированных, как машины; у них есть цель и железная дисциплина, и они принадлежат к породе моряков и пиратов, знающих, что тот, кто господствует на море, господствует над миром. Они профессионалы, не ведающие ни жалости, ни комплексов. Поэтому команды английских кораблей – лучшие в мире. Плюс к тому – коллективная военная мораль. Сейчас, ощущая приближение беды, даже последний гардемарин объединенной эскадры знает, что, находясь в надежной Кадисской бухте, как в 1797 году, союзный флот мог бы измотать англичан потерями, связанными с долгой блокадой, а выход в море для открытого столкновения может привести только к катастрофе. Выйти или не выйти – вот в чем вопрос: как у того Чихспировского чокнутого, только в другом варианте. В испанском. Причины всех этих выходов в море, возвращений и новых выходов изложил двумя днями раньше капитан дон Карлос де ла Роча в кают-компаний «Антильи» на чем-то вроде военного совета, который он счел своим долгом созвать, дабы проинформировать своих офицеров прежде, чем из них сделают фарш. Благородство обязывает.

– Наполеон собирался вторгнуться в Англию. Не смейтесь, черт побери.

На самом деле план был неплох. На бумаге, ясное дело. По Сан-Ильдефонскому договору и Парижским соглашениям Испания, помимо спуска штанов, была обязана сотрудничать с Францией в ее военных операциях против англичан, предоставляя ей деньги, солдат и корабли. Для вторжения в коварный Альбион Наполеону требовалось на пять-шесть дней завладеть проливом Ла-Манш. Идея заключалась в том, чтобы устроить вылазку в британские владения на Антилах и тем самым привлечь туда Нельсона. Обманув белокурых англосаксов, франко-испанская эскадра быстренько вернулась бы в Европу, атаковала бы крейсера, блокирующие Эль-Ферроль, Рошфор и Брест, и освободила находящиеся там суда. После чего, собрав таким образом эскадру из шестидесяти кораблей и нескольких фрегатов, Вильнев, как свирепый тигр, ринулся бы к Ла-Маншу, чтобы прикрыть переброску в Англию двух тысяч транспортных судов и ста шестидесяти тысяч людей, подготовленных в Текселе и Булони. Таков был план, безупречно проработанный во всех деталях, как и все планы Наполеона. Он просил только сорок восемь часов. Дайте мне сорок восемь часов военного превосходства в проливе, и я высажу на английских пляжах несколько дивизий – вот это будет гол так гол. Однако парижский недомерок, так хорошо делавший все на суше, не имел ни малейшего представления о том, что и как происходит в море. Его великолепный проект не учитывал превратностей плавания, плохой погоды, неверной фортуны военного корабля. А кроме того, для подобной ювелирной работы требовался толковый и ответственный командующий эскадрой. Все знали, что Гравина человек подходящий; но Гра-вина – испанец, а Наполеону и в голову не могло прийти поручить эту операцию испанцу. Так что он принял совет своего министра Декре и назначил командующим человека, рекомендованного им: Вильнева, храброго капитана (он отличился при обороне Мальты), однако нерешительного и неспособного действовать на более высоком уровне. Например, командуя французским арьергардом в Абукире, где Наполеон крепко набил морду подданным императора, он не сделал ровным счетом ничего, чтобы избежать этого. Вильнев чувствовал себя гораздо вольготнее в кабинетах министерства военно-морского флота, чем на мостике адмиральского корабля; он не обладал собственной волей и не принимал советов от других. В общем, как начальник гроша ломаного не стоил.

– Куда мы пойдём сейчас, мои адмиралы^[54]?.. Что командовать: лево руля или право руля?

– Же-не-се-па.

– По-моему, надо скомандовать: лево руля.

– Же-не-се-па.

– Пресвятая дева.

Поначалу американская операция шла хорошо. Гравина (который, помимо связей с Годоем, обладал еще и опытом, отвагой и манерами) безупречно вышел из Кадиса, прорвав английскую блокаду, соединился с эскадрой Вильнева, а потом оба неспешно направились к Мартинике, отобрали у англичан Эль-Диаманте и захватили конвой британских торговых судов, нагруженных ромом, сахаром, кофе и хлопком. Можно было лопнуть со смеху, сеньоры, бывает же такое – все эти бритиш кэптенз^[55] мечутся и спрашивают: гуотс хэппенинг, гуотс хэппенинг^[56], а по ним палят раз за разом и заставляют спустить флаг. Умора. А Хуан Санчес (по кличке Фуганок), старший плотник «Антильи», высунувшись из орудийного порта, кричал им, рыкая, как всякий уроженец Кадиса и его окрестностей:

– Не все коту масленица, сукины дети, пришел и ваш черед!

Но плохо то, что начиная с этого момента Вильнев начал дрить. Он пошел обратно в Европу не по той широте, столкнулся с противными ветрами и в итоге вместо того, чтобы прибыть в Эль-Ферроль, 22 июля неподалеку от мыса Финистерре напоролся на английскую эскадру адмирала Колдера: буммм, буммм. Двадцать французских и английских линейных кораблей против четырнадцати или пятнадцати английских, фронтальный бой на половине расстояния пушечного выстрела, в густом тумане, бывает же такое, испанцы сражаются, а Вильнев пребывает в нерешительности, и половина французских кораблей не вступает в бой и даже пальцем не шевелит, чтобы прийти на помощь «Фирме» и «Сан-Рафаэлю», которые – с девяноста семью убитыми и более чем двумя сотнями раненых на борту, издырявленные ядрами и пулями, с перебитыми мачтами (рухнувшие паруса, накрыв собой батареи, ослепили и задушили их) – ветер несет прямо к английской эскадре, а французы, шедшие за испанцами, дефилируют, целехонькие, на ветре, и им хоть бы что. Короче, после боя, длившегося до девяти часов вечера, окруженным «Фирме» и «Сан-Рафаэлю» пришлось спустить флаг.

– Придется сдаваться, Пако. Они расколошматили нас.

– А что же наши-то?.. Они что, не собираются нас выручать?

– Вряд ли. Судя по звукам, им самим крепко достается.

– А лягушатники?

– Поминай как звали. Похоже, они решили отложить свой ле-жур-де-глуар на другой день.

Об этом стало известно на следующее утро, на рассвете, когда союзная эскадра увидела оба сдавшихся корабля на буксире у уходящих англичан, и Вильнев отказался броситься вдогонку и отбить их, несмотря на все мольбы и негодование испанских моряков, кривших его последними словами, а гардемарин Хинес Фалько (который только накануне принял боевое крещение там же, на баке «Антильи», откуда сейчас, спустя три месяца, смотрит на эскадру адмирала Нельсона), как и многие из его товарищей, рыдал от возмущения и ярости, глядя, как два израненных корабля удаляются, окруженные англичанами, пока адмирал Вильнев и остальные французы взирают на них издали, неторопливо почесывая свое мужское достоинство.

– Как будет по-французски «сволочь»?

– Свольёшь.

– Точно знаешь?

– Клянусь матерью.

С тех самых пор испанцы и перестали доверять французам, французы Вильневу, а Вильнев – самому себе. Поэтому, добравшись до Виго, вместо того, чтобы выполнить подробные инструкции Наполеона – идти на север, к Ла-Маншу, адмирал повернул на юг и окопался в Кадисе. И, понятное дело. Узнав, что эскадра, которая, по его расчетам, уже должна была находиться в Бресте, на самом деле обретается неведомо где, совсем в другой точке Европы, Наполеон встал на дыбы, потому что весь его план пошел псу под хвост. Ну и сукин сын, недоверчиво повторял он, глядя на карту, а у самого голова шла кругом. Ну и сукин сын. Как

же я теперь вторгнусь в Англию? Полный провал. Чтобы оправдаться – вот на это ему вполне хватило решимости, – Вильнев не колеблясь возложил вину за происшедшее у мыса Финистерре, а также и за все прочее на испанские корабли; и тут император (его никто не проведет, потому что в эскадре у него есть свой шпион – Лористон, офицер генерального штаба, который в каждом письме ругательски ругает Вильнева) обрушился на министра Декре и его подопечного, в чем свидетельствует известный документ: *«Все это доказывает мне, что Вильнев просто бездарь. Какие у него причины жаловаться на испанцев?.. Они дрались как львы, а Гравина был воплощением гения и решительности»*. Потом, как человек практичный, он решил, что в хозяйстве все сойдется, и надумал отправить Вильнева в Средиземное море. Послушай, Декре, сказал он. Поскольку этот недоумок, твой протеже, заблокирован в Кадисе и провалил мне день Икс, час Игрек, скажи ему, чтобы поднимал паруса и шел в Средиземное море, а там, соединившись в Картахене с испанской эскадрой Сальседо, пусть пройдет вдоль итальянских берегов – там тоже требуется по-размахивать нашим флагом. А если, выходя из Кадиса, этот кретин встретится с англичанами, а я думаю, что именно так и случится, то пусть дерется, негодяй. Пусть засучит рукава и дерется как проклятый. А еще передай от меня своему красавчику, что если он не выйдет в море немедленно, то есть сейчас же, то я ему засуну его адмиральские эполеты в задницу, а потом отправлю его чистить все сортиры моей Grande Armee^[57] от Бреста до русской границы. А потом расстреляю. И его, и его папашу, если он только знает его. Тебе ясно, Декре? Если ясно, то давай, поторапливайся. Потому что я еще не решил, кто такой этот твой протеже – просто дурак или предатель.

Вот, плюс-минус, такие мысли (конечно, с учетом возраста, воинского звания и информации, которой он располагает) роятся в голове у гардемарина Хинеса Фалько, находящегося на баке «Антильи»; а в это время чуть дальше, на шканцах, барабан продолжает грохотать «к бою», боцманы свистят в свои латунные дудки, мальчишки-юнги заканчивают посыпать песком палубу, а английская эскадра, уже четко выстроившаяся двумя колоннами, направленными на линию французов и испанцев, несется на всех парусах, включая лисели, поставленные, чтобы захватить побольше слабого норд-веста.

– Господи помилуй! – восклицает старший помощник Фатас.

Фалько оборачивается к нему. Прислонившись к фок-мачте и немного согнув колени, чтобы гасить колебания подзорной трубы от качки, Фатас разглядывает сигнал, только что поднятый на флагмане адмирала Вильнева и отрететованный фрегатами и тендером, курсирующими вдоль боевого порядка. Сигнал номер два. Фатас шевелит губами, словно читая про себя, потом с треском складывает подзорную трубу, моргает, смотрит на гардемарина, затем переводит взгляд к юту, на шканцы, где у находящегося там дона Карлоса де ла Рочи в этот момент, наверное, такое же ошеломленное выражение лица. Наконец, как бы все еще не веря тому, что видел, старший помощник смотрит на выпелы мачт, чтобы прикинуть направление и силу ветра, и оглядывает море.

– Полный разворот, все вдруг, курс норд, в обратном порядке, – наконец произносит он вслух.

Хинес Фалько обменивается с ним тревожным взглядом и тут замечает нахмуренное лицо второго боцмана Фьерро. Пресвятая дева. Приказ с «Бюсантора» означает, что вся франко-испанская эскадра, движущаяся сейчас одной колонной курсом зюйд, должна развернуться и взять курс на норд, сделав свой аррьергард авангардом. Этот маневр, родившийся, похоже, на страницах учебников и академических грифельных досках, а также, судя по всему, в многомудрой голове Вильнева, имеет здесь и сейчас один плюс и один минус: в случае, если придется сражаться, отступая, Кадис оказывается у союзной эскадры с подветренной стороны, почти прямо по курсу; но этот маневр также доказывает всем, включая врагов, что адмирал франко-испанской эскадры – трус и мяля, прикидывающий варианты отступления еще до того, как начал бой. Как будто нарочно, чтобы воодушевить своих моряков. Хотя это еще не

худшее. Любой моряк, имеющий хотя бы минимальный опыт (в том числе юный Фалько), знает, что разворот в виду противника, да еще при слабом ветре и перед самым началом боя, – маневр крайне рискованный, он вынуждает эскадру сражаться беспорядочно, не успев перестроить свою линию баталии. Как бы то ни было, лучше всех обрисовывает ситуацию второй боцман Фьерро, которому дон Хасинто Фатас только что отдал распоряжение поставить людей к брасам, чтобы были готовы, когда с ахтердека придет приказ развернуться.

– Теперь, – сквозь зубы произносит Фьерро, – нам точно конец.

4. Пушечное мясо

Клянусь последними из умерших родных. Матрос Николас Маррахо Санчес – квадратные бакенбарды и шрам от удара ножом на лице, – насильно завербованный в Кадисе три дня назад, ощупывает нож, спрятанный в матерчатом поясе, сзади, и клянется, что, прежде чем сойти на сушу, если только ему доведется это сделать, он воткнет его в спину одному из офицеров. Он украдкой целует – чмок – скрещенные большой и указательный пальцы. Дьявол их всех поberi. Клянусь и на том целую вот этот крест. Но в спину не любому офицеру (он и не представлял себе, что на корабле их бывает так много), а конкретно старшему лейтенанту дону Рикардо Макуа (в мире Николаса Маррахо все офицеры – доны): вот только секунду назад он видел, как тот спускается на свой боевой пост, на первую батарею. Сукин сын. На самом деле Маррахо никакой не матрос. Ни сном ни духом. Он вообще не моряк и не рыбак, ничего такого; поэтому в судовой роли «Антильи» он записан юнгой – также как и многие, оказавшиеся на ее борту против воли, – несмотря на то, что восемь месяцев назад ему вроде бы стукнуло тридцать пять (он не очень уверен, в каком именно году его произвели на свет). Да, в общем-то, какая разница. Суть в том, что он здесь, сколько бы ему ни было лет, он здесь, несмотря на то, что прежде в жизни не ступал на палубу военного корабля, а о море знает ровно столько, сколько может знать уроженец Барбате, промышляющий в Кадисе торговлей контрабандными водкой и табаком, разными мелкими пакостями, картами и женщинами. Точнее, промышлявший – до того момента, пока отряд вербовщиков во главе со старшим лейтенантом Макуа (этаким надменным щеголем: шляпа-дву-уголка отделана галуном, синий кафтан с эполетами и золочеными пуговицами – вот ведь сукин сын) и в сопровождении судебного пристава не вошел в таверну «Кайская курочка», где сидел Маррахо, налившийся вином куда больше, чем следовало, и насильно, толчками и пинками, не увел с собой безо всяких разговоров и его, и еще четверых бедолаг. А хуже всего то, что с корабля посреди этого огромного моря, где не видно даже краешка земли, никак не смыться. Не удрать. Не сбежать.

– Полная тишина!.. Бизань на гитовы!.. Нижний крйсель на гитовы!..

Сзади, с ахтердека, доносятся властные голоса офицеров, а боцманы и старшие бригад, насаживаясь, повторяют приказы, которые так и перекатываются от юта до бака. Живее. Бестолочь. Шевелитесь, пока англичане не подпалили вам задницы. И юнги, матросы, солдаты и комендоры бегут, шлепая босыми ногами по рассыпанному по доскам палубы песку, бегут к брасам и шкотам, чтобы управиться с реями и парусами, а туда, наверх уже взбирается кое-кто из бывалых моряков, подталкивая салаг, давай же, увалень, давай, лезь, а увальни отчаянно вцепляются в ванты, когда море чересчур раскачивает корабль. Сейчас парус на бизань-мачте (это та, что ближе к корме) трепыхается – хлоп, хлоп, хлоп, – веревки (их вроде бы называют шкотами) свисают сверху, пока его подбирают, и вот уже приказ взять на гитовы грот достигает бригады матросов, в которой находится Маррахо и которая сбилась в кучку на шканцах, позади огромной мачты, выкрашенной в желтый цвет. Кррриии, крррааа, скрипит корабль, аж мурашки по коже. Тяни шкот, травы грота-булинь и грот-марса-булинь, выкрикивают те, которые знают, о чем говорят. А для Маррахо все это словно по-китайски. Надсмотрщик Онофре указывает на какие-то веревки, и барбатинец подчиняется, как и все. А что поделаешь, парень? Он смотрит на ветеранов, силится понять, чего ради они делают то, что делают, и проглатывает уже готовое сорваться с губ проклятие (за ругань сурово наказывают на всех испанских кораблях, а в особенности на этом), когда пеньковый трос

обжигает ему ладони. Мать-перемать-перемать-перемать. Брасопь грот и грот-марсель, кричат с кормы. Надсмотрщик повторяет приказ, Маррахо сомневается, надсмотрщик подталкивает его, чтобы он, раздвинув других, встал к брасу и тоже тянул, тяни, чтоб вам пусто было, тяни как следует, так, так, посмотрим, удастся ли нам развернуться на пятачке. Давай. Давай. Давай, мать вашу растак. Давай. Ну вот, видите? Приказ был – поворот все вдруг, всей эскадрой повернуть на норд. А для этого надо крутануться бакштаг, через фордевинд, потому что для оверштага ветра не хватит. Понятно?.. Вижу: непонятно. Вижу, что ни хрена вам не понятно. Но все равно. Тяни. Тяни. Тяни, чтоб вас всех. Тяни. Сами все поймете, когда на нас навалятся мистеры. Тяни. Разрази меня гром. Эй, ты, там, наверху. Тяни.

Маррахо весь обливается потом под своей грязной рубашкой, распахнутой на заросшей черными космами груди. Клянусь последними из умерших родных, повторяет он сквозь зубы. Раааз-два, раааз-два. Вот так, коллеги. Вот так он тянет и тянет, задыхаясь, тянет, сам не зная, ни что он тянет, ни ради чего он это делает. По крайней мере, в отличие от многих товарищей по несчастью, которых уже два дня рвет не переставая (как его приятеля Курро Ортегу, который пыхтит тут же, рядом, и уже отправил за борт ту бурду, что им давали на ужин, и сухари с вином, выданные на завтрак), его пока что не укачало; хотя вот сейчас из-за всей этой возни в желудке у него весьма неприятные ощущения. Он сглатывает. И надеется (вспоминая о спрятанном в поясе ноже), что эта распроклятая качка не доконает его. У него есть дело, а потому нужна ясная голова. Чтобы расквитаться со старшим лейтенантом, который влепил ему пару пощечин, да еще издевался, когда Маррахо, вырываясь, кричал, что у него дома больная жена, мать-старушка и семеро детей. Надо быть распоследней сволочью, чтобы не сжалиться, когда тебе говорят такое. Разве нет? То, что и жена, мать, и детишки – чистая выдумка, ничего не меняло, потому что этот скотина-офицер все равно не знал, правда это или ложь. Сукин сын. А кроме того, даже будь все это правдой, его, Маррахо, все равно бы заграбастали, как и его приятеля Курро и того несчастного парня, молодожена, который вчера вечером тронулся умом и его пристрелили как собаку; или взять другого – нищего, что побирался на паперти церкви (он притворяется хромым, каналья, но на самом деле вполне здоров), а тут явился отряд рекрутеров, и его схватили. Ты нужен родине, ну, и все такое прочее. Хороша же родина, если от них зависит, устоит она или не устоит против того, что сейчас на них надвигается: от них – от того, молодожена, и от нищего (он даже не успел переодеться), и от самого Маррахо. И от его приятеля Курро, который тоже попался в лапы вербовщикам и уже выблевал и ужин, и завтрак, и все то вино, что плескалось у него в желудке, когда их забрали, но все еще продолжает блевать, и в теле у него, наверное, осталось меньше жира, чем бывает в бедняцкой похлебке.

– Куррийо, как ты там, парень?

– Ужасно, дружище... Буээээээ.

Чтобы избежать этого зрелища, хотя от запаха не убежишь, Маррахо смотрит вверх и видит, как огромная поверхность латаной парусины, которую утреннее солнце золотит у него над головой, колыхнется под слабым ветром, а по штирборту горизонт вместе с толпящимися на нем английскими парусами начинает сдвигаться назад, к корме «Антильи». Во всяком случае, так кажется. Несмотря на объяснения надсмотрщика Онофре, Маррахо совершенно не представляет, что все они делают; однако нос корабля явно движется и перемещается с зюйда к норду. Так что барбатинец, смутно ощущая, что на душе стало чуть менее тревожно (на севере-то Кадис), оглядывается по сторонам и убеждается, что весь франко-испанский флот продельывает тот же самый маневр, то есть медленно разворачивается – паруса полощут, ветер дует в корму, – хотя и беспорядочно: одни корабли приведены к ветру больше, другие меньше, и что изогнутая, и прежде-то не слишком аккуратная линия теперь и вовсе изломана зигзагом, и нет двух кораблей, которые находились бы к ветру под одним и тем же углом.

– Крепи брасы!.. Трави, трави!

Маррахо и его товарищи смущенно переглядываются, но потихоньку-полегоньку, подражая действиям ветеранов, все же выполняют требуемый маневр. Несколько морских пехотинцев и сухопутных солдат, взятых на борт стрелками (те, кто меньше других страдает от морской болезни), по инициативе своего сержанта приходят на помощь. А ну, разом. А ну, разом. Давай, вот так. Еще до всего этого, когда они встретили рассвет у мачты, сбившись в кучу, как ошалевшие от страха бараны, дрожа от холода (им не выдали теплой одежды), до костей промокшие от брызг, надсмотрщик Онофре, уроженец Малаги, проведенный на флоте долгие годы – он говорит, что был в Тулоне, участвовал в последней карибской кампании и в сражении близ мыса Финистерре, – попытался хоть как-то разъяснить рекрутам и солдатам, взятым на борт в Кадисе, что означает вся эта морская тарабарщина, всякие там бейдевинды и оверштаги. Постарайтесь запомнить, ребята, наветренная сторона – это та, откуда дует ветер, а подветренная – та, куда он уходит. Находиться с наветренной или подветренной стороны от противника – совсем не одно и то же, и у каждого расположения есть свои преимущества и свои недостатки. Если, к примеру, ты под ветром, то можешь бить нижними батареями, ба-бах, ба-бах, ба-бах, потому что судно кренится в противоположную сторону и вода не заливаает порты; а еще при таком положении твои корабли, если их сильно потрепало или снесло мачты, могут выйти из боя и укрыться за линией баталии, а вражеские ветер понесет прямо под твои пушки, чтобы ты колошматил их в свое полное удовольствие, а если что, твоя эскадра может смыться со всеми удобствами – поставить паруса и помахать ручкой: пока, мол, оревуар, гудбай. Одно плохо, коллеги: когда ты с подветренной стороны, в этом больше минусов, чем плюсов. Если противник находится между тобой и ветром, ему атаковать тебя проще простого, а для тебя все усложняется в тысячу раз: и подход, и abordаж, и перестроение, а прибавьте еще риск, что на твоём судне возникнет пожар, потому что эти проклятые искры и разные обломки, которые загорелись от своего или чужого огня, начнут сыпаться тебе на голову (а это такой кошмар, коллеги, что не дай вам бог), да еще дым своих и чужих батарей – в нем вообще собственных рук не разглядишь. Одним словом, это такое дело, что не приведи господь, клянусь вам. Кораблям же, которые находятся с наветренной стороны, маневрировать не в пример легче, к тому же ветер сносит дым и искры в сторону противника, так что сигналы своих читаются лучше. Короче, у тебя все чисто-гладко, а те, что на другой стороне, задыхаются в собственном дыму. Кроме того, если, находясь на ветре, корабли заложат крутой бейдевинд – это значит идти почти против ветра, когда он будто скатывается к самой корме, – они могут уйти, и их почти наверняка не догонят; а если они собрались атаковать, ветер дает им возможность самим выбирать, где, как и когда... Понимаете? Впрочем, понимаете вы или нет, чумазая команда, сейчас вам нужно молиться, чтобы, когда совсем развиднеется, эти сволочи англичане не появились с наветренной стороны.

– Вон они, сукины дети. Как раз на ветре.

Надсмотрщик Онофре, откашлявшись, харкает через борт (с подветренной стороны) и, сощурился, опять устремляет взгляд вдаль, на медленно приближающиеся с попутным ветром английские паруса, а тем временем Николас Маррахо, его друг Курро, остальные члены бригады и несколько морских пехотинцев освобождают шканцы, помогают спустить на воду все три шлюпки и привязать их к корме: это мера предосторожности, объяснил Онофре, поскольку при попадании пушечного ядра – а это неизбежно – они разлетаются по палубе ливнем острых щепок, способных нанести опасную рану.

– Охо-хо. Не нравится мне все это, парень.

– И не говори, дружище. Но кое-кто заплатит мне за все.

Маррахо произносит эти слова, думая о спине старшего лейтенанта Макуа, обтянутой синим сукном кафтана. Я все же доберусь до него, клянусь последними из умерших родных. И украдкой чмокает скрещенные пальцы. Теперь Онофре выкрикивает слова команд, повторяя распоряжения старшего боцмана Кампано, который тоже здесь, поблизости, а бригада

продолжает возиться со шлюпками: нужно, чтобы в каждой были свинцовые фартуки, запас пакли, чтобы затыкать пробоины, гвоздей, кожи, замазки, каболок из расплетенных старых канатов, а также инструменты, необходимые для починки обшивки прямо во время боя, если понадобится. Маррахо подчиняется неохотно, старается не слишком напрягаться, и лишь когда боцман или надсмотрщик смотрят на него, изображает на лице страдание и делает вид, что прямо-таки горит на работе. На самом же деле он думает лишь о том, как бы расквитаться со старшим лейтенантом, который выволок его из таверны. Этой сволочи, что затащила меня сюда, я просто кишки выпущу. Где бы он ни был: внизу, на батарее, или на макушке самой высокой мачты. Пусть только попадется мне на глаза. В этой суматохе никто и не заметит. Клянусь. Чмок, чмок.

– Как ты, Куррийо?

– Да потихоньку.

– Как это – потихоньку?

– Да потихоньку.

Неуклюже укладывая в бухту перлинь под критическим взглядом надсмотрщика, Маррахо украдкой поглядывает по сторонам, на море и на смешанную эскадру, которой, несмотря на почти полное отсутствие ветра, все-таки удалось – этак неторопливо – развернуться носами на север. К Кадису, перешептываются вокруг оптимисты. Какой там, к чертовой матери, Кадис, думает Маррахо, охваченный мрачным предчувствием. Кадис далеко, а англичане – вот они. А к тому же франко-испанская линия баталии, не может не заметить барбатинец, представляет собою кое-как выстроенную, растянувшуюся почти на лигу дугу: где густо, где пусто, и, чтобы встать на свое место, одни корабли маневрируют всеми парусами, другие же, напротив, убирают их. Полная неразбериха. Даже Маррахо, не имеющий ни малейшего представления о тактике морского боя, теперь понимает то, что на рассвете объяснял новобранцам надсмотрщик Онофре. Две эскадры обычно выстраиваются параллельными линиями, палят друг по другу, а потом та, на чьей стороне ветер, старается рассеять вражеский строй и взять его в клещи, чтобы сосредоточить огонь сразу нескольких своих кораблей на судах противника и по одному потопить их или заставить сдаться; а бывает, направляет удар в самый центр линии, перпендикулярно или почти перпендикулярно к ней, чтобы ее рассеять (этот маневр требует решимости, мастерства и выдержки, потому что, пока доберешься до линии противника, тебе тоже не поздоровится). Обычная же тактика обороны заключается в том, чтобы противопоставить атакующим хорошо выстроенную, крепкую линию без брешей, в которые они могли бы вклиниться, и, пока они приближаются, гвоздить их орудийным огнем. А сегодня даже самому неопытному в морском деле испанцу ясно, что англичане, после разворота эскадры оказавшиеся слева от «Антильи», попытаются сделать именно это: прорезать линию, разделить ее части, охватить их собой. Причем ударят они в центр и в тыл, потому что теперь даже невооруженным глазом хорошо видно, что британские корабли идут двумя колоннами – так и прут нагло, при попутном ветре, не скрывая – если только это не какая-нибудь хитрость (говорят, что ими командует Нельсон, а с этим парнем, похоже, надо держать ухо востро), – что метят в самый центр строя союзной эскадры. Ну, строя – не строя, но ведь нужно же как-то это называть. Маррахо понимает, что слабого ветра, благоприятствующего англичанам, не хватает, чтобы испанцы и французы достаточно быстро завершили маневр. Весело, нечего сказать, думает он. Когда англичане подойдут на расстояние пушечного выстрела, линия союзников еще не успеет окончательно перестроиться, в ней останутся опасные бреши, в которые англичане смогут запросто вклиниться, чтобы обойти союзные корабли и зажать их в огненные клещи. Правда, Маррахо все же немного успокаивает внушительный вид собственной эскадры – весь этот лес мачт, горы парусов, подсвеченных еще почти горизонтальными лучами утреннего солнца, его отблески на темном металле пушек, высунувшихся в открытые порты, громада парусины и переплетение снастей, скрипящих над головой под слабым напором ветра, и прочная, накрепко прикрученная к

дубовому корпусу палуба, покачивающаяся под босыми ногами. Вся эта мощная военная машина кажется несокрушимой, как и ее братья, что плывут впереди и за кормой, ожидая приближения врага.

- Ничего себе прогулочка, а, Куррийо?
- Ох, оставь, парень, мне не до пейзажей.
- Держись, дружище. Держись.
- Буэээээ.

Маррахо отводит глаза от того, что плюхнулось в сырой песок, слоем покрывающий доски палубы, и снова разглядывает линию союзных кораблей. В конце концов, мысленно рассуждает он, начальники и офицеры знают свое дело и знают врага, который уже совсем недалеко. Вот, говорят, и капитан «Антильи», дон Карлос де ла Роча, тот невысокий, седой кабальеро – весь такой аккуратный, чистенький, с виду вовсе не храброго десятка, – что совсем недавно произнес им речь (этак напрямик, без обиняков: ежели кто струсит, расстреляю, ну и все такое прочее), так вот, когда-то он, командуя тридцативосьмипушечным фрегатом «Санта-Ирене», целых пять часов бился у мыса Санта-Мария с «Кассандрой», сорокапушечным фрегатом Его британского Величества, и таки заставил ее спустить флаг. Капитан, говорят очевидцы, не такой человек, чтобы рисковать зазря. Скорее наоборот: он набожен, осторожен и во всем следует уставу. Но он хороший моряк, и если уж нужно драться, то всегда пожалуйста. Тогда, в той истории с фрегатами, он почти весь день и всю ночь пытался удрать от англичанина, а тот гнался за ним по пятам, и на рассвете, поняв, что уйти просто так не удастся, капитан велел быстренько устроить молебн на палубе, потом развернулся и ринулся в бой, и слава богу, что команда у него тогда была такая, как надо. Говорят, он был и в Гибралтаре, и в Тулоне, и у мыса Сан-Висенте. А еще говорят, что недавно у мыса Финистерре, в бою с эскадрой английского адмирала Колдера, «Антилья», воспользовавшись просветом в тумане, открыла такой огонь по его «Виндзор Каслу», что тот покинул строй, чуть не разваливаясь на куски, а из его шпигатов текла кровь, как по статуе Есехомо^[58] в Страстной четверг. Потому что англичане, несмотря на весь свой опыт, дисциплину и артиллерию, оказываются не такими уж непобедимыми, когда им противостоят корабли с хорошими командирами и отважными людьми. Хоть и не слишком часто, но бывало, что французы с испанцами крепко задавали им перцу. Не раз и не два. Говорят, сам Нельсон, несмотря на все свои пышные титулы – победоносного адмирала Нильского^[59] и все остальные, – когда ему вздумалось померяться с нами силами на Канарах, оставил там руку (гуан-арм-кат^[60] – кажется, так они это говорят), и ему пришлось снова грузиться на корабли и удирать, поджав хвост, а по пути думать, как отстирать свои английские панталоны. Заходите еще, мистер. Бум, бум, бум. Всегда рады, йес-вери-гуэл^[61], мать твою растак и разэдак. Типичная спаниш сангрия, ю-андер-стан^[62]? Вот с такими мыслями в голове Маррахо смотрит на английские паруса и думает, колеблясь междутой и этой затаенной злобой, о прикрытой синим сукном спине старшего лейтенанта Макуа, в которую он воткнет перо при первом же удобном случае. Ну, в общем-то, заключает он. Лично он ничего не забыл на этой посудине: ни на этой, ни на какой другой, и на самом деле единственное, чего ему хочется, – проделать еще одну дырку в кафтане этой сволочи, офицера, но все же, так, между делом, было бы совсем неплохо чуток приласкать англичан, поубавить им спеси и наподдать так, чтобы дым пошел из-под париков у этих комплесантс-хасбенс^[63], или как они там лопочут на своем англише.

- Нужны пятеро добровольцев. На первой батарее не хватает людей.

Маррахо поднимает руку не задумываясь. Я. Первая батарея – волшебные слова: ведь именно там обретается дон Рикардо Макуа. Его бесценный дон Рикардо Макуа. А кроме того, уроженец Барбате знает о море, конечно, мало, но вполне достаточно, чтобы понять, когда ядра, пули и картечь начнут сметать с палубы все живое и неживое, толстые дубовые бока «Антильи» там, на батарее, защитят его лучше, чем хлипкие парусиновые койки (матросские

гамаки, скатанные и уложенные в ящики вдоль бортов^[64] и сети, которые несколько молоденьких, ловких, как обезьянки, юнг, забравшись на верхотуру, заканчивают натягивать над палубой для защиты людей от реев, блоков, цепей, кусков железа и металла, деревянных обломков и всего того, что начнет валиться сверху, когда завяжется бой. Надсмотрщик Онофре смотрит на Маррахо с подозрением:

– Ты что, разбираешься в пушках?

– Еще как!

По указанию Онофре комендор, поднявшийся на палубу за добровольцами, уводит барбатинца, Курро Ортегу (который, несмотря на рвоту, вконец измучившую его, по примеру друга тоже поднял руку) и еще троих. Вслед за комендором Маррахо проходит под громадным вздувшимся полотнищем грота и через люк в палубном настиле спускается по трапу на вторую орудейную палубу. Там, по пятнадцать с каждого борта, установлено три десятка восемнадцатифунтовых пушек, середина же твиндека пуста, чтобы ничто не мешало в бою: только стволы мачт, проходящие насквозь через все палубы, носовой и кормовой кабестаны да в глубине, ближе к носу, камбуз и две печи, погашенные во избежание пожара (как и все огни на судне, кроме фитилей комендоров и боевых фонарей). В оградах для боеприпасов высятся груды обычных, цепных и разрезных ядер^[65], в бадьях с песком дымятся фитили, орудейная прислуга суетится у своих пушек, а начальник комендоров и несколько его помощников, запершись в крюйт-камере, засыпают порох в полотняные мешочки – картузы, чтобы юнги разносили их по батареям. Их так и называют – пороховые юнги; некоторым из этих шустрых, ловких и быстрых мальчишек не исполнилось еще и двенадцати.

– Ничего себе картинка, а, парень? Просто поджилки трясутся.

Обстановка на батарее куда менее успокаивающая, чем представлял себе Маррахо: офицеры и командиры орудий выкрикивают распоряжения, бывалые комендоры и люди знающие раздеваются до пояса, повязывают голову платком и раскрепляют пушки, используя качку, чтобы подкатить их к портам, крышки которых зловеще скрипят, поднимаясь; и в прямоугольниках света, один за другим скользящих по выгнутым стенам, кипит и снует, подобно вопящему потному муравейнику, масса человеческой плоти – двести человек, – которой битком набита эта вторая батарея, похожая (и не только похожая) на гроб из сосновых и дубовых досок: без малого двести футов в длину, пятьдесят в ширину. Люди знающие называют это помещение твиндеком. Хотя большинство здесь явно этого не знают. Да и вряд ли успеют узнать. По пути к трапу на первую батарею Маррахо попадают люди с безумными глазами: их движения неуклюжи, они шатаются, задыхаясь от жары и вони, идущей от льял, где, шлепая, возятся крысы. Такой же сухопутный народ, как и он сам, – рекруты поневоле, несчастные, перепуганные, измученные качкой, вконец ошалевшие; комендоры, морские пехотинцы и опытные матросы (таких самое большее – один из двух или трех) пытаются объяснить им, зачем они здесь. Рассказать им о долге – том самом, о котором недавно говорил на палубе командир. Он мужик что надо. А насчет долга многие вряд ли успеют понять, потому что прежде начнется бой, и они погибнут.

– Сдается мне, парень, наверху-то было получше, – бормочет встревоженный Курро Ортега.

Маррахо начинает склоняться к той же мысли. Они только что добрались до первой батареи, самой нижней и самой темной. Свет проникает сюда лишь через двадцать восемь открытых портов, по четырнадцать с каждого борта, и в каждом светлом квадрате вырисовывается огромный черный силуэт тридцатифунтовой пушки. Вонь здесь еще сильнее, чем на батарее, расположенной выше. Перекрывая скрип корпуса и плеск воды о борта, колеса лафетов пронзительно визжат, когда бригады комендоров, раскрепив и зарядив орудия, вновь подкатывают их к портам, пока жерло не высунется наружу. Среди почти трех сотен людей здесь уже есть пострадавшие: ай, дьявол, господи, мамочка, – это главным

образом салаги, их отводят вниз, к лекарям, босые ноги, оказавшиеся под колесом, вывихнутые руки, растянутые суставы. А посреди всего этого хаоса те, кто знает свое дело, капралы, комендоры и артиллеристы, приданные им опытные моряки, то есть люди, способные мыслить хладнокровно, выбирают для первых выстрелов наиболее круглые и наименее ржавые ядра, проверяют кремни, протравники^[66] и фитили, дают наставления новичкам, распределяют их по бригадам, а морские пехотинцы объясняют своим сухопутным коллегам (их тут около двух десятков – из Кордовского полка, а командует и теми, и другими толстый усатый сержант), как те после каждого выстрела, при перезарядке пушек, должны высовываться в порты, чтобы стрелять из мушкетов по комендорам врага, когда корабли будут сражаться на небольшом расстоянии. – Ты и ты, вон к тому оружию. Только живо. Маррахо и Курро Ортега повинуются и обходят барабан большого кабестана, прокладывая себе путь среди людей к четвертому порту слева, считая от кормы. Там десять человек возятся вокруг огромного железного цилиндра на деревянном лафете, закрепленном, чтобы качка не сдвигала оружие с места. Седой капрал, у которого на правой руке нету двух пальцев, слегка кивает вновь прибывшим. На шапке у него нашит якорь – эмблема комендоров, волосы по старинке стянуты на затылке в хвост, торс обнажен, спина, плечи и руки сплошь в татуировках кресты, распятия, лики Христа и Богородицы. Просто какая-то ходячая часовня, думает Маррахо.

– Меня зовут Пернас.

Кошмарный галисийский акцент. Комендор Октавио Пернас, повторяет капрал. Затем спрашивает, есть ли у них какой-нибудь опыт, вглядывается в их лица, потом, не ожидая ответа, принимается объяснять задачи каждого, по очереди указывая при этом на остальных (трое явно провели всю жизнь в море, один – солдат в синем кафтане сухопутных артиллеристов, а еще мальчонка лет десяти-одиннадцати, пороховой юнга, и четверо штатских, по виду – насмерть перепуганные крестьяне). Я навожу и стреляю, вот он – его зовут Палау, он тоже комендор – подносит фитиль; этот, тощий, забивает картуз, белобрысый – ядро, солдат готовит пушку к выстрелу, мальчонка носит порох из крюйт-камеры, а эти четверо мужланов здесь уже три дня и успели научиться драить и охлаждать канал ствола. А вы, салаги, будете на подхвате, делайте, что велят, а главное – изо всех сил тяните вот эти тросы (здесь они называются таями), чтобы помочь нам откатывать пушку назад, а потом опять вперед, ну, вы знаете, заряжай – стреляй, заряжай – стреляй, бум, бум, бум, пока все не пойдет так далеко, что вам лучше этого не знать. Вам ясно? Еще кое-что: когда нас подпалят, поначалу можете не сильно тревожиться, понятно? Эти двойные шпангоуты и дубовые доски защитят от чего угодно; обшивка здесь, внизу, толстая, и не знаю уж, сколько ядер должно попасть в этот корабль, чтобы он пошел ко дну. Что же до того, что пушки иногда разрывает – все новички боятся этого до смерти, – то здесь вам тревожиться не стоит, потому что эти штуки (комендор любовно похлопывает по металлу) сделаны из серого чугуна, выплавленного в Ла-Каваде, обратите внимание, это весьма благородные пушки: вместо того чтобы взять да и шарахнуть, и перебить все, что есть рядом, они подают тебе знаки: начнут трескаться либо плеваться кусками металла... И вот еще что: по-настоящему на это оружие требуется человек пятнадцать, но мы стараемся справляться. Да, кстати. Если кто-то из нас окочурится, или, точнее, когда кто-то из нас окочурится, ваша задача – проверить, действительно ли он отдал богу душу, и выбросить его в море через порт, чтобы не мешался под ногами, а потом хватайте его снаряжение и продолжайте делать то, что делал он. Или хотя бы старайтесь делать. Так что смотрите в оба и смекайте. Слышали? И помните, что у первого же, кто попытается сбежать, я собственноручно вырву печеньку и съем. У него и у той суки, что родила его на свет, – внушительно заканчивает капрал.

Маррахо кивает рассеянно, ничем не впечатляясь (в отличие от своего товарища, у которого глаза стали как тарелки), и смотрит через порт, поверх пушки, на английские паруса, которые все приближаются, гонимые бризом. Потом, думая о своем, вновь оглядывает батарею. Хотя все порты штирборта открыты и из каждого высовывается готовая к бою пушка,

весь народ толпится с левой стороны – с той, откуда приближаются англичане. Капралы и самые опытные комендоры, собрав вокруг себя прислугу каждого орудия, повторяют ей инструкции, похожие на те, что минуту назад давал своим людям Перше. Наблюдая, барбатинец начинает понимать, что часть батареи, расположенная от грот-мачты до кормы, находится под началом заместителя командира всей батареи – молоденького лейтенанта сухопутной артиллерии, который обходит орудие за орудием, тщательно проверяя все и вся, а переходя к другому, всякий раз, как бы извиняясь, робко улыбается прислуге. Он чересчур бледен, и его пальцы слишком крепко сжимают эфес висящей на боку сабли. Плохо дело, думает Маррахо. Его зовут Сандино, говорит кто-то. Или как-то вроде этого. Его взяли на борт пару недель назад, а в придачу – шестьдесят два сухопутных артиллериста, чтобы укомплектовать команду. Парнишка-то совсем зеленый – всего двадцать два. Говорят.

– Только этого нам и не хватало, дружище, – шепчет Курро Ортега. – Дитё малое.

Маррахо молча пожимает плечами. Все его внимание направлено вперед, в носовую часть. Среди всей этой шушеры, снующей туда-сюда на фоне светлых прямоугольников открытых портов, там, за шпором грот-мачты и насосами для откачки воды, он различает высокую худую фигуру в темно-синем кафтане с красными отворотами и эполетами на обоих плечах. Пусть у меня все отсохнет, думает он, если это не тот старший лейтенант – дон Рикардо Макуа. Он это, он, мой голубчик. Командир первой батареи – всей, от носа до кормы. Вот радость-то. И Маррахо улыбается про себя, нехорошо улыбается, зло, пока его пальцы ощупывают нож, спрятанный в матерчатом поясе. У меня тут, думает барбатинец, своя война.

5. Синий штандарт

Небо сине-серое, над самым горизонтом полоса грозowych туч. Омерзительно слабый вест-норд-вест кое-как несет «Энсертен», идущий бакштаг под фоком, марселем и кливером между приближающимся врагом и неровной линией франко-испанской эскадры. На корме, рядом со старшим лейтенантом Де Монтети, штурманом Кьеффером и помощником штурмана Ма-ноло Коррехуэвосом (Манолё Когегуэвосом), стоит, упершись обеими руками в планшир, капитан-лейтенант Луи Келеннек. Ему видно, что уже все союзные корабли сумели развернуться носом норд. Но все равно в линии остаются большие бреши: какие-то корабли оказались чересчур близко друг от друга, какие-то отчаянно маневрируют парусами, чтобы добраться до своего места в строю. В головной части, похоже, больше порядка: испанцы «Нептун» и «Антилья» (на корпусе первого желтые полосы накрашены на уровне каждой палубы, у второй корпус сплошь черный только с одной широкой полосой) движутся, захватывая ветер слева грот-марселем и кливерами; из арьергарда они превратились в авангард и теперь, после разворота на норд всей эскадры, которая сейчас пытается выполнить приказ лавировать, чтобы остаться на месте, открывают, так сказать, парад. Чуть навет-реннее «Райо» и «Сан-Франсиско де Асис» – тоже испанцы – стараются занять указанные им места между французскими «Сипионом», «Фор-мидаблем», «Энтрепидом», «Монбланом» и «Дю-гей-Труэном», а испанец «Сан-Агустин» – он должен был находиться гораздо дальше, но его сильно отнесло – подбирает паруса, чтобы снесло назад, поближе к его месту в средней части эскадры.

Все утро юркий тендер, точно быстрая тощая гончая, сновал между своей и английской эскадрами, разведывал, высматривал и тут же передавал сигнальными флажками добытую информацию. Сейчас, когда английский авангард уже дышит ему в затылок, Келеннек маневрирует, чтобы уйти за линию своих и, прежде чем очередное вражеское ядро разнесет его в щепки, укрыться там, с подветренной стороны под защитой больших линейных кораблей; там уже расположились все шесть французских фрегатов и теперь просто наблюдают, репетуя на своих мачтах сигналы, с помощью которых из конца в конец эскадры передаются распоряжения.

– Сейчас немножко спрячемся, mes petits^[67].

– Давно пора, – бормочет себе под нос штурман Кьеффер.

Его помощник-испанец не бормочет ничего, поскольку ни черта не понимает на языке лягушатников, но его насупленная бровь заметно разглаживается, когда он улавливает смысл жестов командира Келеннека, указывающего на достаточно крупный просвет между двумя кораблями франко-испанской линии: там можно проскочить. Прежде чем отдать приказ, Келеннек бросает последний взгляд на головные корабли англичан: они пугающе близко. Плохо дело, думает он. Сейчас чуть больше одиннадцати утра, они находятся в девяти лигах к зюйд-зюйд-весту от Кадиса, и тактика Нельсона пока что ясна: его корабли выстроились двумя параллельными линиями и с попутным ветром, на полных парусах, включая лисели, прут вперед, явно собираясь перпендикулярно вклиниться во франко-испанский строй, чтобы отсечь от центра авангард и арьергард. Первое судно английской колонны, идущей севернее, – с полчаса назад «Энсертен» подобрался к нему насколько мог ближе и едва успел развернуться и удрать, – стопушечный трехпалубник (на корпусе три полосы, накрашенных на уровне каждой батареи) с белым штандартом на фок-мачте. Короче, произносит, сплюнув, второй боцман Череп, если белое и в бутылке, значит, это молоко, патрон, все *mais claire que la lune, mon ami Pierrot*^[68] : у аппарата вице-адмирал Нельсон. А корабль – не что иное (разве что боцмана подводит его опытный глаз, но это вряд ли, ибо моряцкий глаз Череп не ошибается никогда), как «Виктори»; за ним следуют еще три мощных трехпалубника, один из которых наверняка «Темерер». Боцман хорошо знает его, потому что несколько лет назад «Фудройян», на котором он ходил главным рулевым, имел случай крепко схлестнуться с ним напротив Уэсана. Эта сволочь плюется огнем через трубку, рассказывает он.

- Пусть мне снесут башку, мои капитэн, если там, впереди, не «Виктори» и «Темерер».
- Ты уверен?
- Он нас переиграл. То есть уи.

А кроме того, замечает внимательный Келеннек, эти британцы *de la grande putaine* идут прямо к намеченной цели. Цель же их – расчленить союзную эскадру прямо по центру, где находятся два самых больших ее корабля. Разрубить ее пополам, как кусок мяса для отбивных. Колонна, возглавляемая, по предположениям, самим Нельсоном, направляется к «Сантисима Тринидад» (четыре палубы, сто тридцать шесть пушек, краса и гордость испанского военного флота) либо к «Бюсантору» (восемьдесят пушек, флагманский корабль адмирала Вильнева), идущему следом за испанцем. Вторая колонна наступает в полумиле южнее, более или менее параллельно первой, во главе ее два идущих друг за другом трехпалубника, на фок-мачте первого – синий штандарт (Келеннек прикидывает: может, это адмирал Коллингвуд, любимец Нельсона); они целят прямо на экс-авангард, после полного разворота всей союзной эскадры оказавшийся в арьергарде. Там пять испанских кораблей и шесть французских, включая флагман этой бывшей головной части эскадры – трехпалубный стовосемнадцатипушечный «Прин-сипе де Астуриас», на котором держит свой вымпел испанский адмирал дон Федерико Гравина-и-Наполи-и-Черт-Его-Знает-Что-Еще. До чего же все-таки эти испанцы обожают длинные аристократические имена. И не лень им выговаривать все это. Делать людям нечего.

– Да уж, ничего не скажешь, – комментирует старпом «Энсертена» старший лейтенант Де Монтети. – Расстарались эти сволочи-англичане, как на праздник.

Келеннек полностью согласен. Маневр задуман с размахом. Если он удастся, британцы сумеют рассечь линию баталии союзной эскадры и взять ее части в тиски. Однако, пока нападающие будут этим заниматься, пока приблизятся на выстрел, они будут находиться под огнем французских и испанских кораблей, буммм, ррраааа, буммм, ррраааа, на который какое-то время не смогут отвечать. Орудия располагаются на кораблях слева и справа, вдоль бортов, а с носа и кормы вести огонь, в общем-то, нечем (там установлено максимум по одной пушке с каждой стороны бушприта и штурвала). Так что, приближаясь перпендикулярно в расчете на рукопашный бой, англичане практически не смогут использовать свою артиллерию. То есть успеют получить на орехи.

– А может, мы и победим, – говорит Де Монтети: несмотря на свое аристократическое происхождение (оба его деда и родной дядя расстались с жизнью на гильотине), он оптимист.

Командир «Энсертена», почесывая колючий подбородок, бросает косой взгляд на заместителя. Сам он сильно сомневается в этом, однако держит свои мысли при себе. Да, Нельсон – призрак, впору детей пугать, но, однурукий и слепой на один глаз, он, как выражаются союзники-испанцы, всем морякам моряк. Настоящий морской волк. Горацио Нельсон. Он кто угодно, только не головотяп и не самоубийца. Келеннеку отлично известно, какие англичане великолепные моряки и комендоры, как сильно в них стремление обломать рога противнику. Французский флот, действуя самостоятельно, ни в чем не уступит ни им, ни кому другому, и, кстати, недавно это доказал тридцатидвухпушечный корвет «Байоннез», взявший на бордаж, а потом и в плен английский фрегат «Эмба-скейд», на котором было на восемь пушек больше; а Робер Сюркуф, капитан корсара «Ла Конфьянс», имея всего восемнадцать пушек и сто восемьдесят пять членов команды, сумел взять на бордаж сорокапушечный фрегат «Кент», на борту которого находилось, ни больше ни меньше, четыреста тридцать сынов Великой Британии. И это только два примера. Однако совсем иную картину являет собой la France, когда речь заходит о крупных морских эволюциях и о талантах ее расфуфыренных (издержки имперской моды) высших чинов, ибо в этом плане имперские адмиралы, которые еще недавно присягали Первому консулу, а до этого были яростными республиканцами (la politique, etcetega, mon petichu^[69]), и по сей день свято привержены «Traite des evolutions navales»^[70] 1696 года: две линии, боевой порядок и так далее, хотя с тех пор пролилось немало дождей. А нынче, понятное дело, английский гений и дисциплина берут свое. Rule, Britannia^[71], пока не надоест. А кроме того, всем, даже врагу (может, именно поэтому Нельсон и идет на подобный риск), известны безынициативность и нерешительность адмирала Вильнева: этому протезе министра Декре вполне хватает храбрости, чтобы поднять Tetendard sanglant^[72] и крикнуть «На бордаж!», а потом «оляля» и все такое, но в роли командующего союзной эскадрой, по словам офицеров его же собственного генерального штаба (в Кадисе после заседаний по тактическим вопросам все они выходили белыми как бумага, французы бежали в ближайшую таверну, а испанцы осеняли себя крестом), господин адмирал Вильнев, обдумывая важные маневры, отличается от коровы лишь тем, что у коровы взгляд умнее.

– Сигнал с адмиральского корабля.

Гардемарин Галопен, оставив подзорную трубу возле нактоуза, старательно листает свод сигналов, общих для франко-испанской эскадры. Келеннек замечает, что руки у парня дрожат. Скоро они у тебя еще больше задрожат, думает он. Вот уже совсем скоро.

– Все эскадре развернуться бакштаг, чтобы выровнять линию.

Командир «Энсертена» видит, как на отдаленных фрегатах и на ноках реев больших кораблей флаги репетуют сигнал. Самое время для такого приказа, думает он, потому что вест по-прежнему слаб, и те, кто идет по нему, плетутся как черепахи, а остальные сбились кучками. Подойди англичане прежде, чем удастся выровнять линию, начнется такое, что и представить страшно. Так что выход один: всем одновременно встать так, чтобы ветер дул в корму и немного сбоку. Хотя даже после этого вряд ли стоит успокаиваться. Точнее, совсем не стоит.

– Еще сигнал, мои командан^[73]. Номер... Посмотрим... Уи... *Кораблям вступать в бой сообразуясь со своими возможностями.*

– Отметь время, мон анфан^[74].

11.30, записывает гардемарин в судовом журнале, а Келеннек и его старший помощник молча переглядываются. Так и я умею командовать, без слов говорят они друг другу. Ничего себе. Как раз в этот момент «Энсертен», идущий левым бакштагом с сильно развернутым вправо гротом, почти перпендикулярно пересекает франко-испанскую линию в том месте, где между кормой французского «Эро» и могучим носом «Сан-тисима Тринидад» образовалась большая брешь, размеры которой – как минимум пара кабельтовых – заставляют поежиться

даже Келеннека, немало повидавшего за тридцать пять лет морской службы. Однако, проходя мимо испанского четырехпалубника, он не может не восхититься, оглядывая этот самый большой в мире военный корабль. Испанский гигант – высокий красно-черный с белыми обводами корпус, ошестинившийся вдоль обоих бортов черными жерлами своих ста тридцати шести пушек и увенчанный целым лесом мачт, несущих громаду парусов, – выглядит несокрушимым укрепленным островом, так что от одного его вида, зная, что он на твоей стороне, по идее, можно было бы вздохнуть с облегчением. Можно было бы.

– Держи курс норд-ост, Бержуан. Приготовиться к повороту оверштаг.

Матросы бегут по палубе, а тем временем тендер, проскользнув в брешь, оказывается по другую сторону линии. Пользуясь относительной свободой передвижения, которую дает тендеру его роль разведчика и, так сказать, мальчика на побегушках, Келеннек собирается направиться к южной оконечности строя – посмотреть, что и как. Из-за смены галса он окажется в непосредственной близости от испанца, а также от его заднего мателота^[75] «Бюсантора», флагманского корабля адмирала Вильнева, поэтому ему хочется совершить маневр красиво. Ведь такие вещи учитываются, хотя всегда где-то рядом и дорогие коллеги – только и ждут твоего промаха, чтобы перемигнуться и подтолкнуть друг друга локтем. Келеннек бросает взгляд на вымпел на верхушке мачты, показывающий направление ветра. Вест-норд-вест по-прежнему слабый. Отлично. Почти то, что надо.

– Чуть под ветер, Бержуан. Так... Хорошо.

Когда «Энсертен» оказывается на траверзе «Эро», в паре кабельтовых, Келеннек отдает обычные в таких случаях распоряжения; рулевой поворачивает штурвал в указанную сторону, тендер скрипит, чуть ныряет носом, почти не теряя скорости, и оба треугольных носовых паруса трепещут на ветру, который дует теперь с бакборта. Маневр выполнен безупречно. И с исключительным изяществом.

Матросы крепят шкоты, паруса ловят ветер, и «Энсертен» теперь движется зюйд с подветренной стороны от главных сил эскадры. Вид которой, кстати, оставляет желать лучшего: за кормой «Тринидад» держат строй лишь «Бюсантор» да французский «Редутабль», идущий за ним в кильватере, немного отставая, но весьма лихо (молодец все-таки этот малыш, капитан Люка, думает Келеннек, не сдерживая улыбки восхищения). Испанца «Сан-Хусто» (который вообще должен был находиться не здесь, а значительно дальше, поскольку входит в другую группировку), еще одного испанца – «Сан-Леандро» и французский «Нептун» снесло, и они изо всех сил стараются вернуться на свои места, но выходит плоховато: ветер слаб, да и они к нему почти носом. Хуже всех приходится «Сан-Хусто» – бедняга совсем потерял ветер и теперь неуклюже ворочает реями, чтобы хоть как-то поймать его и сдвинуться с места. У его капитана сейчас наверняка уши пылают от стыда.

Идя вдоль «Бюсантора» на расстоянии пистолетного выстрела, Келеннек машинально поправляет галстук и ворот кафтана, после чего обнажает голову со всеми полагающимися при этом церемониями (что поделаешь – новая империя, вздыхает он про себя), держа равнение на ахтердек флагмана, откуда группа французских офицеров наблюдает за его маневром. Среди них он различает расшитую треуголку, эполеты и звезды адмирала Вильнева (еще один любитель выставить напоказ свои награды). Один из офицеров подходит к фальшборту и через блестящий латунный рупор выкрикивает несколько приказов для «Энсертена»: Келеннек должен голосом подтвердить адмиралу Гравине, строй кораблей которого нарушен, инструкцию сохранять свои места, держась волны, то есть дрейфуя. Келеннек и Де Монтети снова молча переглядываются. Гравина. Некоторое время назад испанский адмирал, командующий эскадрой наблюдения, оказавшейся теперь в арьергарде, флагами запросил разрешения действовать независимо от общего строя и атаковать своими кораблями ближайшую английскую колонну, обстрелять ее, рассечь или попытаться окружить. Вполне разумная идея, с какой стороны ни взгляни – хоть с Новой Земли; Гравина – умелый и отважный моряк, и Келеннеку его решение показалось превосходным. Однако у Вильнева

другое мнение: там, где есть адмирал-француз, испанцу не командовать. Пропади все пропадом. Так что Келеннек подтверждает: приказ понял, – еще раз отдает честь и послушно идет дальше, курсом зюйд. Они еще не успели отдалиться от «Бюсантора», когда на нем поднимают новый сигнал.

– *Лавировать, чтобы встретить противника*, – переводит гардемарин Галопен.

– Встретить-то мы его встретим, а вот кто кого будет провожать, – тихо произносит штурман Кьеффер.

Так же тихо командир советует: закрой рот или его тебе закрою я. По всей длине линии, борясь с течением и ворочая туда-суда почти обвисшими парусами, испанские и французские корабли – за кормой у каждого болтаются на буксире ялики и шлюпки, спущенные на воду, чтобы освободить палубу, – начинают маневрировать, чтобы встать к ветру и повернуться батареями бакборта к англичанам, которые, видит Келеннек, уже совсем рядом, почти на расстоянии пушечного выстрела. Колонна под белым штандартом нацелена прямо в центр союзной эскадры (Келеннеку весьма кстати приказ, отсылающий его подальше отсюда), а колонна под синим штандартом, та, что южнее, немного изменила курс: если прежде направлялась к арьергарду с явным намерением обойти его, то теперь тоже метит почти в центр, на четыре-пять кораблей в сторону от предполагаемого места прорыва. Кое-кто из ветеранов «Энсерте-на» – чтоб было лучше видно, они забрались на консоли для боеприпасов, – кажется, узнают в возглавляющем колонну корабле под синим штандартом «Ройял Соверен»: он идет напрямик на «Санта-Ану», трехпалубник, на котором держит свой флаг генерал-лейтенант Алава, командир подразделения, состоящего из пяти французских и трех испанских кораблей.

– Вот там они и врежутся.

Келеннек в отчаянии видит, что и эта группировка – главные силы эскадры – движется кто во что горазд. Французы «Фуго» и «Плютон» болтаются в кильватере у «Санта-Аны», французский «Эндоптабль» и испанский «Монарка» снесло далеко под ветер, так что в линии образовались дыры, а двух кораблей вообще не хватает: старый ревматик «Сан-Хусто» шлепает гораздо выше, а французский «Энтрепид» в результате многочисленных маневров и контрманевров рассвет застал в подразделении Дюмануара, находящемся в авангарде.

По крайней мере, утешает себя Келеннек, идя вдоль растянувшейся с норда к зюйду эскадры, арьергард, которым теперь стала эскадра наблюдения адмирала Гравины, уже не сбив в кучу, а начинает выравнивать строй. Команда тендера видит, как проплывает на его правом траверзе семидесятичетырехпушечный «Альхесирас» – несмотря на свое испанское название, это корабль французский и идет под флагом контр-адмирала Магона, – затем испанский «Багама», французские «Эгль», «Свифт-Сюр» и «Аргонот», испанский «Сан-Ильдефонсо» (один из лучших и наиболее современных испанских кораблей) и французский «Ашиль»: у всех на борту по семьдесят четыре пушки, за исключением «Арго-нота», несущего восемьдесят. Испанские «Монта-ньес» и «Аргоната» сильно снесло под ветер, но они, как паиньки, старательно пытаются добраться до своих мест. А после бреши шириной в пару кабельтовых замыкают эту гигантскую, в добрых четыре мили, сейчас выгнувшуюся дугой к осту линию «Принсипе де Астуриас» (три палубы, сто четырнадцать пушек, на фок-мачте флаг адмирала Гравины, на борту он сам и его адъютант генерал-майор Эсканьо), французский «Бервик» и еще один испанец – семидесятичетырехпушечный «Сан-Хуан Непомусено» под командованием бригадира Чурруки; этого молчаливого, худого, бледного человека уважают даже англичане (а это много, когда речь идет о надменных британцах), и не только как отважного командира, но и как ученого – гидрографа и астронома. Келеннек знает его лично: когда-то, в Бресте, ему довелось служить при нем. Симпатичным Чурруку не назовешь, однако впечатление он оставляет глубокое. Говорят, после многих лет, отданных только морю, он женился на милой девочке из хорошей семьи. L'amour ^[76] и все такое. А еще рассказывают, что ему, как и всем остальным испанским командирам, Королевский флот задолжал жалованье за несколько

месяцев, и в Кадисе он перебивался частными уроками математики. Одно слово: L'Espagne^[77]. Умеет она все-таки ценить своих людей.

– Еще сигнал с флагмана.

Келеннек смотрит на «Теми» – ближайший к нему фрегат, на котором ползут вверх, репетуя сигналы, подаваемые издалека, с «Аргк», разноцветные флаги. Юный Галопен уже роется в своде сигналов:

– *Вести бой с максимальной отдачей.*

– Отлично, замечательно. Же-ски-тре-кон-тан^[78]. Запиши время.

– Миди, мон командан^[79].

– Кьеффер, где мы?

Штурман смотрит на секстант, сверяется с записями, вытянутой рукой показывает своему помощнику Манолё Когегуэвосу азимут, тот кивает в ответ.

– Тридцать шесть градусов восемь минут северной широты, мон командан... Азимут на мыс Трафальгар – четыре лье на ост-зюйд-ост.

– Точно?

– Точно.

Ответ пилота раздается одновременно с долетевшим издали звуком пушечного выстрела. Пум-баа. Резко обернувшись, Келеннек видит облако белого дыма, которое бриз относит, закручивая на лету: это к норду, там, где находится «Фуго» – чуть дальше центра союзной эскадры, там, где английская южная колонна под синим штандартом уже готова вклиниться в нее как раз между «Фуго» и «Санта-Аной». А потом начинает гроыхать – нескончаемая цепочка отдельных громов, под которые из бортов кораблей вылетают вспышки пламени и клубы дыма, и этот грохот перекачивается вдоль всей линии от центра до самого конца.

Бум-баа, бум-баа, бум-баа. Шев господень. Сражение. Шестьдесят кораблей, пять тысяч девятьсот сорок пушек, сорок тысяч людей, нещадно уничтожающих друг друга. С палубы «Энсертена» Келеннек и его французы, бессильные что-либо сделать, смотрят, зачарованные, на разыгрывающуюся бурю. Не попавшие в цель ядра, как град с небес, сыплются в воду, вздымая пенные столбы. Вся союзная линия от центра до самого конца арьергарда – это оглушительный грохот орудий и клубы серо-белого дыма, прошитые огненными вспышками; французы и испанцы подняли свои кормовые флаги и палят по головным кораблям англичан, которые тоже начали отвечать на огонь. Бумм-рррааа. Бумм-рррааа. Поверх сплошного облака дыма видно, что английские паруса все ближе к парусам смешанной эскадры, а на мачтах и реях и тех и других кораблей копошатся крохотные фигурки матросов, убирающих нижние паруса. Красиво все-таки идут эти англичане, с невольным восхищением думает капитан Келеннек. Первые четыре линейных корабля, идущих в кильватере за тем, что под синим штандартом, невозмутимо стараются вклиниться в бреши в строю союзных кораблей. «Санта-Ана» всем бакбортом дает такой залп по флагману, что тот кренится в противоположную сторону. Его паруса словно летят над дымом, который скрывает корпуса судов и в котором уже начало зловеще потрескивать – крр, крр, крр: это звук мушкетной стрельбы, сотен ружей, грохочущих на палубах и с марсовых площадок.

– Они пройдут, ном-де-дье. Эти кошон пройдут^[80].

Французскому «Эндоптаблю» не хватает ветра, чтобы успеть заткнуть собой брешь между «Санта-Аной» и «Фуго», и хотя последний из всех сил маневрирует парусами (Келеннек представил себе, как его капитан Бадуэн, уже охрипший, мечется по шканцам, выкрикивая приказания), пытаясь приблизить свой нос к корме испанца и закрыть дорогу английскому трехпалубнику под синим штандартом, тот под жестоким огнем продолжает идти вперед. Другие английские корабли отделяются от своего строя, выбирая, где можно рассечь союзную эскадру; два из них нацелились на брешь между «Плюто-ном» и «Альхесирасом», оставленную

снесенным под ветер испанским «Монарка». Бум-баа, бум-баа, бум-баа. От непрекращающейся пальбы дым становится таким плотным, что сквозь него уже ничего не разглядеть: теперь с подветренной стороны линии, оттуда, где находится «Эн-сертен», видны лишь вспышки и завихрения от взрывов пороха, спиралями поднимающихся среди необъятного леса мачт и распущенных парусов, в которых появляется все больше пробоин. Кррррааак. Один из кораблей – Келеннек не знает, англичанин это или кто-то из союзников – лишился крьюй-стенъги по самый марс, а потом и вся бизань-мачта обрушивается, исчезает в дыму вместе с беззащитными крошечными фигурками, пытающимися удержаться за снасти.

– Они проходят, мон капитэн!

Келеннек ощущает, что его душа рушится, как эта мачта. Грохот Бреста. Сейчас с этой стороны линии из дыма показался черный правый борт «Санта-Аны», которую немного сносит, и совсем рядом с ней, с ее разбитой кормой, нос английского трехпалубника с синим штандартом на фок-мачте. Очевидно, что «Ройял Соверен», если это он, сумел вклиниться между «Фуго» и «Санта-Аной» и, вклепив ей убийственный продольный залп с самой уязвимой стороны – в корму (ядра и картечь, проносясь над палубой, буквально сметают с нее все живое и неживое), так что сейчас там просто кровавое месиво, убитых наверняка сотня или две, теперь лавирует, пристраиваясь к ней борт о борт с подветренной стороны. Англичанину, в свою очередь, крепко достаётся от сосредоточенного огня «Фуго», «Эндоптабля» и «Монарка», который срезает ему сначала грот-мачту, а потом и бизань. Однако из дыма уже показываются два других английских корабля, спешащих на помощь синему штандарту. Еще трое, кажется, почти отсеки разбитую «Санта-Ану», а паруса еще по меньшей мере десяти британцев, до сих пор по ту сторону линии, идут на сближение со следующими испанскими и французскими кораблями. Келеннеку, смотрящему во все глаза со стороны, вполне ясна тактика англичан: окружать каждый корабль противника несколькими своими и так двигаться от центра в конец линии, расправляясь с ними по одному. Пушечные залпы, град мушкетных выстрелов, стук бортов, когда начинается очередной абордаж. Захват Нельсона. В отличие от классических морских сражений, когда эскадры издали обстреливают друг друга из орудий, это с первого же мгновения рассыпалось на множество отдельных кровопролитных схваток. – борт стучит о борт, ноки реев цепляются за реи противника. По-сухопутному это называется «сойтись грудь в грудь».

6. Белый штандарт

На корме «Антильи», опершись на подковообразный гакаборт, под большим фонарем, венчающим собой ее расписанные красным и желтым украшения, капитан первого ранга дон Карлос де ла Роча смотрит на юг – туда, откуда доносится приглушенный расстоянием грохот битвы. Его семидесятичетырехпушечный линейный корабль, второй в головной части строя, ловя ветер слева марселями и крьюй-селями, держится в кильватере за другим испанцем – «Нептуно», задний же его мателот – французский «Сипион». Здесь, в авангарде, все спокойно, если не считать одинокого английского паруса, приближающегося с норда (скорее всего, это разведчик, который не успел присоединиться к своим и вот теперь торопится назад).

«Антилья» чересчур далеко от места ожесточенного сражения, разыгравшегося почти на другом конце линии баталии – она сейчас приобрела, вполне во французском стиле, форму круассана, растянувшись на четыре-пять миль, – ее изгиб позволяет с головных кораблей более или менее различать, что происходит в арьергарде, тем более что легкий вест сносит в сторону дым. А там не происходит ничего хорошего. Капитанам английской колонны, возглавляемой трехпалубником под белым штандартом (это, вне всякого сомнения, флагман вице-адмирала Нельсона, и кое-кто из офицеров «Антильи» узнал в нем «Виктори», линейный корабль первого класса), похоже, не терпится проглотить круассан: эти сукины дети так и прут вперед, и, хотя не смеют обойти шефа, некоторые все же отклонились от его кильватера, и их носы почти уже поравнялись с его кормой. Однако, получив пару залпов от союзных кораблей, они разворачиваются штирбортом и нацеливаются точно в центр смешанной эскадры – туда,

где находятся «Сантисима Тринидад» и «Бюсантор», флагман адмирала Вильнева, которые, как и остальные из их подразделения, уже с расстояния менее половины пушечного выстрела ведут яростный огонь по кораблю под белым штандартом.

– Здорово они обрабатывают этого англичанина, – замечает капитан-лейтенант Орокьета, передавая подзорную трубу командиру.

Это уж точно. Обрабатывают они его лучше некуда. Даже невооруженным глазом можно разглядеть, как пострадал английский трехпалубник, его батареи молчат, однако он бесстрашно и упорно продолжает идти к цели. Кар-лос де ла Роча раздвигает подзорную трубу, подносит ее к глазу и, подстроившись под колебания палубы так, чтобы не выпускать из прицела линзы английский корабль, пытается оценить урон, нанесенный ему франко-испанской артиллерией. Трехпалубник, решительно направлявшийся к «Тринидад», чтобы вклиниться между его кормой и носом «Бюсантора», похоже, решил, что брешь чересчур мала: испанец, предвидя его маневр, чуть подобрал марсель и бизань, чтобы сбавить ход, сокращая тем самым дистанцию между собой и «Бюсантором», в то время как четыре батареи его бакборта вели ожесточенный огонь. Поэтому англичанин под белым штандартом, потрепанный, взял правее и теперь быстро приближается к корме «Бюсантора». Капитан де ла Роча с первого взгляда угадывает его намерение: задний мателот флагмана – французский «Нептун», но его заметно снесло под ветер, так что между «Бюсантором» и идущим сзади «Редутаблем» образовалась соблазнительная брешь. Просто восторг, не хватает только плакатика со стрелочкой и надписью: резать здесь, please^[81]. Однако на пути туда Г англичанин (разумеется, с Нельсоном на шканцах) получает свое. И получает крепко. Паруса у него все в дырах, и тут удачно посланное ядро разбивает ему фор-марса-реи. Жаль, думает де ла Роча, что ему не снесло всю фок-мачту. В отличие от английских комендоров, которые обычно целят в корпус, французы бьют по мачтам, чтобы лишить врага возможности маневрировать (а бедняги испанцы палят, куда попадут). Де ла Роча с сомнением качает головой. Французская тактика сегодня кажется ему абсурдной: за то время, что понадобится французам и испанцам на один выстрел, великолепно натренированные британцы способны выстрелить трижды, и пока те стараются оставить противника без мачт, эти метут огнем вражеские палубы, вдребезги разнося пушки и превращая их прислугу в куски филе, разбросанные среди обломков дерева и металла. Ну что ж. Каждый таков, каков он есть.

– С флагмана еще сигналы, сеньор капитан.

Де ла Роча наводит подзорную трубу на реи «Бюсантора». Там среди дыма от оружейных залпов на фалах ползут вверх флаги, и такие же флаги поднимаются вдоль всей линии на фрегатах, находящихся с ее подветренной стороны. Гардемарин Ортис прилежно листает свод сигналов:

– *Тем, кто невредим или пострадал меньше, оказывать поддержку тем, кто находится в более невыгодном положении.*

– К кому это относится: к авангарду, к центру или к арьергарду?

– Ни к кому конкретно, сеньор капитан.

Командир «Антильи» сдерживает уже готовое слететь с языка проклятие. Идиот Вильнев. Этот сигнал только породил неразбериху. Может, он относится к кораблям, уже вступившим в бой, и рекомендует их капитанам действовать по своему разумению, поддерживая своих оказавшихся в наиболее тяжком положении товарищей (в конце концов, это в порядке вещей, и именно так полагается поступать всякому честному человеку и уважающему себя моряку); если же считать, что сигнал относится ко всем, то он может означать также, что адмирал отказывается руководить строем и предоставляет каждому кораблю возможность действовать на свое усмотрение. А сказать такое – не важно, словами или сигналами, – когда сражение только началось, – значит, заранее признать, что все идет хуже некуда. Что командующий

эскадрой считает поражение неизбежным и в самом скором времени каждой собаке придется самой лизать себе задницу.

– Этот француз – полная бездарь. Теперь нам всем конец.

Орокьета и юный Ортис смотрят на него с удивлением, потому что их командир пользуется репутацией человека холодного и сдержанного, вовсе не склонного прилюдно критиковать начальство. Карлос де ла Роча замечает их взгляды, но ему плевать. Он разъярен, как – наверняка – и большинство капитанов смешанной эскадры, и испанцев, и французов, которых так тупо и бесталанно гонят на заклятие. Сейчас ему вспоминается рассказ генерал-майора эскадры Антонио Эсканьо о военном совете, собранном в Кадисе перед выходом в море. Совет проходил несколько дней назад в адмиральской каюте «Бюсантора»; присутствовали офицеры штаба и капитаны, проплававшие дольше других. По словам Эсканьо, с того самого момента, когда Вильнев открыл рот, всем было ясно, что он ищет предлога, чтобы остаться в Кадисе, в относительной безопасности, подальше от англичан. Он делал вид, что советуется, а сам пытался навязать решение не выходить в море и своим офицерам, и – в особенности – испанцам, лучше всех знающим, насколько слабы их команды и в каком плачевном состоянии многие их корабли. Было очевидно, что лягушатник собирается доложить в Париж; мол, пришлось уступить испанцам и последовать их совету остаться дома. Ну, вы же знаете, сир, каковы эти испанцы: от них постоянно разит чесноком, у них нет команд для своих кораблей, а их офицеры целыми днями молятся, перебирая четки. Вы себе не представляете, Ваше Императорское Величество, как тяжело мне приходится с этим народом. Уфф.

Как бы то ни было, к концу совета все сошлись во мнении, что выходить в море и искать встречи с англичанами нецелесообразно: погода не обещает ничего хорошего, так что лучше пока оставаться в Кадисе, вынуждая англичан к длительной блокаде, которая истощит их силы, хотя поблизости, в Гибралтаре, у них имеется важная база. Так Вильнев и проинформировал Париж. Однако на совете все шло далеко не так мирно и гладко, как можно было подумать, читая доклад. Французы (невзирая на то, что им самим хватало проблем с кораблями и командами после недавней революции и разгрома при Абукире) начали разговор в весьма развязном тоне, оляля, приняв реалистическую осторожность испанцев за банальную трусость. Испанский адмирал Гранина сперва молчал, предоставив генерал-майору Эсканьо обрисовать ситуацию: на кораблях не хватает людей, оружия недостаточно, «Санта-Ана», «Сан-Хусто» и «Райо» (дедушка эскадры, построенный в Гаване и отслуживший уже пятьдесят шесть лет) только что вернулись из ремонта, так что на них нет буквально ничего, матросы неопытны в маневрировании и стрельбе, а некоторые команды вот уже восемь лет не выходили в море. Даже вам, сказал он французам, пришлось укомплектовывать команды солдатами-пехотинцами, которые одеты кое-как, через одного больны, а главное – никогда в жизни не ступали на корабельную палубу. Англичане же беспрерывно в море с 1793 года – совсем чуть-чуть, – у них опыт и закалка. А кроме того, добавил Эсканьо, барометр падает, надвигается непогода. Тут Магон, адмирал лягушатников (отчаянный бретер), вставил свою реплику.

– Падает здесь только уровень храбрости. И сделал такое лицо, будто попыхивает сигарой. Тогда Дионисио Алькала Гальяно, капитан «Багамы», человек обычно сдержанный и крайне учтивый (с впечатляющей биографией: картограф, ученый, исследователь и великолепный моряк), стукнул кулаком по столу и пригласил француза выйти вместе, чтобы тот повторил свои слова со шпагой в руке, и они выяснили бы, что именно падает: храбрость испанцев или уровень доходов матери господина адмирала Магона, оказывающей услуги в китайском квартале Марселя.

– Вы компри или не компри^[82]?

– Ном-де-дье!.. Кескильдит-сетэпаньоль^[83]?

– Я сказал, что ваша достопочтенная матушка оказывает услуги за деньги.

– Ме-вуайон!.. Сет-эноди-ни-жамэ-экри^[84]!

– Извини, парень, но я не знаю по-каталонски. Ду-ю-спикин-спаниш^[85]?

В конце концов удалось кое-как уговорить обоих, но потом Вильнев опять взялся за свое: мол, ладно, если испанцы не желают выходить в море, значит, выходить не будем. Pas de probleme, mes amis. D'accord^[86].

Тогда воспитаннейший и дипломатичнейший адмирал Гравина, у которого тоже начала закипать кровь, счел необходимым уточнить: испанцы готовы выйти, если им прикажут (причем сказал это на превосходном французском – он ведь мастер на такие дела). И напомнил господину адмиралу Вильневу: вместо того, чтобы пудрить мозги (mareer la perdrix), ему лучше бы не забывать, что всякий раз, когда приходилось действовать смешанной (combines) эскадрой, испанцы вступали в бой первыми и принимали на себя главный удар (dancer avec la plus espantose), как у мыса Фини-стерре, и я говорю это не для того, чтобы напомнить (pour signaler), как ваши французские корабли, такие отважные, не пришли на подмогу «Фирме» и «Сан-Рафаэлю», а сидели и чесали себе яйца (se touchant les oeufs), когда после того, как наши люди бились, словно львы (это сказал ваш собственный император), англичане на буксире уволокли оба судна с собой. Неспа?.. А после этого, видя, как французы насмешливо переглядываются, точно говоря: они еще будут учить нас жить, Гравина забыл и о дипломатии, и о наставлениях Годоя, и о своих танцах с королевой, встал и сказал: ладно, коллеги. Поговорили.

– Немедленно в море. Всем. А кто выйдет последним, тот трус.

Остальные испанцы тоже поднялись вместе с ним и сказали: черт побери, всем немедленно в море, и будь что будет. После этого Вильнев сбавил ход и сказал: пардон, мсье, ну зачем же так горячиться, ведь речь не идет о том, чтобы выйти в море кое-как. Вуайон, ме камерад. Серенитэ, эгалитэ, фратернитэ^[87]. Давайте проголосуем. И, разумеется, они проголосовали. Магон голосовал за то, чтобы сниматься с якоря. Остальные – испанцы, Вильнев и его французские тигры, гроза морей, ужас англичан – за то, чтобы в море пока не выходить. Тем все и кончилось. А несколько дней спустя Вильнев узнал, что Наполеон, который был уже по горло сыт им, посылает в Кадис адмирала Розили, чтобы тот сменил его, Вильнева, на посту и передал ему приказ вернуться в Париж, где газеты уже склоняют его по всем падежам. То есть: пусть этот чокнутый кончает путаться под ногами там и быстренько скачет сюда, хоть задницу сотрет в кровь, потому что мне на днях нужно будет отлучиться, чтобы задать небольшую трепку австриякам, выиграть сражение при Аустерлице или как его там, войти в Вену и все такое, но прежде я хочу намылить холку ему. Вот так. И тогда Вильнев запаниковал, ясное дело, потому что иметь дело с парижским недомерком в минуту его гнева куда хуже, чем долго общаться с Нельсоном. И решил, что, в конце концов, лучше уж – была не была – выйти в море, даже без надежды на успех, чем оказаться у стенки или на коленях перед изобретением доктора Гильотена. Решено – сделано. Он вызвал к себе Гранину, а тому (после всего сказанного отступить он уже не мог, а кроме того, этот сукин сын Годой ежедневно долбил его письмами, напоминая, что он должен глотать все, что придется, и неукоснительно выполнять все распоряжения лягушатника, чтобы тот, не дай бог, не осерчал) не оставалось ничего другого, кроме как пожать плечами и сказать: ладно, о'кей. Снимаемся с якоря, а там будь что будет. Как сказал генерал-майор Эсканьо, когда испанские капитаны прощались: да будет сделано все то, что можно сделать, дети мои. По крайней мере, так мы спасем свою честь. И вот они все здесь, неподалеку от мыса Трафальгар, по уши в дерьме, спасают свою честь, потому что больше спасать нечего, и тащат вместе с собой в эту безмерную дурь тысячи несчастных, которым никакого дела не было до всей этой чести, самоотверженности, жертвенности и прочей чепухи, оканчивающейся на –ть.

– Теперь и там тоже началось, командир, – указывает рукой Орокьета.

Карлос де ла Роча вновь направляет подозрную трубу на центр эскадры, теперь весь охваченный пушечной пальбой. Трехпалубник под белым штандартом – теперь уже ясно, что это «Виктори» с Нельсоном на борту, – действительно сделал попытку прорвать линию баталии

союзников, вклинившись в брешь за кормой «Бюсантора», но ближайший корабль, французский «Редутабль» (этот маленький отважный капитан Люка, любимец всей эскадры), пришел на помощь адмиралу – он спешил так, что чуть не въехал своим бушпритом в ахтердек флагмана Вильнева – и перекрыл путь англичанину. А того инерция его быстрого хода привела борт о борт с «Редутаблем», и теперь оба корабля лупят друг по другу что есть сил. Англичанин уже потерял бизань-мачту, сейчас рушится фор-стенгга, а тем временем по вантам его противника матросы лезут на марсы, чтобы оттуда маневрировать парусами и осыпать палубу британца градом мушкетных пуль, гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Мгновения тишины среди пушечных выстрелов заполняет треск ружей и пистолетов. Вцепившись друг в друга абордажными крючьями, оба корабля, выпав из линии, дрейфуют под завихрениями дыма, выбивая друг из друга целые тучи обломков.

– Молодчина все-таки этот Люка.

Капитан де ла Роча согласен. Сцепившись с огромным британцем, третья палуба которого в два раза выше его самого, «Редутабль» бьется с неимоверной отвагой – семьдесят четыре пушки против ста. И не только это: с «Антильи» видно, как люди с «Виктори», карабкаясь кто по снастям и реям упавших парусов, кто по грот-мачте, кто по якорям, спрыгивают на палубу «Редутабля» и как их раз за разом отбрасывают. Грот-брам-стенгга англичанина рушится вместе с хаосом спутавшихся снастей и разодранных парусов. Нельсон получает то, на что не рассчитывал. И по крайней мере легко ему не будет, кто бы ни победил в этой схватке. Как не было ему легко ни в девяносто седьмом, близ Кадиса, в Ла-Калете, где ему пришлось отступить перед огнем испанских батарей, ни тогда, когда несколько дней спустя, при попытке взять Тенерифе, он, помимо двухсот двадцати шести человек убитыми и ста двадцати трех ранеными, потерял еще и правую руку. Он гений морских битв – несомненно. Он часто побеждает – пожалуй. Но то, что он непобедим, – да ни черта подобного.

– Это не может продолжаться вечно.

И действительно, очень скоро все меняется. Еще один английский трехпалубник проскользнул через брешь в линии и спешит на выручку своему адмиралу: он обходит «Виктори» и «Редутабль», которые по-прежнему дрейфуют вместе, становится борт о борт справа от француза и тоже начинает расстреливать его в упор. А вскоре к нему присоединяется и третий семидесятичетырехпушечный британец: пройдя сквозь брешь, пристраивается к противнику со стороны кормы и тоже начинает крушить его. Грот-мачта «Редутабля» срезана, она валится на трехпалубник справа, а его брам-стенгги, в свою очередь, – на палубу француза. Сцепившись в смертельном объятии, перепутавшись обломками мачт, сорванными снастями и клочьями рваных парусов, «Виктори», «Редутабль» и трехпалубник медленно дрейфуют среди языков пламени и вспышек выстрелов, и бой на них не прекращается ни на секунду.

Де ла Роче видно, как новые английские суда проходят сквозь все расширяющуюся брешь и отсекают по одному корабли центра союзной эскадры. Наверное, то же самое происходит и в тылу, потому что вся линия от центра до самого конца – это сплошной дым, рушащиеся мачты и грохот боя. Бум-баа, бум-баа, бум-баа. Ясно, что там французы и испанцы отчаянно дерутся, и сражение превратилось во множество отдельных схваток и абордажей. Де ла Роча предполагает, что «Принсипе де Астуриас» с Грави-ной и Эсканьо на борту, верный стилю адмирала и его генерал-майора, бьется как должно, так же как и «Багама» вместе со своим отважным командиром Алькала Гальяно. Эти трое не боятся ни англичан, ни самого дьявола. В отдалении какой-то корабль – не разобрать, союзный или английский, – пылает факелом, и его черный дым поднимается над завесой белого дыма от оружейных выстрелов. Этот приговорен. Хоть бы уж не «Сан-Хуан Непомусено», думает де ла Роча, представляя себе, как его друг Косме Чур-рука – упрямый, умный, храбрец, каких мало, всегда бледный, небрежно одетый, в плохо напудренном парике – сражается на разбитой палубе своего корабля. Несмотря на весь драматизм этого образа, де ла Роча невольно улыбается про себя. Чуррука

из тех, кто никогда не сдается и дорого продает свою шкуру, человек с такими строгими понятиями о чести, что способен скорее погибнуть, чем отступить от них хоть на шаг. Сердце у него золотое (когда взбунтовались сорок морских пехотинцев, он упрямил короля отменить казнь, хотя смертный приговор уже был вынесен), однако в вопросах службы точен, как английский секстант. Как и сам де ла Роча, Чуррука не пьет, не курит, не играет. Они знают друг друга со времени великой осады Гибралтара (оба командовали плавучими батареями «Санта-Барбары»), и их дружба укрепилась во время второй научной экспедиции в Магелланов пролив на борту «Санта-Касильды» и «Санта-Эулалии» – экспедиции, в которой нынешний капитан «Сан-Хуана Непомусено» занимался исследованиями по астрономии и океанографии. Баск родом из Мотрико, автор ценных научных и военно-морских трактатов, пользующийся уважением французских и английских ученых, отмеченный в Париже вместе с Масарредо, когда испанская эскадра заходила в Брест (парижский недомерок – тогда еще Первый консул – вручил ему почетную саблю, сопроводив подарок цветистой речью), Чуррука едва не впал в немилость, отказавшись передать французам шесть испанских кораблей, среди которых был и «Конкистадор», его любимое детище. Да будь я в доску пьян, сказал он тогда, я не потерплю такого позора. Его отозвали в Испанию и чуть не отобрали дареную французскую саблю. Однако Годой, всегда ему симпатизировавший, по его личной просьбе передал в его командование «Сан-Хуан Непомусено». Как выразился сам Чуррука перед выходом из Кадиса, ему, по крайней мере, позволили самому скроить себе саван.

– Я собираюсь драться до конца, – сказал он де ла Роче, пожимая ему руку на прощание и глядя на него печальными голубыми глазами. – А если тебе скажут, что мой корабль захвачен, будь уверен, что меня на нем уже нет. То есть там будет только мой труп.

Де ла Роча оглядывает панораму битвы. Время от времени просветы в дыму позволяют ему рассмотреть «Санта-Ану», находящуюся чуть ближе остальных: потеряв мачты и реи, она-таки продолжает вести огонь всеми своими батареями. Ведь вот как бывает в жизни: испанский трехпалубник, только что вышедший из ремонта (то есть кое-как покрашенный), с командой, лишь на малую долю состоящей из профессионалов, являет чудеса храбрости, противостоя натиску английского авангарда. За ним, ближе к центру, четверо британцев окружили два главных союзных корабля – «Сантисима Тринидад» и «Бюсантор», флагман адмирала Вильнева – и бьют по ним в упор, однако те вроде бы пока еще держатся. У громадины «Тринидад», с гордостью отмечает де ла Роча, до сих пор целы все мачты – сбит лишь фок-марса-рей, – и он сражается весьма достойно, отвечая всей мощностью своих четырех палуб двум врагам, находящимся на расстоянии пистолетного выстрела. Четыре союзных корабля («Сан-Хусто», французский «Нептюн», «Сан-Агустин» и «Сан-Леандро») сильно отнесло, и они почти не принимают участия в сражении, зато в открытые ими бреши уже вломились главные силы британской эскадры. А между тем «Эро», французский корабль, который находился во главе центральной группировки и должен был прикрывать «Тринидад» и «Бюсантор», преспокойно продолжает идти курсом норд, следом за авангардом, все больше удаляясь и оставив уже далеко за кормой корабля своего подразделения.

Это уже напрямую касается капитана де ла Рочу. Авангард, второе место в котором занимает его «Антилья», в бой пока еще не вступал.

– Сигнал с флагмана, с «Бюсантора», сеньор капитан... Один флаг. Номер пять... *Тем, кто в силу своего нынешнего расположения не принимает участия в бою, расположиться так, чтобы вступить в него как можно скорее.*

Карлос де ла Роча кивает. Как профессионал своего дела, в глубине души он испытывает облегчение. Не имеющее, кстати, ничего общего с его желаниями. Мало радости вступать в бой с такой командой и таким кораблем, однако он признает, что уже давно пора. Союзный авангард чересчур долго канителится, как будто битва, полыхающая ниже по линии, не имеет к нему никакого отношения. И, похоже, Вильнев, недовольный поведением группировки,

возглавляемой его соотечественником контрадмиралом Дюмануаром, решил внести ясность. Сигнал дан для всех, и каждый должен драться как может, не ожидая новых инструкций.

– Приготовиться к повороту, Орокьета.

– Слушаюсь. Но с таким хилым ветерком нам придется трудновато.

Де ла Роча смотрит на море, на обвисшие вымпела и мысленно прикидывает. Поворот оверштаг, даже при таком слабом бризе, позволит кораблям авангарда прийти на выручку центру, почти не потеряв ветра. Если же сделать бакштаг, их снесет так далеко, что они вряд ли сумеют принять участие в бою. Поэтому капитан решает, что в приказе подразумевается оверштаг.

– Подождем подтверждения с «Формидабля».

Де ла Роча смотрит туда, где за кормой, тремя кораблями дальше, находится на своем флагмане адмирал Дюмануар; однако тот невозмутимо продолжает идти прежним курсом, и на его реях не видно ни сигнала «понял», ни какого-либо другого. Командир «Антильи» с тревогой думает: чего ждет этот лягушатник, почему не выполняет приказ своего главнокомандующего – развернуться на сто восемьдесят градусов и ринуться на выручку своим. Нерешительность либо трусость. Третьего тут не дано. Здесь нет врагов, с которыми было бы можно сразиться, если не считать одинокого семидесятичетырехпушечного британца, который, оторвавшись от своих, торопится назад, чтобы присоединиться к атаке товарищей, и находится на траверзе «Нептуна» на расстоянии орудийного выстрела.

– Что будем делать, мой капитан? – спрашивает Орокьета.

– То, что я сказал: ждать приказа.

Кто командует, тот командует, говорит себе де ла Роча. Он моряк дисциплинированный, приверженный уставам и весьма уважающий иерархический порядок. А как же еще. В испанском военно-морском флоте продвинуться по служебной лестнице можно только так – получая звания по очередности и на все отвечая «слушаюсь». На самом деле он убежден, что обязанность и его, и всего авангарда – сменить галс и двинуться напрямик на врага, но командует здесь адмирал Дюмануар, и он держит курс норд; а с другой стороны, Кайетано Вальдес – он носит звание бригадира и прослужил дольше де ла Рочи – послушно идет на своем «Нептуно» во главе колонны и даже не пытается возражать. С этой стороны де ла Роча прикрыт: в военном деле иметь начальника, берущего всю ответственность на себя, – это три четверти успеха. Или даже больше. Поэтому «Антилье» остается лишь делать то, что ей приказывают. Без дисциплины все пошло бы в тартарары. Впрочем, зачастую оно идет туда же и с дисциплиной.

– Разве мы не будем поворачивать, сеньор капитан?

Де ла Роча, нахмурившись, оглаadyвается на гардемарина Ортиса, который, со своим сводом сигналов в руках, воззрился на него широко раскрытыми глазами.

– Замолчите.

Юноша краснеет до корней волос, открывает было рот, но тут же закрывает снова.

– И вот еще что, – сухо прибавляет де ла Роча. – Когда все это закончится, считайте себя арестованным. Конечно, если останетесь живы.

Понятно?

– Так... – Гардемарин сглатывает. – Так точно, сеньор капитан.

Избегая глаз капитан-лейтенанта Орокьеты, пристально воззrivшегося на него, де ла Роча быстро огладывает остальных людей на ахтердеке: старшего штурмана Линареса, старшего одной из бригад, десятерых комендоров, приставленных к карронадам, и лейтенанта морской пехоты, командующего двадцатью гренадерами, которые столпились у подножия трапа, на шканцах. На их лицах написаны разные чувства: у меньшинства – облегчение, у некоторых – равнодушие, у большинства – тревога. Совершенно ясно, что, рвутся они в бой

или нет, большинство считает, что «Антилья» и вообще весь авангард обретаются не там, где следовало бы, и они смотрят на своего командира, силясь понять, почему корабли продолжают удаляться от места схватки. Девять кораблей, которые не сражаются и, возможно, сумели бы изменить ход событий там, в центре линии: «Нептуно», «Антилья», «Сипион», «Энтрепид», «Форми-дабль», «Дюгей-Труэн», «Монблан», «Сан-Франсиско де Асис» и «Райо» (последний снесло заметно в сторону от линии). В общей сложности даже десять, если считать «Эро» – он из центральной группировки, однако следует за ними, как собачка за хозяйкиной юбкой. Нехорошее получается дело. Де ла Роча не может забыть общего приказа, отданного адмиралом Вильневым перед выходом из Кадиса: *корабль, находящийся вне боя, будет считаться покинувшим свой боевой пост*. К тому же еще со времен трибуналов, которых много было после того неудачного сражения у мыса Сан-Висенте в 1797 году (пятнадцать английских кораблей захватили четыре испанских из эскадры адмирала Кордовы; их было двадцать четыре, но сражалось только семь, в то время как остальные держали строй, не вступая в боевые действия), всем известно, что сигнал номер пять – один флаг, поднятый на мачте флагмана, – не Допускает ни обсуждения, ни толкований. Каждый обязан немедленно вступить в бой. А кроме того, действующий морской устав (сочиненный, чтобы избежать повторения Сан-Висентской катастрофы) прямо побуждает корабли прорванной линии развернуться и подойти к месту прорыва, чтобы, в свою очередь, окружить нападающих и иметь возможность помогать друг другу без всяких сигналов. То есть, если уложить это в три слова, – инициатива, взаимопомощь и максимальная выдержка. Все прямо противоположно тому, что они делают сегодня. – «Формидабль» отвечает. Де ла Роча оборачивается к корме. В это мгновение в ответ на вопросительный сигнал, поднятый Ортисом на фале до уровня верхнего рея бизань-мачты, на мачтах флагмана адмирала Дюмануара, идущего следом через три корабля, появляются флаги – номер «Антильи» и ответ: *Держитесь в кильватере головного судна*.

– ё...! – вырывается у Орокьеты, но он вовремя закрывает рот.

– Он как будто не видел сигнала с «Бюсан-тора», – растерянно произносит юный Ортис.

– Да как же он мог не увидеть... Командир «Антильи» сглатывает слюну. Ему вдруг становится невыносимо жарко в кафтане, и он боится, что это заметят. С наветренной стороны одинокий англичанин по-прежнему движется курсом на зюйд. Он уже почти на траверзе «Антильи», и когда Орокьета спрашивает, не вмазать ли ему, как это сделал «Нептуно», де ла Роча качает головой. Он на пределе досягаемости, да и нет смысла.

– Запишите все подробно, Ортис. Полученные сигналы и точное время их поступления.

Орокьета бросает на командира одобрительный взгляд. Он не говорит ничего, но де ла Роча знает, о чем думает его капитан-лейтенант: вот это правильно, лучше прикрыть свою задницу перед военными судьями. Потому что, когда все это кончится, наверняка будет назначен не один трибунал.

– Вон он, этот англичанин.

Наблюдая за одиночкой, который на всех парусах идет вдоль эскадры противника, торопясь вступить в бой, капитан восхищен. Или завидует. Он представляет себе, как английский капитан, которого рассвет застал вдали от своих, делает все возможное, чтобы поскорее присоединиться к товарищам, стыдясь того, что вступит в бой с опозданием. И как жаль, с горечью думает де ла Роча, что нельзя порою ненадолго становиться англичанином. Эти мерзавцы, каждый из них, вступают в бой, думая прежде всего о том, как уничтожить врага, а испанец и француз делают это из страха нарушить устав, из боязни адмиральского гнева, заранее придумывая, чем и как потом оправдаться перед трибуналом. Но что тут поделаешь. В конце концов, хотя устав и велит вступать в бой и так далее, он также и запрещает командирам действовать по своему разумению, предоставляя решать за них начальникам подразделений, состоящих из трех-четырех кораблей. В данном случае – Дюмануару. Так что, с одной стороны, де ла Роча успокаивается: он действует по уставу. А с

другой, думая о друзьях, сражающихся там, позади, он чувствует, что внутри все так и закипает. Будь проклята моя кровь. Испания, несуразная, хаотичная. Потом он отгоняет эти мысли (ни к чему хорошему они не приведут, если ты командир семидесятичетырехпушечного корабля), подходит к фальшборту шканцев и сквозь чащу реев и снастей, над палубой, с которой десятки людей, ожидающих его решения, смотрят на него так, как смотрели бы на господ бога (если бы они знали, думает он, внутренне содрогаясь), направляет подзорную трубу на двухъярусные кормовые галереи «Нептуно», идущего впереди со своими ялами и шлюпками на буксире, в сотне саженей от бушприта «Антильи». Над гакабортом он различает худую фигуру Кайетано Вальдеса, окруженного офицерами. Вальдес тоже смотрит в подзорную трубу – назад, туда, где «Антилья», где «Форми-дабль», или туда, где идет бой. Ему, прослужившему дольше всех и носящему самое высокое звание среди всех испанских капитанов передовой группировки, адмирал Гравина тоже рекомендовал быть послушным и скрупулезно точным, выполняя приказы французов: Кайетано, пожалуйста, крайняя деликатность, а больше я тебе ничего не скажу. Cariscí^[88]?.. Так что де ла Роche, которому неуютно в этой борьбе между чувствами и дисциплиной, в глубине души немного полегчало: его тылы защищены. Решения принимает Вальдес. С сигналом номер пять или без него, «Антилья» следует за «Нептуно». Приказ есть приказ, черт его побери.

7. Сигнал номер пять

Бум, бум, бум. Хотя вокруг творится ад кромешный, адмирал Вильнев по-прежнему болтлив. С бака «Антильи» гардемарин Хинес Фалько в подзорную трубу видит, как на фок-мачту и бизань-мачту «Бюсантора» поднимаются новые сигналы. Грот-мачты уже нет, а сам флагман, весь в дыму, сражается в центре линии рядом с «Сантисима Тринидад» и «Редутаблем» в окружении врагов, числом вдвое превосходящих их. «Сан-Агустину» удалось поймать ветер, он приблизился и уже некоторое время весьма достойно бьется с английским трехпалубником, который при этом успевает вести огонь по «Тринидад». Испанский «Сан-Леандро» и французский «Нептун» отнесло течением, и они, не слишком рискуя, ведут огонь оттуда. А вот кто и вправду не рискует ничем, так это «Сан-Хусто», который снесло так далеко, что он почти не участвует в бою, сохранив и все мачты, и свой черный с двумя узкими полосами корпус.

– Сигнал для нас, сеньор старший помощник. Для авангарда.

Этот сигнал с флагмана понять тоже нетрудно. Он состоит из двух флагов и настолько ясен, что старший помощник, капитан второго ранга Фатас, который смотрит в другую подзорную трубу, сам понимает его без всякого свода сигналов.

– *Поворот оверштаг, изменение курса.* Это распоряжение, отмечает юный гардемарин, подкрепляет сигнал номер пять, который флагман не спускает, хотя вражеские ядра уже начали сносить у него снасти и реи оставшихся двух мачт: *Тем, кто в силу своего нынешнего расположения не принимает участия в бою, расположиться так, чтобы вступить в него как можно скорее.*

– Яснее некуда, разрази меня гром, – тихо произносит дон Хасинто Фатас.

На самом деле эти слова вылетают у него как плевок.

Хинес Фалько впивается глазами в обветренное лицо старпома, а тот, пожав плечами, с треском складывает подзорную трубу, и его губы складываются в горькую улыбку.

– Нас называли трусами, парень.

У шестнадцатилетнего гардемарина слова застряли в горле:

– Простите, сеньор старший помощник?..

– Да, именно так. Трусами. И содомитами. И тебя, и меня, и всех остальных.

Через плечо Фалько краем глаза видит пехотного офицера – командира стрелков, присланных на бак, худенького лейтенанта в форме каталонских добровольцев: его всю ночь

выворачивало наизнанку, а сейчас шатает так, что он держится за ванты, и лицо у него блее форменного кафтана.

– Этого не может быть, сеньор старший помощник, – тихо-тихо, чтобы не услышал лейтенант, шепчет Фалько.

– Да уж поверь мне.

Юноша недоуменно смотрит на корму, туда, где находится командир де ла Роча, смотрит, не понимая, почему тот сам не отдает приказа: с нас хватит, господа, черт побери все и вся, «Антилья» разворачивается и идет на помощь товарищам. Наверняка. Думает он, тот же самый вопрос задают себе и все, кто сейчас с палубы или марсов молча наблюдают за боем, потрясенные грохотом канонады, вспышками огня и клубами дыма, от которых они удаляются. Порою до гардемарина долетают слова тех, кто поближе, – матросов, комендоров и солдат, сгрудившихся возле восьмифунтовых пушек.

– Что делается, что делается, а, парень?

– Уж лучше там, чем тут.

– Да, верно.

– Ох, как палят...

Но если многие из них вздохнули с облегчением оттого, что им выпала роль свидетелей, то этого никак не скажешь о Хинесе Фалько. Время, проведенное в море, еще не выбило из него дисциплины, чувства долга и сознания своих обязанностей будущего офицера военно-морского флота, он еще любит родину, жаждет славы и всей этой мишуры. Поэтому сейчас он растерян, а душа так и горит от стыда. Что вполне нормально в данной ситуации. И потом, он уверен, что подобные же чувства обуревают не его одного. Лейтенант-каталонец – ворот кафтана расстегнут, волосы растрепаны, глаза остекленели, – похоже, не понимает, что происходит, однако лицо второго боцмана Фьерро, его пальцы, теребящие латунную дудку, висящую на одной из петель коричневого кафтана, его исполненные уважения, но многозначительные взгляды – то на сражение за кормой, то на дону Хасинто Фатаса – просто поют «Травиату» (некто из ряда вон выходящее, потому что «Травиату» напишут еще не скоро). Короче, второй боцман отлично понял, что к чему, как понял и то, в какой незавидной роли оказался авангард, то есть все они. И его корабль, и он сам, и остальные – от первого до последнего. А Фалько, снова повернувшись лицом к баку, смотрит вперед, где в кабельтове от бушприта «Антильи» «Нептуно» с ветром в марселях и брамселях невозмутимо продолжает путь, и видит, что офицеры, столпившиеся у гакаборта вокруг своего командира, бригадира дону Кайетано Вальдеса, тоже смотрят назад и, судя по выражению лиц, матерятся про себя. И причина у них для этого вполне веская. Когда старший помощник Фатас, глядя на них, беспомощно разводит руками, в ответ один из офицеров «Нептуно» делает то же самое. Ничего не попишешь, коллега. Там, где есть начальство, и так далее. Я человек маленький.

– Сигналы с «Формидабля», дон Хасинто.

Второй боцман Фьерро указывает на флаги, которые поднимаются на флагмане адмирала Дюмануара и, расправившись, полощутся на ветру. Капитан второго ранга Фатас поворачивается, торопливо идет к лафету третьей пушки бак-борта и, взобравшись на нее, припадает правым глазом к подозрительной трубе. Орудийная прислуга почтительно отходит в сторону, чтобы не мешать. Гардемарин Фалько тут же, рядом с начальником.

– По-моему, он репетует сигналы «Бюсантора».

– Да, – подтверждает юноша. – *Всемуавангарду. Поворот оверштаг.*

– Чтоб его... Давно пора.

Хинес Фалько чувствует, как затылок у него ошетиливается. Ну вот, думает он. Наконец-то. С кормы грохочут распоряжения, выкрикиваемые через рупор, и палуба заполняется людьми; их подгоняют крики, свистки и удары плеток боцманов и старших бригад. Лейтенант

каталонских добровольцев, будто очнувшись от сна, торопливо застегивает ворот кафтана и передает двадцать своих солдат в распоряжение боцмана, чтобы поставил их на брасы или куда понадобится. Давай, тяни. Раз-два, раз-два. Матросы лезут на реи фок-мачты, ветераны подталкивают сухопутных салаг – давай, разрази тебя гром, живее, поворачивайся, – чьи босые ноги дрожат и оступаются на смоленых выбленках У одного из новичков, с виду крестьянина, где-то защемило руку, он с трудом выдернул ее и теперь громко ругается, поминая и господ бога, и его мать, и прежде, чем гардемарин Фалько успевает сделать ему замечание и потребовать назвать свое имя (сквернословов наказывают согласно уставу: привязывают к пушке и всыпают от дюжины до двух десятков ударов палкой или плетью – это уж на усмотрение командира), второй боцман Фьерро, который считает, что при аврале не до лишних сложностей, трижды хлещет его плеткой по вопящему рту: раз, раз, раз, и несчастный, подавляя крик, прижимает к лицу ладони, а между пальцев у него струится кровь.

– Ветра мало, – говорит дон Хасинто Фа-тас, глядя на вымпел. – С оверштагом не справимся.

И это правда. Если парус прилип к мачте, плохо дело, говорят опытные моряки. Сколько ни брасопь реи, вест-норд-веста не хватает, чтобы три тысячи тонн дерева и железа пересекли линию ветра. Особенно если учесть, что «Антилья», хотя и вполне современная и маневренная (ее близнец «Сан-Ильдефонсо» тоже здесь, в составе союзной эскадры), несет на своей нижней батарее тридцатистифунтовые пушки, а не двадцатичетырехфунтовые, как было предусмотрено. Плюс еще волнение на море. А в итоге – скорость не больше двух узлов. Хинес Фалько хорошо представляет себе, в чем проблема: если вместо того, чтобы при повороте перейти линию ветра носом, корабль сделает это кормой, то описанный при этом круг окажется таким большим, что корабль отнесет слишком далеко от места боя. Чтобы подойти с наветренной стороны и выбрать себе место, пожалуй, понадобится содействие шлюпок, идущих сейчас на буксире; поэтому Фатас отправляет своего гардемарина на корму – помогать. Слушаюсь, сеньор старший помощник, отвечает парень. Пробираясь среди матросов и солдат, снующих туда-сюда по шкафуту бакбор-та, он видит, что некоторые корабли авангарда уже приступили к повороту и приходится им несладко: их болтает качка, а паруса едва-едва ловят бриз. Головное судно, «Нептуно», очень медленно, вовсю орудуя марселями и брамселем, переходит в бейдевинд, а некоторые из французских кораблей, в том числе «Сипион», помогают себе шлюпками, и сидящие в них матросы изо всех сил гребут, *allez, allez, allez*^[89], чтобы привести его нос круче к ветру.

– К вашим услугам, сеньор командир... Дон Хасинто прислал меня в ваше распоряжение на случай, если понадобится помочь со шлюпками.

– Не думаю, что понадобится. Но все равно, оставайтесь здесь – так, на всякий случай.

Фалько оглядывает людей на ахтердеке. Командир – он приказал поднять все паруса и идти по ветру, чтобы набрать лишний узел, – уперевшись руками в перила ограждения ахтердека, наблюдает за маневром вместе с капитан-лейтенантом доном Хавьером Орокьетой и лейтенантом доном Антонио Галерой, командиром морских пехотинцев. Двадцать его отборных гренадеров выстроились у подножия трапа, ведущего со шканцев на ахтердек. По распоряжению Галеры сегодня вместо коричневой боевой формы эти двадцать, как и он сам, облачились в сухопутную: шляпы с кокардами, короткие синие кафтаны с красными отворотами и латунным якорем на воротнике, белые штаны, черные сапоги. Они выглядят безупречно и готовы подняться на ахтердек, как только начнется бой. Гардемарин Косме Ортис на своем боевом посту, возле ящиков с сигнальными флагами. Шкипер Роке Альгуасас – руки в карманах кафтана с золочеными пуговицами – стоит чуть в стороне, рядом со старшим штурманом, мичманом Бартоломе Линаресом, который через переговорное устройство выкрикивает распоряжения своему помощнику и рулевым, находящимся в рубке под ахтердеком, рядом с нактоузом и штурвалом. А десять комендоров, приставленных к карронадам, уже зарядив оба орудия бакборта, сейчас готовят к стрельбе орудия правого. Ядра

и картузы со шрапнелью уже сложены возле пушек, кремни приготовлены, в бочонке с песком дымится запасной фитиль.

– Мы делаем меньше трех узлов, мой капитан, – информирует Орокьета. – Говоря сухопутному, полная задница.

– Ну что ж, придется обойтись этим. Гардемарин Фалько пристально наблюдает за доном Карлосом де ла Рочей. Вот в таких ситуациях и проявляются истинные качества моряка. Провалить оверштаг означает потерять ветер, свое место в строю и даже самую возможность принять участие в сражении. Поэтому капитан, стоя у правого трапа с ахтердека на шканцы, сам командует маневром: всем молчать, слушать меня, на штурвале – круче к ветру, шкоты травить, и так далее. Люди наверху, на пертах, и внизу, на палубе от носа до кормы, подгоняемые боцманами, работают что есть сил: брасуют реи, тянут булины, шкоты, и понемногу вся эта сложная машина приходит в действие. По мере того как нос «Антильи» приводится круче к ветру, фок-марсель оживает и под натяжением брасов с подветренной стороны забирает.

– Впереди все паруса полны, мой капитан.

– Еще румб к ветру.

– Крюйс-марсель полон.

– Ну, с богом.

Кое-кто из матросов крестится. Фалько смотрит на дона Карлоса де ла Рочу: руки у него по швам, но губы шевелятся, словно он молится. Любопытная штука, думает гардемарин. Только мы, испанцы, да еще итальянцы с португальцами, совершая поворот оверштаг, взываем к господу богу, как рыбаки, когда забрасывают сети. Мы словно перекладываем на него часть ответственности. Или всю.

– Еще к ветру.

С божьей помощью или без нее, нос «Антильи» понемногу разворачивается – капитан, чтобы облегчить маневр, скомандовал закрепить марсель и подтянуть кливера, – но очень уж медленно: до отчаяния медленно.

– Похоже, этой посудине вообще лень шевелиться.

– Я вижу, Орокьета. Закройте рот.

Нос «Антильи» рыскает туда-сюда, бесконечно ныряет и поднимается, теряет скорость; кажется, она вот-вот повернется вспять. Однако мало-помалу бушприт начинает двигаться влево, все круче и круче к ветру; грот-марсель полощется. На марсе бизань-мачты и внизу, у ее подножия, на ахтердеке, с полдюжины матросов, несколько человек из орудийной прислуги, один из старших бригад и первый боцман начеку, готовые взять на гитовы контр-бизань, если поворот не получится и командир прикажет развернуться на сто восемьдесят градусов. В голосе Орокьеты появляется воодушевление:

– Ветер в скулу... Штирборт, один румб, мой капитан.

– Еще чуть-чуть.

Хинес Фалько, как и все остальные, смотрит вверх. Грот-марсель еще нерешительно хлопает, но постепенно начинает набирать ветер. Старая добрая «Антилья» все-таки надумала развернуться.

– Ветер полный, три румба, мой капитан.

– Травить кливер-шкоты.

Гардемарин оглядывается на другие корабли. Несмотря на то что приказ был «поворот оверштаг, все вдруг», авангард выполняет его вразнобой. Как и «Антилья», оверштаг совершают «Формидабль» адмирала Дюмануара, французы «Монблан», «Сипион» и «Дюгей-Труэн» и испанец «Нептуно»; у французского «Энтрепида» это не получается, и он в конце

концов делает бакштаг, а потом старается захватить как можно больше ветра, чтобы держаться носом в том направлении, где кипит бой. Однако «Сан-Фран-сиско де Асис», трехпалубник «Райо», дряхлый, да еще перегруженный весом своих ста пушек, и французский «Эро» – либо у них не получился оверштаг, либо их командиры сочли, что развернуться бакштаг сподручнее, либо врач категорически запретил им попадать под ядра (это ведь страшно вредно для здоровья) – разворачиваются на пятачке и тихо-мирно уходят под ветер.

– Куда, мать их... куда это они?

– Занимайтесь своими делами, Орокьета.

– Да, мой капитан... Но ведь Макдоннелл и Флорес удирают.

– Это не наше дело. Присматривайте за маневром, будь он проклят.

– Слушаюсь. У нас ветер полный бакштаг.

– Подтянуть кливера и фок. Так держать. Пока «Антилья» совершает маневр (ровно двенадцать минут – вдвое больше, чем потребовалось бы тренированной команде), Хинес Фалько замечает, что приказ сделать поворот разделил авангард на две неравные части: носы семи кораблей более или менее нацелены на западную, наветренную сторону линии, что позволяет им направиться к месту боя, остальные же три норовят оказаться на восточной, самой безопасной стороне, вдалеке от центра сражения – да и, если что, до Кадиса оттуда рукой подать. Морская осторожность. Как и капитан-лейтенант Орокьета, Фалько никак не ожидал, что капитан первого ранга Флорес и уж особенно бригадир Макдоннелл, командиры «Сан-Франсиско де Асис» и «Райо», лягут на курс, уводящий их от места боя, а с ними и этот француз, «Эро» (несмотря на столь помпезное имя, с героизмом, похоже, дело плохо)^[90].

Да тут еще, будто нарочно, чтобы осложнить жизнь тем, кто в состоянии драться, французы «Энтрепид» и «Монблан» в самый разгар маневра сталкиваются бортами, снасти перепутываются, и контр-бизань первого рвется. При виде этого капитан-лейтенант Орокьета неодобрительно покачивает головой.

– А мы развернулись просто по-королевски, мой капитан.

– Да уж. Каким-то чудом.

– Да никаких чудес, дон Карлос. Опыт и сноровка... Не то что французы – им-то пришлось задействовать шлюпки. Вы просто гений морского дела.

– Отставить подхалимаж, Орокьета. Гардемарин Хинес Фалько осматривается.

«Формидабль», дав сигнал остальным кораблям авангарда идти за ним в кильватере, сейчас старается занять место во главе и берет один румб к зюйд-весту: этот курс приблизит их к месту главного боя (откуда непрерывающаяся канонада перекачивается вдоль линии от центра до конца) и к английской колонне под белым штандартом, последние корабли которой уже на подходе, но еще не успели открыть огонь. Но курс, выбранный Дюмануаром, слишком уж отклоняется в сторону. А идет контр-адмирал славно – на максимальной скорости, какую только позволяет по-прежнему слабый вест-норд-вест. Наблюдая за флагманом, капитан-лейтенант Орокьета замечает с ноткой раздражения в голосе:

– По-моему, наш вождь надумал смыться.

– Перестаньте.

– Клянусь детьми, которых у меня нет. Присмотритесь-ка.

Слыша этот обмен репликами, гардемарин Фалько пытается оценить ситуацию. Да, следуя курсом «Формидабля», авангардная эскадра может обойти сзади последние английские корабли, еще не достигшие места боя; однако даже гардемарину очевидно, что сейчас нужно делать не это, а дрейфовать, метя носом в центр, туда, где флагман и остальные союзные корабли хотя еще и сражаются отчаянно, как разъяренные коты, но уже буквально раздавлены численным и огневым превосходством британцев. Иными словами, несмотря на то, что последний приказ с «Бюсантора» (на котором как раз в этот момент с треском, кррррраааааа,

рушится бизань-мачта) гласил: всем не участвующим в бою немедленно вступить в него, – курс, указанный флагманом авангарда оставшимся при нем семи кораблям, не приближает, а как раз уводит их в сторону от огня. Или уведет совсем скоро после небольшой артиллерийской перестрелки с хвостом английской колонны, когда они поравняются.

– Что будем делать, командир? На этой раз дон Карлос де ла Роча не отвечает. Удивленный Хинес Фалько видит, как он нерешительно переводит взгляд на линию баталии, которая сейчас открылась им почти во всю длину. Раскаты пушечных залпов, сотрясающие воздух, вспышки пламени, сплошной дым, белый от оружейных выстрелов и черный от пожаров, а в нем – неподвижные корабли, пылающие или рвущиеся паруса, падающие мачты, борта, сцепленные абордажными крючьями. Бумм-баа, бумм-баа, бумм-баа, треск мушкетных выстрелов и ломающегося дерева. В центре «Бюсантор» и «Сантисима Тринидад», не спуская флагов, еще могучие, несмотря на то, что французский флагман потерял почти все мачты и реи, изрыгают огонь с обоих бортов, громя свору окруживших их британцев.

– «Энтрепид» не подчиняется!

Ничего себе, думает ошарашенный Хинес Фалько и, как все, высовывается посмотреть, вцепившись пальцами в планшир. Семидесяти-четырепушечный французский корабль (капитан первого ранга Энфернэ) на всех парусах – за исключением грота, фок-марселя и контр-бизани, разорванной при столкновении с «Монбланом» в клочья, которые никто и не думает подбирать, – проходит между кораблями идущего курсом зюйд-вест авангарда, явно направляясь зюйд. То есть покидает строй, плюя на то, что «Формидабль» сигналил ему как безумный. Впритирку пересекая кильватерную струю «Антильи», «Энтрепид» чуть не сносит бушпритом ее кормовой фонарь. А потом Фалько с инстинктивной гордостью моряка, видящего, как его собрат по знамени устремляется в бой, созерцает его целиком: корпус с двумя ярко-красными полосами на уровне батарей, наполненные ветром паруса, жерла пушек в открытых портах правого борта; на палубе матросы и стрелки заряжают оружие, на марсах люди изготовились к стрельбе. А на ахтердеке – фигура в синем кафтане и белых гетрах. Капитан невозмутимо стоит, расставив ноги пошире, чтобы гасить колыхания палубы; в ответ на салют де ла Рочи с гакаборта «Антильи» он не снимает своей обшитой галуном шляпы, а подносит руки ко рту на манер рупора и кричит: «Лю капо сю лю „Бюсантор“!»^[91] – в общем-то, ничего не понять, потому что у этого Энфернэ такой провансальский акцент, что порой его не понимают даже свои. Однако на самом-то деле все яснее ясного: направляюсь в центр боя, на помощь моему флагману. А вам морского ежа в задницу. Всем.

– Что это делает «Нептуно»? Хинес Фалько с трудом узнает всегда спокойное лицо дона Карлоса де ла Рочи в этом – искаженном, перекошенном. За все то время, что гардемарин служит под началом своего командира, он ни разу не видел его таким. Даже у мыса Финистерре. В душе у капитана «Антильи», в тяжелых ситуациях никогда не роптавшего, а внешне холодного, почти равнодушного, сейчас бурлит такая внутренняя борьба, что даже капитан-лейтенант Орокьета не осмеливается раскрыть рот или глянуть ему в лицо. Долг. Дисциплина. Приказы непосредственного начальника. Общие приказы. Здравый смысл. В конце концов, сам адмирал Гравина все время говорил французам: конечно, мсье, уи, мсье, само собой, мсье. Дон Федерико Гравина-и-Напо-ли. Между прочим, все они здесь как раз по этой причине: потому что дон Феде, всегда такой аккуратный и ухоженный, в эполетах и напудренном по старинной моде парике (интересно, как он выглядит сейчас, когда с конца линии, где он находится, доносится такая пальба, что слушать страшно), подставил задницу точно так же, как ее подставляет Годой, как ее подставляет Его Католическое Величество Карл IV, милостью бо-жией король Кастилии, Леона, Арагона, обеих Сицилии и так далее, точно так же, как ее подставляют все: не дай бог Наполеон обозлится и вторгнется к нам. Вторгнется к нам еще немножко. А теперь командиру приходится принимать свое собственное, очень трудное решение. Проглотить еще и это и выполнять приказы непосредственного начальника, французского контр-адмирала Дюмануара, или не подчиниться им – на свой страх и риск. Не

подчиниться и махнуть рукой на угрызения совести, потому что дон Карлос командует кораблем, несущим семьсот с лишним несчастных, три четверти которых – артиллеристы и матросы без всякой подготовки, пушечное мясо, насильно загнанное на борт, прямая ответственность за которое лежит не на Дюмануаре, не на Гравине, не на парижском недомерке, а на нем самом. Повести их в бой – все равно что отправить прямиком на мясной прилавок. Командовать кораблем значит не только отдавать приказы: лево руля, право руля, огонь туда, огонь сюда. Это еще означает принять на себя все, означает думать о будущих вдовах, сиротах и стариках-родителях в такой стране, как Испания, где, когда погибает моряк, разные чиновники и даже капитаны не вычеркивают его из списков, чтобы прибрать к рукам его жалование. В стране, где человек, искалеченный на войне, вынужден просить милостыню на улице, потому что получить заслуженную пенсию ему не светит как минимум до второго пришествия.

– На траверзе «Нептуно»!.. Он тоже не подчиняется!

К счастью для гардемарина Хинеса Фалько, ему еще не скоро быть командиром и глотать все это дерьмо. Его обязанности четко определены пунктом 8 параграфа 32 устава Королевского военно-морского флота: *«Я предписываю гардемарину всегда и всюду оказывать своим начальникам полное, слепое и безропотное повиновение»*. В такие дни, как сегодня, это помогает. Поэтому, отложив филантропические сомнения до той поры, когда у него в сундучке будет лежать патент капитана первого ранга, юноша бежит на штирборт, влезает на ядерную консоль и разглядывает «Нептуно». Испанец, находившийся во главе всей союзной эскадры, только что развернулся и вроде бы собирается тоже пристроиться в кильватер контр-адмиралу Дюмануару, но, похоже, его командир надумал что-то получше. После пары нерешительных маневров, глядя на которые, можно было подумать, что этот семидесятичетырехпушечный испанский корабль (не его команда, а он сам) живет собственной жизнью и его раздрают внутренние противоречия, «Нептуно» еще немного дрейфует носом зюйд, брасопа реи, чтобы захватить ветер. Подразделение еще не выстроилось, и довольно тесно сбившиеся в кучу корабли стараются не столкнуться друг с другом. «Антилья» сейчас в пистолетном выстреле от левого борта «Формидабля», чуть за его траверзом, и оттуда ее команде хорошо видно, как справа приближается «Нептуно», готовясь пройти под кормой обеих кораблей и вслед за «Энтрепидом» устремиться зюйд. И когда все, кто находится на ахтердеке «Антильи», включая командира, переходят к гакаборт, чтобы лучше видеть, они замечают, что на корме «Формидабля» Дюмануар и весь его французский главный штаб делают то же самое, и сам контр-адмирал подносит ко рту латунный рупор и спрашивает о чем-то бригадира дона Кайетано Вальдеса, который невозмутимо взирает на него с ахтердека своего корабля. Уэскевузалле, надрывая глотку, вопрошает лягушатник, пуркуа нобей-сепе^[92]. Короче, куда это ты, коллега? А Вальдес, худой, презрительно-спокойный, не обращая внимания на рупор, который протягивает ему гардемарин, коротко и сухо отвечает, полуобернувшись:

– В огонь!

Через несколько мгновений правый борт «Нептуно» проходит впритирку к корме «Антильи». Хинес Фалько слышит зловещий стук барабана, бьющего на шканцах, видит (так близко, что, кажется, может коснуться их протянутой рукой) матросов и солдат на палубе и марсах идущего в бой корабля, безмолвные лица в квадратах тридцати семи открытых портов, и в каждом чернеет жерло пушки и вьется дымок от тлеющего фитиля. Кое-кто поднимает руку или кивает в знак приветствия, однако большинство стоит тихо, словно проходя перед чужими. Двое-трое (по виду опытные, закаленные моряки), в общем-то, не слишком стараясь, чтобы этого никто не заметил, плюют в сторону «Антильи». Никто не кричит. Никто даже не разговаривает. Слышны только плеск воды между корпусами да поскрипывание рангоута и снастей. Даже капитан Вальдес, который очень прямо стоит во весь рост на ахтердеке и сейчас смотрит на своего товарища, капитана де ла Рочу, не раскрывает рта. А потом с корабля, уже уходящего за траверз, будто по приказу командира, раздастся, прокатываясь от носа до кормы,

троекратное «Да здравствует король!» и одно «Да здравствует Испания!». Раздается как вызов. Или как оскорбление, адресованное тем, кто остается.

- Это они нам, – бормочет Орокьета.
- Замолчите.
- Я со всем уважением, командир...
- Сказал же: замолчите.

Хинес Фалько снова впился глазами в дона Карлоса де ла Рочу. Подобные случаи, думает он, также предусматривает для гардемарина все тот же устав: *«Служите ревностно, и да не прорастут в ваших сердцах семена собственного мнения»*. В принципе, это избавляет его от необходимости напрягать мозги. Но командир – совсем другое дело. Он с отсутствующим видом делает несколько шагов, обходит бизань-мачту и, остановившись, смотрит вниз, на палубу своего корабля, где толпятся в ожидании люди, уже не знающие, что думать, и на их лицах (на лицах многих) написано облегчение, потому что появилась надежда спастись. Потом он переводит взгляд вправо – туда, где «Дюгей-Труэн», «Монблан» и «Сигшон» начинают выстраиваться за «Формидаблем», который уже удаляется курсом зюйд-вест со все еще поднятым на голом рее номером испанского корабля.

– Приказ с «Формидабля», сеньор капитан, – подает голос гардемарин Ортис от своего сундука с сигнальными флагами. – *Следуйте замной*.

До Хинеса Фалько доходит, что дон Карлос де ла Роча так и не ответил. Он стоит, заложив руки за спину, и невидящим взглядом смотрит на юг, на паруса «Нептуно» и «Энтрепида». Идя в паре кабельтовых друг от друга, испанец и француз направляются прямо в центр сражения, туда, где в просветах среди сплошного дыма временами показывается «Редутабль»: ему наконец удалось разделить с «Виктори», но он дрейфует, плотно сцепившись с другим британским трехпалубником, а третий англичанин палит одним бортом по нему, а другим – по «Бюсантору». Флагман только что лишился фок-мачты – последней, что у него оставалась; его разрушенная палуба пуста и ровна, как понтон, и ему больше не на чем держать поднятым (после того, как обломился последний рей) уже бесполезный сигнал номер пять. Теперь «Сантисима Тринидад», яростно бьющийся с четырьмя англичанами, поднимает на фор-брам-рее сигнал, приказывающий всем кораблям, не участвующим в бою, подойти и вступить в него.

Капитан де ла Роча еще несколько секунд смотрит на сигнал – неподвижный, с отсутствующим лицом, и пораженный Фалько слышит, что командир тихо-тихо напевает про себя:

Налетели тучей мавры, Наш отряд разбит. Если больше злых, чем правых, Бог за злых стоит.

Капитан снимает шляпу, вертит ее в руках (Фалько замечает, что внутри тульи на ней пришит образок пресвятой девы Марии-дель-Кар-мен). Потом опять надевает ее, пожимает плечами и вздыхает. Орокьета, произносит он. И когда капитан-лейтенант приближается, дон Карлос де ла Роча задает ему вопрос – тоном, каким спрашивают, не желает ли человек пропустить рюмочку:

- У вас есть какие-либо предпочтения?
- Простите, мой капитан?
- Я хотел сказать: где вы предпочитаете, чтобы нас пустили на отбивные?

Он широким жестом обводит рукой всю панораму битвы. Его слова звучат так мягко, так безропотно, что юному Фалько, который слушает, не смея даже рта раскрыть, кажутся просто нереальными. Это не про нас, думает гардемарин. Командир шутит. Но потом он видит, как капитан-лейтенант Орокьета, скребя пальцем бакенбарду, выдавливает из себя улыбку. Мне все равно, дон Карлос, подумав немного, отвечает он и, оглядевшись по сторонам, добавляет шепотом: сейчас уже выбирать не приходится, верно? Командир кивает – медленно, словно

его мысли заняты чем-то другим, затем снова пожимает плечами, поднимает глаза на вымпел, чтобы определить направление ветра, поворачивается к старшему штурману Л инаресу – тот наготове рядом с переговорной трубой, по которой передают команды рулевым, – и твердо, спокойно, как будто они стоят на якоре где-нибудь в Маоне, приказывает: курс зюйд-ост, один румб к зюйду. Держать курс на «Тринидад», прибавляет он. И пусть господь бог сам узнает своих.

8. Первая батарея

Высунувшись из порта одиннадцатой по бакборту пушки первой батареи «Антильи», Николас Маррахо наблюдает за близким боем. В жизни, черт бы ее побрал, думает он со страхом, даже представить себе не мог ничего подобного. Даже здесь, в некотором отдалении, громохание орудий – воздушные волны от мощных залпов, которыми яростно громят друг друга испанцы с французами и англичане – сотрясает толстые доски корпуса корабля. Бриз временами свежеет, и в сплошном дыму, окутывающем сцепившиеся корабли, открываются просветы, сквозь которые видны пробитые во многих местах паруса, обезглавленные мачты, хаос спутанных снастей и ключев парусины на разбитых палубах, из которых ядра, кнители и картечь вырывают огромные куски, поднимая в воздух тучи обломков. Маррахо, человек сухопутный, о море знающий ровно столько, сколько может знать контрабандисту которому в поисках заработка приходится бывать в портах, потрясен. Конечно, ему рассказывали о морских битвах, однако он даже не представлял себе, что истории, услышанные в тавернах и на пристанях, имеют какое-то отношение к той грохочущей неразберихе, к которой медленно и неотвратно приближается – насколько он понимает – корабль, против его, Маррахо,, воли заключивший его в свои недра.

– Ну и вляпались мы, парень.

Рядом его закадычный приятель Куррийо Ортега – при виде этого зрелища его вдруг разом отпустила морская болезнь – выпученными от ужаса глазами смотрит туда же, куда и все остальные (широко распахнутые глаза, онемевшие рты, пепельно-бледные лица), кто толпится в полумраке вокруг четырнадцати тридцатишестифунтовых пушек, чьи черные силуэты зловеще вырисовываются в светлых квадратах портов. На своих больших, закрепленных таями, деревянных лафетах они кажутся огромными. Они готовы. Готовы к стрельбе.

– У меня аж во рту пересохло.

У Маррахо тоже, но он молчит. Комендор Пернас, отвечающий за орудие номер одиннадцать по бакборту и за его близнеца по штирборт (если придется вести огонь на оба борта, он поровну распределит между ними прислугу), подробно разъяснил каждому его задачи и в общих чертах рассказал, как пользоваться инструментом для зарядки, стрельбы и перезарядки пушек. В общем-то, сказал он, все зависит от того, насколько быстро мы споемся. Понятно? Эти английские собаки стреляют быстрее нашего, а потому мы должны кровь из носу не отставать. Смотрите. Вот эти круглые шуковины – ясное дело, ядра, они служат для того, чтобы дырявить этим злодеям корпус. Вот эти – ломтики с половинками ядер на концах – называются кнители, они для того, чтобы сносить этим сукиным детям снасти, мачты и реи. Вон в тех брезентовых мешочках – заряды картечи, шестнадцать двухфунтовых ядер: при выстреле они взрываются, разлетаются и крошат в фарш всех, кто попадется под горячую руку. Вам понятно? Теперь вот что: мы – самая нижняя батарея на корабле, поэтому картечь нам вряд ли сильно пригодится, а вот кнители – в самый раз. Сшибать им мачты, бушприт и все такое, думаю, будем издали. А когда окажемся рядом, надо будет бить тридцатишестифунтовыми ядрами по корпусу, по портам, чтобы вывести из строя их пушки, по рубке, чтобы разбить штурвал – тогда они потеряют управление – или прямо поверх ватерлинии, чтобы пустить их ко дну. Обычно мы ведем огонь, когда корабль приподнимет качкой с наветренной стороны – так целиться сподручнее, и попадаешь точнее; но лучше всего зайти с кормы (там нет никакой защиты) и вклепать как следует – у нас это называется «продольный залп». Он сносит все подчистую и на палубе, и в твиндеках.

– А нам они могут сделать такое?

Ясное дело, могут, ответил комендор, почесывая себе между ног. Но «Антилья», прибавил он, корабль крепкий, в Картахене строили (обшивка дубовая, а здесь, на уровне нашей батареи, она толщиной целых десять дюймов), и хотя у нас на борту много всякой шушеры – и вы в том числе, – офицеры знают свое дело как надо. Особенно наш капитан: он молчун и сухарь, это верно, но настоящий моряк от киля до клотика. Так что, будем надеяться, он поведет судно как надо и не позволит, чтобы кто-нибудь засадил нам в задницу, как сейчас тут говорил этот умник. Вам понятно?

– Да уж понятно, парень.

Затем Пернас повторил основное. Дело, в общем-то, нехитрое. Сперва загоняешь в ствол картуз с порохом, потом пыж, потом ядро, потом еще пыж, чтоб оно не выкатилось от качки, уплотняешь прибойником, и орудие готово к бою. Потом мы все вместе тянем вот за эти тали, чтобы подкатить его к порту и выставить наружу ствол так, как начальство прикажет – ведь может быть просто обычный выстрел, когда противник перед тобой, либо мы будем его преследовать, либо сами отбиваться, отступая, – тут нам пригодятся вот эти клинья. Потом мы крепим орудие, чтобы не поехало от качки и отдачи (не забудьте, пушка – это семь тысяч фунтов железа, не считая лафета), я протыкаю картуз, подсыпаю запального пороха, навожу, мы стреляем, раскрепляем орудие, откатываем назад, опять заряжаем, и все по новой. Бум, бум, бум. То, что у меня в руке, называется клоц, им мы драим канал ствола. Но еще важнее вот эта штука – банник; видите, эта палка, на конце обшита овчиной. Запомните накрепко: банник нужно как следует мочить вон в том ведре, потому что он нужен для того, чтобы охлаждать этот самый канал – ствол ведь разогревается от выстрела. А главное – если после предыдущего выстрела там что-то еще будет гореть, а мы сунем туда новый картуз, порох рванет нам прямо в лицо. Понятно? Тогда смотрите дальше и запоминайте. Я ввожу вот эту иглу – протрав-ник – через запальное отверстие, вот оно, сзади, и протыкаю им картуз с порохом; картуз – он полотняный или из вощенной бумаги. Потом мы производим выстрел: дергаем за этот тросик – это как спустить курок у пистолета, железо бьет по кремню, порох воспламеняется, и буммм. Вот так, более или менее. Плохо вот что: этот самый спуск такой дрянной, что ломается на пятом-шестом выстреле. Поэтому мне придется использовать пальник – вон он, в бадье с песком. Так что если какой-нибудь ненормальный споткнется о бадью и загасит фитиль, я припомню ему всех его умерших родных и мать в придачу. Да, кстати. Совет: когда мы будем стрелять, открывайте рот пошире, чтобы не лопнули барабанные перепонки. И еще совет: снимайте-ка рубашки, а не то разные осколки и обломки загонят ее клочки вам в мясо, потом все это воспалится, и вы помрете от собственной глупости. Да и потом, тут нам придется так попотеть, что некоторые из вас не смогут отлить целую неделю, а то и больше.

– Всем все понятно? Тогда за дело, мать-перемать.

Прислонившись к огромному жерлу пушки и силясь переварить все только что услышанное, Николас Маррахо (их с Курро пока что определили на подноску пороховых картузов) рассматривает корабли, сражающиеся поближе к «Антилье», которая медленно приближается к месту боя. Из порта много не увидишь: лишь квадрат волнующейся синей воды да завесу дыма, а над ней тут-там – разодранные паруса, мачты без реев и вспышки от орудийных выстрелов. Примерно в трех сотнях шагов (эх, если б можно было шагать по воде, думает Маррахо, чтобы рвануть отсюда куда подальше) корабль под испанским флагом яростно отстреливается правым бортом от наседающего британского трехпалубника. Кто-то из ветеранов говорит, что это вроде бы «Сан-Агустин», замыкавший авангард: он подошел, чтобы огнем своих семидесяти четырех пушек поддержать «Тринидад» (у этой громадины осталась только одна мачта), который вместе с «Бюсантором» отбивается от нескольких англичан, палящих по обоим кораблям чуть ли не в упор. В просвете среди дыма Маррахо видит, что «Бюсантор» – тот самый, где находится главнокомандующий, Вил-ленеф или Вильнев, черт

знает, как там звать этого распроклятого лягушатника, – потерял все свои мачты, как будто облысел, и только сине-бело-красные клочья флага еще трепыхаются на каком-то чудом уцелевшем обручке. Когда Маррахо и другие новички на рассвете, сбившись в кучу, дрожали от холода на палубе, им, среди прочего, сказали, что пока на корабле развевается флаг, считается, что он не сдался. Спустить его означает сдаться на милость противника, означает просьбу прекратить огонь, поэтому ни один командир не имеет права спускать флаг прежде, чем вступит в бой и постарается вести его достойно. А уж насколько достойно – об этом судят (возьмите на заметку) по числу своих потерь убитыми и ранеными и по тому, что осталось от корабля в результате этого боя.

– Но можно было бы судить по числу убитых врагов.

– Само собой. Только так не принято. Хотя вообще, по словам надсмотрщика Онофре (это он произнес разъяснительный спич), в Испании трибуналы обычно обходятся с теми, кто сдал свой корабль англичанам, довольно мягко. Например, если моряк поднял руку на офицера, ему без долгих разговоров ее просто отрубают, а за другие проступки тебя, разложив на пушке, порют плетьюми или шомполами, если ты солдат, или протаскивают под килем (а это такая штука, коллеги, что уж лучше болтаться на ноке); но если ты из начальства, тебе что угодно сойдет с рук. У всех у них есть связи, разная там родня, друзья-приятели. А кроме того, ведь в нашей Армаде все капитаны из господ, все знают и покрывают друг друга. Или почти все. А вот у англичан все наоборот: если что, изволь отвечать по всей строгости, а сдай офицер свой корабль или проиграй бой, ставят его к стенке, и вся недолга. Нам до них далеко. Они к морю относятся серьезно. Как-то раз шлепнули даже одного адмирала, который сунулся на Менорку или куда-то еще в том же роде. Звали его... не то Бинг, не то Бонг... Говорят, расстреляли сразу же после заседания трибунала. На палубе его собственного корабля.

– Мы что, тоже ввяжемся в это?.. – слабым голосом спрашивает Курро Ортега, указывая в сторону завесы дыма по ту сторону порта, вспыхивающей огнями от залпов.

Маррахо смотрит на друга, стараясь нарисовать на лице беспечную усмешку.

– Струхнул, что ли, приятель?

– Еще бы не струхнул. Да и ты ведь тоже.

– Я?.. Ну, вижу, ты совсем раскис.

– Да как хочешь назови, парень. Тут кисни – не кисни, а в такой заднице мы еще не бывали.

Маррахо отходит от порта, давая возможность другим тоже взглянуть, что делается снаружи, и пробирается в полумраке батарейной палубы, где, как в пещере, отдаются от стен возбужденные голоса людей, обсуждающих подробности боя, и распоряжения командиров: они готовят пушки к стрельбе или наставляют самых непонятливых из оружейной прислуги. Поравнявшись с заместителем командира батареи (молоденьким лейтенантом сухопутной артиллерии по фамилии Сандино), Маррахо слегка кивает ему. С начальством лучше ладить, думает он. Потом обходит большой люк, добирается до пяртнерса – отверстия, через которое проходит толстенный ствол грот-мачты (он как бы протыкает собой все палубы и упирается в шпор – специальное гнездо в киле), и вглядывается туда, где на своей части батареи, расположенной от миделя до носа, старший лейтенант Макуа – шляпа под мышкой, рука на эфесе сабли, а в другой зажат платок, которым он оттирает пот со лба – вместе с толстым сержантом морской пехоты проверяет, у всех ли люков расставлены часовые. Задача этих солдат, вооруженных мушкетами с примкнутым штыком, – не позволять людям покидать боевые посты, прятаться на нижней палубе и пытаться навестить пороховой погреб. А туда, как сказал комендор Пернас, рвутся многие. Многие из вас. При воспоминании об этих его словах на лице Маррахо появляется улыбка – кривая, похожая на оскал его хищных тезок^[93].

На этом лице еще горит пощечина, полученная в «Кайской курочке». Ну, погоди, сукин ты сын, старший лейтенант Макуа, будь проклята твоя песья кровь. Мне плевать, что мы все

тут вляпались в дерьмо, ну, или вот-вот вляпаемся. Мне должно очень уж крупно не повезти, чтобы среди всей этой заварушки не представился случай уплатить тебе должок. Так что жди.

– Все на ту сторону!.. Приготовиться к бою со штирборта!

Маррахо несется туда, как и все, а по коже бегут мурашки. За свою жизнь ему доводилось попадать в разные передраги, но еще никогда он не испытывал такого ощущения в желудке: в нем словно отдается мощный топот ног, скрип снастей и лафетов, доносящийся с верхней палубы, и бой барабана у грот-мачты. Как и старший лейтенант Макуа, лейтенант Сандино вынул саблю и несколько неуверенно (на его еще безбородом лице прямо-таки написана привычка ходить по суше) указывает расчетам их посты, будто сомневаясь, что сумеет заставить повиноваться себе эту массу людей, из которых только один или двое из трех знают, что и как им следует делать. Остальные, растерянные, ошалевшие, подгоняемые приказами и оскорблениями командиров орудий, спотыкаясь, топчутся туда-сюда, озираются, силясь понять действия товарищей, хватаются за клоцы, банники, пороховые картузы, выбирают ядра, толкуются вокруг уже заряженных орудий, наклоняются, чтобы выглянуть в порты.

– Тишина на батарее!.. Стрелять по моему приказу!

Дон Рикардо Макуа прохаживается вдоль батареи: лезвие обнаженной сабли у эполета, два пистолета за поясом и зверское лицо под натянутой по самые уши шляпой. А с этим старшим лейтенантом шутки плохи, думает Курро Ортега, знающий о планах Маррахо, и бросает на приятеля тревожный взгляд. Макуа худой, нескладный и такой высокий, что, подходя к портам, вынужден пригибаться, чтобы не стукаться головой о бимсы. Маррахо, не сводящий с него глаз, замечает, что его синий кафтан поношен и лоснится на локтях, штаны на колене заштопаны, золотой галун на потертом нагруднике позеленел от морской соли. По всему видно, что попытайся кто улизнуть или не выполни своих обязанностей, этот субчик не станет ждать трибунала, чтобы разобраться с нарушителем. Сам Маррахо, крепко получивший по морде, когда пытался сопротивляться вербовщикам, знает, что он не любит тратить время на слова. Похоже, в сражении (а у него на счету несколько, включая мыс Финистерре) Макуа не доверяет даже родной матери – и какая только сука умудрилась произвести на свет такого. Хотя, как говорят «старики», у него есть на то причины. Девять лет назад, еще мичманом, он оказался в плену у англичан (их «Терпсихора» у мыса Гата заставила его фрегат «Маонеса» спустить флаг: двадцать один убитый, двадцать шесть раненых, а у британцев – только ранено четверо), а все оттого, что люди – почти все крестьяне, бродяги и разная прочая шушера, погруженная на корабль насильно, – при первых же залпах покинули боевые посты и, несмотря на все усилия офицеров, побежали на другой борт прятаться. В общем, картинка – лучше некуда. С тех пор обнаженная сабля на плече и два пистолета, которые Макуа сует себе за пояс при каждом аврале, напоминают всем и каждому, что во второй раз он такого не допустит. А дело свое он знает. Маррахо на батарее точно показали то место, где во время боя у мыса Финистерре старший лейтенант, глазом не моргнув, снес полчерепа матросу, пытавшемуся укрыться на нижней палубе.

– Спокойно... Сейчас они высунутся... Только спокойно.

Предельно сосредоточенный, капрал Пернас – обнаженный торс, сплошь покрытый татуировками, и вправду напоминает синюю часовню, лоб прямо поверх форменной шапки обвязан платком, хвост волос крепко стянут на затылке, глаза прищурены, чтобы их не слепил наружный свет, – пригнувшись к казеннику пушки, держит в высоко поднятой руке тросик затвора. Рядом Николас Маррахо, держа в одной руке наготове здоровенный картуз с порохом, чтобы подать его по первому требованию, и грызя ногти другой, старается ни о чем не думать. Сгрудившись вокруг лафета, на котором покоится тяжеленная черная железная труба, остальные десятеро из расчета орудия номер одиннадцать ждут, как и он, пытаясь разглядеть что-нибудь через открытый порт, но там видно немного: с одной стороны море, с другой – паруса четырех французских кораблей, которые удаляются курсом зюйд-вест, совершая какой-то маневр, непонятный людям, заключенным в твиндеке главной батареи «Антильи». Такое же

зрелище являет собой и каждое из остальных тринадцати орудий правого борта, а рядом курятся дымками фитили, медленно тлеющие в бадьях с песком. Люди молчат; тишину нарушают только грохот отдаленной канонады, плеск воды под самыми портами и скрип медленно движущегося вперед корабля. Молчат все: и оба офицера первой батареи, и барабан (концы палочек покоятся на латаной коже в ожидании приказа «к бою»), и морские пехотинцы – кто на постах у люков, кто возле пушек, готовых открыть огонь, и юнги, корабельные и пороховые, которым предстоит передавать картузы из крюйт-камеры. Ни в жизнь бы не поверил, думает Маррахо, что три сотни мужиков могут молчать вот так. И это правда – от их молчания пробирает дрожь.

– Вон они, сейчас высунутся... сейчас, сейчас... Внимание, ждть команды... Внимание.

Маррахо, как и его товарищи, не знает, кто или что и откуда собирается высунуться. Ему известно только, что они вот-вот вступят в огромную битву, а больше – ничего. Он не знает, что делается снаружи. Не знает, победят они или потерпят поражение. А может, сыграют вничью. Даже многоопытный Пернас со всем своим антуражем – хвостом на затылке и этими татуировками с крестами и пресвятыми девами – ни черта не знает о происходящем, хотя ему и проще представить себе это. Возможно, даже сам дон Рикардо Макуа и юный лейтенант-артиллерист знают лишь немногим больше. Да, в общем, оно и ни к чему, с горечью думает барбатинец, искоса поглядывая на сведенный морщинами лоб и широко открытый рот своего закадычного друга Курро Ортеги. Единственное, что требуется от них, так же как и от остальных людей первой батареи, когда начнется заварушка, – заряжать и стрелять, заряжать и стрелять, без отдыха, пока их не ранит или не убьет, или они не сдадутся, или не победят. Вот и все.

Курро Ортега по-прежнему стоит с открытым ртом. Раззявился чуть ли не на ладонь.

– Закрой рот, парень, – шепчет Маррахо ему на ухо. – Не ровен час, влетит что-нибудь.

– Нам же сказали открыть рот.

– Это потом... Когда нас начнут молотить.

Пернас жестом свободной руки велит им замолчать. Потом, указывая наружу, произносит еле слышно:

– Вон они.

Обернувшись, Маррахо видит, как с левой стороны порта медленно и пугающе близко выдвигается сначала корма, затем левый борт с черными и желтыми продольными полосами и окутанные всеми парусами мачты английского двухпалубника, курс которого где-то впереди должен сойтись с курсом «Антильи». Дон Рикардо Макуа тоже увидел его.

– Бить по мачтам!.. Когда начнемся на правый борт!.. По моей команде!

Маррахо как зачарованный смотрит на открытые порты английского корабля, в каждом из которых торчит жерло пушки. Их так много, и все несут смерть. Эти два слова – «много» и «смерть» – еще стоят у него в голове, когда он видит, как сначала из нижних, а затем и из верхних портов британца вырывается цепочка вспышек и белого дыма, похожая на связку ярмарочных петард. Такатакатаката.

– Не двигаться!.. Внимание!

Маррахо никогда не думал, что можно увидеть летящие к тебе ядра. Но он видит их, видит, как бог свят. Спустя мгновение после вспышек и облака дыма перед батареей вздыбливаются водяные фонтаны, некоторые ядра проходят выше, rrrrrraаа, словно воздух затвердел, и теперь его разорвали, а другие цепью мощных ударов сотрясают корпус «Антильи» от носа до кормы. Что-то большое и твердое громынуло наверху, на палубе второй батареи, и несколько человек, отскочив от пушек, уставились друг на друга с перепуганными лицами. О господи, пресвятая дева Мария-дель-Кармен, вырывается у одного. Старший

лейтенант Макуа – глаза у него так и мечут молнии – поднимает саблю, и молоденький лейтенант, перекрестившись, делает то же самое.

– Вот сейчас!.. Когда нас приподнимет!.. Огонь!.. Огонь!

Комендор Пернас прикрывает глаз, целится, дергает тросик затвора, отскакивает влево, чтобы при откате не попасть под лафет; огромная пушка встает на дыбы, заставляя трещать удерживающие ее найтовы, раздается оглушительный взрыв, буммм-ба, словно внутри у Николаса Маррахо, сотрясая все его существо. Внезапно этот грохот как бы двоятся, троится, повторяется бесконечно, раскатываясь вдоль всей батареи, а ветром внутрь заносит искры пороха, горящие ошметки от пыжей и белый едкий дым, который слепит глаза и раздрает легкие кашлем так, будто в них полыхает целый ад. Если окажемся под ветром, вспоминает барбатинец слова Пернаса, он будет швырять нам все это дерьмо в лицо. Так оно и случилось.

Кто-то дважды сильно хлопает его по плечу. Овернувшись, Маррахо видит перекошенное лицо капрала, тот выкрикивает какие-то слова, которых он не слышит, потому что от взрыва его перепонки сделались как плохо натянутая кожа на барабане, но по знакам Пернаса он понимает, что ему велят отнести картуз с порохом тем, кто находится у жерла пушки, мать твою, шевелись, сукин ты сын, картуз, картуз. Натолкнувшись по дороге на согнутую спину одного из людей, которые, раскрепив лафет, откатывают его назад, Маррахо идет туда, где двое рекрутов, по виду крестьяне (он забыл их имена), орудут клячом и банником в дымящемся жерле; потом они отходят, кто-то выхватывает из рук барбатинца картуз, сует его в ствол, другой закатывает ядро, солдат-артиллерист забивает сверху пыж и уплотняет его прибойником. Маррахо отталкивают, он смущенно отходит в сторону. Наверху, на палубе, громыхает – рррраааа, ррраааа, ррраааа – и трещит, но поврежденные барабанные перепонки Маррахо приглушают эти звуки. Напротив тоже вспышки, а потом бумм-баа, бумм-баа, бумм-баа, он почти не слышит этих «бумм-баа», только чувствует, как они отдаются у него внутри, в сердце и в желудке. Палуба вновь сотрясается. Чвак, плюххх. Одно из ядер упало перед самым портом, и людей окатывает холодной водой.

Пушка номер одиннадцать готова. Подстраиваясь под колыхания палубы, Пернас и остальные тянут за тали, чтобы снова выкатить ее на позицию, и Маррахо как может помогает толкать ее; он уже успел, неизвестно где и как, ободрать себе пальцы. Рядом с ним, шустрый, как обезьянка, появляется пороховой юнга – мальчонка лет десяти-двенадцати, лицо все в саже, словно он выскочил из преисподней – и сует ему в руки два картуза, которые Маррахо, помедлив пару секунд – он не сразу понимает, откуда вдруг взялся ребенок среди всего этого безумия, – заталкивает себе под мышки и тут же чуть не роняет, потому что его снова отпихивают, чтобы колесом лафета не придавило ноги. Кррррррр. Наконец он опять слышит. Сначала этот скрип лафета, потом какой-то странный звук, который оказывается стуком барабана, бьющего у подножия грот-мачты, трам, трататам, трам, трам, потом голос этого мальчишки-лейтенанта, Сандино, орущего как безумный: огонь, огонь, огонь. Бедный парень. Снова глянув в открытый порт, Маррахо видит полосатый черно-желтый борт английского корабля на половине расстояния пушечного выстрела – так близко, что, кажется, можно дотянуться до него рукой. Комендор Пернас опять нагибается к казеннику, все отодвигаются, в том числе и Маррахо – он слышит все лучше, – пушка подпрыгивает так, что, кажется, тали сейчас лопнут, и – буммммм-баа – ядро пошло, и на сей раз отчетливо видно, как оно попадает в борт английского корабля, вырывая кусок шкафута, и весь расчет орудия номер одиннадцать ревет от восторга, ага, сукины дети, нате вам, угощайтесь, самим-то не по нутру, а, моряки хреновы. В этот момент начинают стрелять другие орудия батареи, бумм-ба, бумм-ба, бумм-ба, и эти «бумм-ба» бегут, словно по цепочке, к носу и к корме, бумм-ба, бумм-ба, дым скрывает и врага, и друзей, а когда он рассеивается, люди уже прочищают и заряжают пушку, снова толкают ее к порту, и теперь у них все это получается согласованнее и увереннее, чем раньше, потому что глаза пугают, а руки делают, и человек способен в конце концов привыкнуть ко всему, даже к этому кошмару. Сейчас вроде бы все идет хорошо. И Маррахо

начинает ощущать в себе какое-то особое чувство – нечто вроде привязанности – к людям, которые сражаются рядом с ним, дышат тем же пороховым дымом, кроют господа бога на чем свет стоит или молятся ему (в конце концов, это одно и то же); он обливается потом так, будто стоит под дождем, и, как и все, вопит от радости, ура, так вам и надо, сволочи, и в просвете дымовой завесы видит, что в борту у этого британского пса теперь зияет с полдюжины дыр, на деревянной обшивке бесчисленные выбоины, а один из больших реев перебит, парус повис, и половина его лежит на палубе.

– Да здравствует Испания! – хрипло завывает дон Рикардо Макуа. – Мы их сделали!.. Огонь!.. Да здравствует Испания!

Да здравствует Испания – это кричит и Николас Маррахо, передавая товарищам новый картуз, и сам поражается, услышав свой голос. Да я рехнулся – ору как попугай, вместе с этим сукиным сыном. И так же, как он, и Курро Ортега (который, кроме «Да здравствует Испания!», порой выкрикивает «Да здравствует Кадис!»), и все остальные несчастные – солдаты, стреляющие через порты из мушкетов, насильно завербованные, крестьяне, вырванные из своих домов, нищие, разный сброд, несколько дней назад вытащенный из таверн, приютов и тюрем, а теперь суетящийся вокруг пушек – здесь, в этой адской пасти, ревут как один: да здравствует Испания, мать-перемать-перемать-перемать, пресвятая дева Мария, мать божия, молись за нас, грешных. И они кричат это, и говорят это, и шепчут это, опьяневшие от пороха, ужасаясь и врагу, и самим себе, а сами толкают пушки, суют в них ядра и стреляют, стреляют, ослепшие, оглохшие, отчаявшиеся, ныне и в час смерти нашей, аминь, вдруг точно поняв, что лишь самый дикий, самый жестокий, лишь тот, кто будет заряжать, и стрелять, и материться, и молиться быстрее и действеннее других, сумеет пережить этот день. Короче, они кричат «Да здравствует Испания!», но сражаются за собственную шкуру.

А может, в это мгновение Испания – это и есть собственная шкура и шкура товарищей, такая же почерневшая от пороха, как и своя. Стук барабана у грот-мачты. Покачивающиеся доски, по которым они ступают босыми ногами и которые защищают. А там, вдали, – дом, рыбацкая лодка, таверна, площадь, засеянное поле, к которым им так хочется вернуться. Семья – у тех, у кого она есть. Ненависть, которую они чувствуют к этому наглому английскому кораблю, вставшему между ними и теми, кто их ждет на земле.

– Вон еще один!

Маррахо смотрит в порт. Корабль, с которым они сражаются, теперь за правым траверзом, на расстоянии чуть больше ружейного выстрела. А со стороны носа появился еще один корпус с черными и желтыми полосами. О господи, думает барбатинец. Мы же лезем (или нас гонят) в самую середину вражеского строя. Он еще удивленно разглядывает это новое явление, когда двойная цепь вспышек пробегает вдоль всего борта первого англичанина. Верую во единого бога, отца, вседержителя, бормочет кто-то рядом. Творца неба и земли. И тут залп достигает испанского корабля. Он идет понизу. Толстенная обшивка содрогается, с оглушительным треском проламываясь под ядрами. Батарея превращается в тучу щепок и обломков железа. Одно из ядер, влетевшее! прямо в порт, убивает Курро Ортегу и сносит голову капралу Пернасу.

9. Ахтердек

Бумм-ба, бумм-ба, бумм-ба. Придерживаясь одной рукой за планшир и чувствуя, как содрогается под ногами корабль под ударами английских ядер (каждый причиняет такую боль, словно оно угодило тебе в самое нутро), дон Карл ос де ла Роча смотрит в подзорную трубу, потом складывает ее и опускает. Он подавлен. Впереди, там, куда направлен нос «Антильи», идущей в бейдевинд под марселями и брамселями курсом зюйд-ост, стоит плотная стена серо-белого тумана; среди него то тут то там полыхают вспышки пламени и взвиваются спирали дыма, который, поднимаясь, завивается вокруг голо торчащих мачт и изрешеченных ядрами и пулями парусов. Бумм-ба. Большинство кораблей союзной эскадры неподвижны, они борт о

борт сражаются с англичанами, которые преспокойно дрейфуют прямо на них. Испанцы и французы стараются поддержать друг друга огнем, не разбираясь, кто под каким флагом, а в стороне четыре французских корабля из подразделения Дюмануара, идя на ветер, удаляются от места боя и уже миновали британский арьергард, по пути обменявшись с ним лишь несколькими пушечными выстрелами. Оревуар, или как там прощался Вольтер, подбрасывая в воздух свою шарпеау^[94]. Кто сбежал сегодня, говорят они, сможет драться завтра. Или никогда. Что же до кораблей, додрейфовавших до линии баталии, то «Энтрепид» капитана Энфернэ ожесточенно бьется, силясь помочь своему флагману «Бю-сантору», а испанский «Нептуно» капитана Вальдеса так же отчаянно отбивается от двух британцев, перерезавших ему путь, когда он шел на выручку к «Сантисима Тринидад». Бумм-ба, бумм-ба. Бумммм-бааа. Мощный вражеский огонь срезает у «Нептуно» стену и половину марса фок-мачты; на палубу рушится гора обломков и перепутанных снастей. На этот раз, с горечью думает де ла Роча, Кайетано Вальдесу не удастся повторить свой подвиг, совершенный у мыса Сан-Висенте, когда он на своем «Пе-лайо» спас «Тринидад» от английского плена. Сейчас дай бог спастись хотя бы ему самому.

– С вашего разрешения, мой капитан. Пожалуй, вам бы лучше спуститься на шканцы.

По крайней мере, думает де ла Роча, капитан-лейтенант Орокьета не забыл о манерах. Он сказал «вам бы лучше спуститься, мой капитан, с вашего разрешения», а не «давайте уходить с ахтердека, да поскорее, пока нас не превратили в фарш». Потому что, мысленно продолжает де ла Роча, высокая кормовая надстройка и вправду стала чрезвычайно опасным местом. За исключением Орокьеты, старшего штурмана Линареса, лейтенанта Галеры, обоих гардемарин и шкипера Роке Алыуасаса, все остальные по распоряжению командира либо стоят на коленях, либо просто лежат: люди из расчетов карронад (этими орудиями пока что не имеет смысла рисковать, потому что враг еще далеко) и двадцать отборных гренадеров морской пехоты, которым лейтенант Галера уже давно приказал подняться на ахтердек, и вот теперь они согнулись в три погибели вокруг бизань-мачты: белые ремни, мушкеты и безупречная – что да, то да – профессиональная дисциплина. Чем ближе корабль к английской линии атаки, тем гуще летят повсюду ядра и обломки. «Антилья» шла более или менее в кильватере «Нептуно», однако британцы отсекали его, сомкнув строй перед ее носом. Поэтому де ла Роча приказал привести чуть круче к ветру, целя в просвет между двумя последними кораблями из арьергарда Нельсона. Подсечь самих подсекателей. Так он подсобит Вальдесу, а оказавшись с другой стороны, сможет попытаться, дрейфуя, приблизиться и отвлечь на себя врагов, громящих «Тринидад». Этими мысленными расчетами линий, углов и курсов его голова занята сейчас больше, чем сиюминутными действиями, потому что именно эти расчеты должны позволить ему, с учетом ветра и возможностей парусов (или того, что останется от них через некоторое время), сделать так, чтобы три тысячи тонн дерева и железа, на которые опираются его ноги, прошли через этот бой так, как надо. В конце концов, нынче боевой корабль являет собой сложную машину, плавучий цех, созданный для борьбы, подчиняющийся регламентам и уставам, где люди трудятся и умирают и где от них требуется только одно: быть верными и знать свое дело.

– Вот еще, мой капитан! Орокьета еще не договорил (де ла Роча, обернувшись, смотрит как зачарованный на целый шквал вспышек, вылетающих из левого борта ближайшего англичанина), когда «Антилья» сотрясается от мачт до киля. Со сжавшимся сердцем и стиснутыми зубами командир поднимает голову и видит, что пока дело не так плохо: оборвано несколько фалов, кое-где поломан рангоут, но не слишком. Слава богу, бормочет он про себя. Сейчас это самое главное, потому что без мачт и реев корабль превратится в неможное, неуправляемое корыто – отличную цель для вражеских батарей. То есть будет приговорен. Как уже приговорено большинство сражающихся здесь французов и испанцев.

– Линарес.

– К услугам вашей милости, сеньор капитан. Де ла Роча указывает старшему штурману – мичману Бартоломе Линаресу – просвет между носом и кормой двух ближайших английских кораблей.

– Прибавьте-ка еще один румб. Я хочу, чтобы мы прошли вот здесь.

– Я попробую, сеньор капитан.

– Не надо пробовать, разрази меня гром. Надо сделать.

Штурман бежит к трубе, чтобы передать команду в рулевую рубку, а в это время вдоль борта корабля пробегают цепь вспышек и взрывов, карракабумм-ба, бумм-ба, бумм-ба. Вот вам гостинец для вашего Георга III и для его паскуды-матери. Это «Антилья» отвечает на огонь англичан, и когда бриз относит дым в сторону, де ла Роча, довольный, видит, что люди держатся хорошо. Орудийная прислуга суетится вокруг восьмифунтовых пушек на носу и шканцах: охлаждает их, заряжает, выкатывает на боевую позицию и закрепляет у портов, а стрелки, как и гренадеры на ахтердеке, лежат на палубе (сверху натянуты сети, чтобы защитить их от падающих на голову обломков и оборванных снастей), укрываясь за скатанными койками и мешками, уложенными в коечные сетки, ожидая, когда англичане подойдут на мушкетный выстрел и можно будет открыть огонь. Начальники и часовые поддерживают порядок. Тех немногих матросов и новобранцев, которые при каждом вражеском залпе бросаются бежать, возвращают на место ударами плети, а морским пехотинцам, охраняющим люки, иногда приходится выставлять штык, если кто-нибудь приближается к ним в надежде улучшить подходящий момент и укрыться в трюме; однако в общем и целом люди ведут себя разумно и дисциплинированно. Убитых и раненых мало; большинство их тут же уносят вниз, в лазарет, и они исчезают в люках, постанывая – те, кто может стонать, – аи, аи, мама моя родная (Эстевес, старший хирург, вместе со своими подручными, наверное, уже вовсю режет и шьет, а падре Потерас бормочет над пациентами свою латынь), а здесь, на палубе, трупы просто сбрасывают в воду, чтобы не загромождали пространство и не деморализовали товарищей. Прощай, Пако. Плюххх. Прощай, Маноло. Плюххх. И разрушений пока что не так уж много. Де ла Роче докладывают, что на первой и второй батареях разбита пара пушек и есть потери, но офицеры владеют ситуацией. Мачты тоже не слишком пострадали, повреждена одна из консолей для боеприпасов возле фок-мачты, третью по штирборту пушку снесло с лафета, но штаги и ванты, поддерживающие мачту, почти все целы. Ближе к корме ядро вырвало кусок шкафута, оставив за собой кильватер обломков, щепок и потоков крови.

– Люди держатся молодцами, мой капитан.

– Да, вижу.

Ну еще бы, думает де ла Роча. А как же иначе. В конце концов, в этой несчастной Испании единственное, что через скрежет зубовый и отчаянный мат спасает нас от полного позора, – это люди. Иначе как объяснить, что, несмотря на уже полуторавековое превосходство англичан, нам все это время удавалось не потерять лица: регулярная морская связь с Америкой, победа Наварро в Тулоне, героическая оборона Веласко гаванской крепости Эль-Морро, научные экспедиции, труды Хорхе Хуана, картография Тофиньо, походы на Алжир и Санта-Каталину, шебеки Барсело, вылазки на английское побережье, давление на Ямайку, взятие Сан-Антиоко и Сан-Педро, оборона Тулона, Ро-саса, Эль-Ферроля, Кадиса. Или бой, данный Хуаном де Лангарой между мысами Сан-Висенте и Санта-Мария, когда, прикрывая отход своей эскадры, его «Феникс» восемь часов один дрался с несколькими англичанами, и когда в конце концов флаг упал, у корабля не оставалось ни единой мачты, командир был тяжело ранен, а почти вся команда перебита. И все это, с горечью думает Карлос де ла Роча, и то, что было раньше, и то, что было и есть всегда, все это, несмотря на скверные правительства, на беспорядок, расхлябанность и бездеятельность, сделали люди. Те самые бедные люди. Которым не платят, которых бьют. Такие же, как те, кто сегодня сражается на

«Антилье». Несчастные хорошие вассалы, никогда не имевшие хороших господ. Потому что над Барсело, и над Лесо, и над Веласко всегда стояли негодяи – морские министры и чиновники, которые во время прошлой войны с Англией, чтобы пополнить команды, объявили прощение беглецам и дезертирам, посулили по три унции золота добровольцам, обещали всем морякам четко выплачивать жалованье и все, что полагается, и не отправлять их на военные корабли иначе, как на определенных условиях. Но когда эти несчастные объявились, им не заплатили ничего, а «определенные условия», на которых их заставили сражаться, оказались равносильны вечному рабству. А кроме того, оставили без людей рыбацьи, торговые и корсарские суда. И, разумеется, когда вспыхнула новая война, этот народ, сполна узнавший, почем фунт лиха, сказал: катитесь на эту войну сами.

– Старший боцман!

Старший боцман Кампано, человек весьма толковый и дисциплинированный, поднимается на ахтердек бегом, не сгибаясь, хотя как раз в этот момент, просвистев над их головами, английское ядро пробивает новую дыру в контр-бизани. К услугам вашей милости, дон Карлос, говорит он, прикасаясь пальцами к шапке. Скажите мне, как у нас с маневром, просит командир. Кампано проводит ладонью по своему плохо выбритому, морщинистому лицу и отвечает: ну, нормально, дон Карлос. Могло быть и хуже, вы ведь знаете. У нас сорвало грот-бом-брам-стаксель и пару штагов грот-мачты, один фор-стень-фордун, один фор-брам-фордун, ну, и еще кое-что по мелочи, из бегучего такелажа. Мои люди уже занимаются этим.

– А что у нас с парусами?

– Да ваша милость сами видите... Если только о главном, то по четыре больших пробоины в фор-марселе и грот-марселе, две в нижнем крью-селе и три в контр-бизани.

Рррраааааа. Английское ядро (де ла Роча почти успел увидеть, как эта черная сволочь летит к нему, стремительно увеличиваясь в размерах) проносится между шляпой командира и бизань-мачтой, перебивает несколько фалов, отчего сверху падает и раскачивается у самой головы гардемарина Ортиса тяжелый шкив, и, к счастью, не причинив большего урона, со свистом исчезает за другим бортом. Орокьета, не осмеливаясь вновь настаивать, озабоченно покусывает губы. Однако все и так ясно. В этой фазе боя нет никакой нужды в том, чтобы командир корабля и весь его штаб оставались в таком опасном месте, как ахтердек. А кроме того, опыт показывает, что, пострадай или погибни командир, люди падают духом. Ррраааа. Еще одно английское ядро проносится со звуком разрывающейся ткани. И еще. И еще. Ррраааа. Ррраааа. Последнее прошло ниже и угодило в коечную сетку. Удар, треск. Комендор из расчета второй карронады испускает вопль, когда щепки вонзаются ему в руку. Кровь хлещет, словно зарезали свинью. Орокьета велит ему идти в лазарет, чтобы его перевязали, и, если сможет, немедленно вернуться, и комендор, бывалый капрал, согнувшись, сам спускается с ахтердека и исчезает в проеме люка. Де ла Роча выжидает некоторое время – ровно столько, чтобы одно не показалось следствием другого.

– Пойдемте на шканцы. Вы тоже, Орокьета. И штурман. Все, за исключением тех, чей боевой пост здесь.

– Слушаюсь. Слушаюсь.

Прежде чем спуститься – следом идут капитан-лейтенант, штурман, шкипер и гардемарин Фалько, – командир подходит пожать руку лейтенанту Галере, офицеру морской пехоты, который должен остаться на ахтердеке вместе со своими гренадерами и прислужой карронад. Комендоры хмуро поглядывают на уходящих. Де ла Роча буквально слышит их мысли: да, коллега, вот так, берут и уходят, язви их в душу. Они идут вниз, а мы остаемся здесь. В итоге все равно крышка нам всем, но только первыми почему-то всегда погибаем мы. Всегда. И так далее. Антонио Галера, бледный, спокойный, чуть напряженно улыбается и подносит руку к одному из углов треуголки. Рука у него холодная, отмечает де ла Роча. Такая холодная, будто он уже мертвец. Потом командир поворачивается в гардемарину Ортису, пост которого – возле

фала для подъема и спуска флага. Холодно, официальным тоном (он обнял бы паренька, но не может сделать этого) де ла Роча дает ему наказ – беречь флаг.

– Помните, что он значит для нас... Понятно?

– Понятно, сеньор капитан.

Голос юноши чуть дрожит. Он обнажает саблю. Он так же бледен, как лейтенант Галера, но держится молодцом. На саблю смотрит так, будто видит ее впервые. Восемнадцать-девятнадцать, не больше, сокрушенно думает де ла Роча. И такая ответственность. Это просто преступление. Своими руками убил бы этого Наполеона, и Годоя, и Вильнева, и их матерей. Да еще ту, что родила на свет Гравину, который со всей своей деликатностью, понятием о чести и прочей белибердой позволил, чтобы нас сунули головой в это дерьмо.

– Ортис.

– К вашим услугам, сеньор капитан.

Де ла Роча указывает на красно-желтый флаг, слабо колышущийся над их головами на гафеле контр-бизани.

– Убейте всякого, кто приблизится с намерением спустить его.

Шканцы. Боевой пост командира корабля. Место, где сражаешься, побеждаешь или погибаешь на этой палубе, битком набитой пушками и людьми, в тени парусины, которая то надувается под порывом капризного бриза, то вновь опадает, заставляя скрипеть мачты, реи и весь стоячий такелаж. За спиной, над рубкой со штурвалом и нактоузом, возвышаются бизань-мачта и ахтердек. Впереди грот-мачта, огромный провал верхней палубы, шкафуты, бак с фок-мачтой и бушприт с кливерами, пытающимися захватить хоть немного ветра для маневра. На всех трех мачтах подняты брамсели и марсели (число дыр в которых все увеличивается), а паруса нижнего яруса подобраны и хорошенько закреплены, чтобы не загорелись от пальбы на палубе; реи подкреплены цепями, чтобы вражеским ядрам было труднее сбить их. Внизу, по правому борту, через равные промежутки времени бьют батареи. Время от времени (два-три раза на каждый залп испанского корабля) английские ядра, сотрясающие корпус «Антильи» от носа до кормы, вздымают тучи обломков, рвут снасти, убивают людей. Все как положено. Как положено по уставу Королевского военно-морского флота. Теперь да, мрачно думает Карлос де ла Роча. Теперь все по правилам, и никто не скажет, что «Антилья» и ее командир не исполняют своего долга. *Корабль, находящийся вне боя, будет считаться покинувшим свой боевой пост*, гласили инструкции этого недоумка Вильнева. Ну и ладно, думает де ла Роча. Я теперь на своем боевом посту. Корабль и его команда – семьсот шестьдесят два человека (наверное, нас уже меньше, мысленно констатирует капитан, глядя на лужи крови, стекающей в люки и шпигаты) – в бою, в мясорубке, в пекле, и пути назад нет. Чем бы ни кончился этот бой – победой или поражением, что касается «Антильи», родина (придумал же кто-то такое слово) может спать спокойно.

И с этой уверенностью командир прохаживается по шканцам – сабля в ножнах, руки сложены за спиной, – спокойный отнюдь не напоказ. Его спокойствие не имеет ничего общего с героизмом и прочими подобными вещами: просто всю жизнь, с тех самых пор, как четырнадцатилетним гардемаринком Карлос де ла Роча ступил на палубу корабля, он готовился к таким минутам, как эта. Его спокойствие идет от смирения, свойственного профессиональному моряку, смирения с тем простым фактом, что он уже мертв, а если после боя случайно воскреснет (что он, как человек весьма религиозный, наверняка припишет божественному провидению), то расценит это как благодеяние, к тому же неожиданное. Оказанное ему господом богом в его бесконечном милосердии. Примерно так. Но сейчас, на расстоянии ружейного выстрела от английских кораблей, капитан де ла Роча знает, что уже мертв, как мертва холодная рука лейтенанта Галеры, которую он пожал наверху, на ахтердеке. И он молится, храни тебя бог, Мария благодатная, господь с тобою, мысленно перебирая

бусины четок в левом кармане кафтана и стараясь не шевелить губами, чтобы никто этого не заметил и не подумал того, чего нет.

– «Бюсантор» потерял управление, мой капитан, – сообщает Орокъета.

Так оно и есть. Флагман адмирала Вильнева лишился управления и всех мачт, на его палубе не осталось ничего, кроме обломков, но, со всех сторон окруженный врагами, он еще сражается. Будь ты проклят, несчастный кретин, думает де ла Роча, глядя в подзорную трубу. Адмирал хренов. Ты погубил всех нас, и в первую очередь себя. Ты всегда отвергал советы других, не умел принимать решений и приспосабливаться к неожиданному. Ты был недостойн и самого себя, и командования, врученного тебе слепым министром. Так да горишь ты вечно в аду.

– «Тринидад» защищается как тигр, – прибавляет Орокъета.

Де ла Роча немного перемещает подзорную трубу. Среди дыма и вспышек видно, что по меньшей мере четыре английских корабля бьют с расстояния пистолетного выстрела по «Сантисима Тринидад», находящемуся совсем рядом с «Бюсантором» и чуть впереди. У испанского четырехпалубника мачты еще целы – сбиты только фор-стенгга и фор-марса-реи, – и он бьет ураганным огнем с обоих бортов, а на фок-мачте по-прежнему упрямо трепыхается сигнал номер пять: всем кораблям, не участвующим в бою, подойти и вступить в него. Неподалеку другой испанец, кажется, «Сан-Агустин», сражается с двумя англичанами, они так близко друг от друга, что кажется, будто уже начался abordaj. А дальше, южнее, вдоль всего того хаоса, в который превратилась линия баталии союзной эскадры, только дым, вспышки выстрелов, языки пламени, тучи черного дыма над пылающими кораблями, а с наветренной стороны еще пять-шесть британцев, последние из колонн, на всех парусах спешат, чтобы тоже ввязаться в схватку. Молодцы ребята, горько думает командир «Антильи». Ничего не скажешь – профессиональны и решительны. Они знают, что начальники поддержат их в случае победы и что уж как минимум не осудят того, кто подойдет к врагу и вступит с ним в бой. Там, у них, тех, кто заслужил награду, награждают. Гуар из бизнис^[95], или как там это говорится на их языке. Для них война – это «бизнес». И вот они здесь, проклятые. Конечно, они пираты, жадные до золота, но они ставят превыше всего человека. Они скрупулезны, дисциплинированы и безжалостны, как машины, хоть и заботятся о плоти и крови, движущей их корабли. А мы, неразумные, мы, глупцы, полными пригоршнями сыплем золото в самые недостойные карманы, но выцарапываем каждую монетку у тех, кто трудится и страдает, и возводим забвение в ранг достоинства, и упорно стараемся делать все за счет пота и крови, которых никто никогда не оплачивает. Вот так. Дамы и господа, девочки и мальчишки, военные без звания. Пусть кто-нибудь скажет мне, которая из двух систем действеннее и дешевле.

– Сделано, сеньор капитан, – объявляет штурман. – Курс на полдень, один румб к сирокко... Больше не вырулить.

– Мне хватит, Линарес.

Корабль, находящийся вне боя, и так далее. Приказ Вильнева по-прежнему стучит в голову де ла Рочи. Ветер немного свежеет, и этого хватает, чтобы паруса забрали и «Антилья» привелась еще чуть-чуть – как раз на румб с небольшим к осту, как он только что просил штурмана, – чтобы лечь на курс, сходящийся (с небольшим опережением) с курсом последнего англичанина, семидесятичетырехпушечного корабля, который идет на расстоянии ружейного выстрела в левый бейдевинд, форсируя парусами, чтобы поймать крепчающий ветер.

– Прекратить огонь до моей команды, – приказывает де ла Роча.

Орокъета и мичман Мигель Себриан (командир шканцевой батареи), напрягая глотки, повторяют приказ, и он передается вдоль всей палубы и на нижние батареи. Прекратить, прекратить, прекратить огонь, мать вашу. Прекратить, я сказал. Над трапом со шканцев на палубу появляется закопченное личико Хуанито Вида-ля, самого юного из гардемаринов: лейтенант Грандалль, командир второй батареи, послал его разузнать, что и как.

Распоряжение прекратить огонь не касается стрелков, которые осыпают англичанина выстрелами своих мушкетов через порты, поверх уложенных в коечные сетки коек и вещевых мешков или с марсов, где они расположились рядом с матросами, участвующими в маневре. Крра, крра, крра, трещат их выстрелы. Крра, крра. На палубе вдоль всего штирборта до самого бака комендоры и артиллеристы – кто снял рубаху, у кого она распахнута на груди, – с уже почерневшими от пороха после первых залпов лицами, охлаждают, заряжают, тянут тали, толкают скрежещущие лафеты, выкатывая восьмифунтовые пушки на боевую позицию, а потом снова смотрят в сторону кормы; комендоры с тросиками затворов или пальниками в руках (проклятые затворы уже начали ломаться) ждут приказа вновь открыть огонь. Однако на этот раз де ла Роча не торопится. Он хочет, чтобы все три батареи разом дали залп, по возможности продольный, в самый галюн англичанину, если удастся достичь точки пересечения их курсов. А потом (опять же – если удастся) проделать то же самое со вторым британцем, тем, что впереди, только со стороны кормы. Семьдесят четыре прекрасные пушки, отлитые на берегах Меры. Ultima ratio Regis^[96]. Влепить обоим блондинам по хорошему продольному: по восемьсот тридцать восемь фунтов с каждого борта. Поэтому командир подзывает мичмана Себриана, велит ему поделить комендоров между штирбортом и бакбортом и передать этот приказ на батареи твиндеков. Бить полого, по корпусу и палубе.

Никакой пальбы по мачтам и реям – оставим эти нежности лягушатникам.

– Вы правда думаете, что мы проскочим, мой капитан?

– Только ваших вопросов мне и не хватало, Орокьета.

Капитан-лейтенант извиняется и умолкает, но не отводит широко раскрытых, как и рот, глаз от узкого прохода между двумя английскими кораблями, который все ближе от правой скулы «Антильи». Разрази меня гром, мысленно бормочет Орокьета. Проскочим или не проскочим. Быть или не быть. Какая разница – сцепиться с врагами по эту или по ту сторону британского строя, здесь или парой кабельтовых дальше. Корабль, находящийся вне боя. И так далее.

– Фок на гитовы, будь он проклят. Фока-шкот крепить.

– Слушаюсь.

– И чтобы этот фор-марсель больше не полоскался.

Де ла Роча – руки по-прежнему сложены за спиной – поворачивается туда, где в рубке под ахтердеком, под относительной защитой толстой бизань-мачты, двое матросов перебирают ручки штурвала под внимательным взглядом старшего штурмана Линареса. Он поставил сюда своих лучших рулевых: один – альмериец Перико Гарфия, опытный, сильный и шустрый, второй – тоже откуда-то из Валенсии, его имени де ла Роча не помнит. На случай, если английские ядра повредят палубный штурвал или перебьют штуртросы, двумя палубами ниже, в крюйт-камере, находится второй штурман На-варро с еще двумя рулевыми и несколькими помощниками, готовый, если что, приступить к управлению судном оттуда.

– Туго приходится Вальдесу, – негромко замечает Орокьета.

Де ла Роча переводит взгляд налево. На траверзе командиру виден «Нептуно»: у него больше нет фор-стенги, от грот-мачты тоже мало что осталось, но он яростно отбивается от двух англичан, преграждающих ему путь. Паруса фок-мачты и грот, разодранные в клочья, давно рухнули на палубу, так что двигаться он не может. Де ла Роча представляет себе Кайетано Вальдеса на шканцах: сделав все возможное, чтобы помочь «Бюсантору» и «Сантисима Тринидад», он покори́лся судьбе и теперь готов драться за себя, тоже собираясь дорого продать свою шкуру. Все сражение рассыпалось на отдельные кровопролитные бои, и везде один против нескольких, без надежды.

– Вальдесу оттуда не выбраться.

Орокьета вопросительно смотрит на командира, пытаясь понять, пойдет «Антилья» на подмогу или нет. Де ла Роча молча указывает движением подбородка на продолжающий драться «Тринидад». Официальные доктрины всех флотов мира повелевают сперва приходить на помощь начальству. Кто командует, тот командует. А остальные собаки пускай сами вылизывают себе задницы.

– Ветер еще посвежел, мой капитан. Самую малость.

Это правда. И это хорошо, потому что теперь «Антилья» может идти быстрее, и ей легче менять галсы. Но, как бы то ни было, де ла Роча знает, что его капитан-лейтенант, задавая вопрос, пройдут они или не пройдут, был прав. Может, пройдут, а может, нет. Ветер может внезапно ослабеть или вообще стихнуть, и тогда «Антилью» возьмет на abordаж последний из британских кораблей, семидесятичетырехпу-шечный, с полосатым черно-желтым корпусом. И тут вторая батарея англичанина дает залп, который заставляет пригнуться всех на палубе (всех, кроме де ла Рочи, который чуть не порвал себе спинные мышцы, стараясь выпрямиться еще больше), сносит часть бортовых щитов шканцев, вдребезги разбивает носовой кабестан и оставляет на досках палубного настила четыре распростертых тела, залитых кровью, как туши в лавке мясника.

– Фалы крепить!

Старший боцман Кампано собирает вокруг себя с полдюжины матросов – своих самых надежных людей, свою аварийную бригаду – и принимается за дело.

– Себриан!

– К вашим услугам, мой капитан.

Теперь на голове у мичмана Себриана вместо шляпы повязан окровавленный платок. Обломком железа ему оторвало половину уха. На галстуке и вороте кафтана тоже пятна свежей крови, но мичман держится молодцом. Этот худой, рыжий и симпатичный парень родом из Эль-Ферроля.

– Пожалуй, дело пахнет abordажем. Себриан принимает эту новость весьма флегматично, ограничиваясь лишь вопросом: они нас или мы их, мой капитан? Де ла Роча отвечает, что понятия не имеет, но с трудом представляет себе, как команда «Антильи», все эти силком завербованные нищие и каторжники, с криками «Да здравствует Испания» ринется брать кого-то на abordаж Себриан того же мнения. Если что-то будет, то с правого борта, прибавляет де ла Роча. Так что приготовьтесь к отражению abordажу оттуда. Сабли, ножи, топоры, пистолеты. Ну, в общем, сами знаете. Пусть подвижная группа морских пехотинцев будет наготове с примкнутыми штыками. Если мы зацепимся за снасти англичанина, уж он постарается перебросить к нам своих людей. Организуйте наших, приготовьте топоры, чтобы рубить багры и крючья, пошлите на марсы еще стрелков с гранатами и зажигательными бутылками (другой вопрос, удастся ли вам их уговорить), а сами возьмите часть подвижного отряда и будьте готовы подсобить там, где придется, на баке или на шкафуте. Понятно?

– Отставить дрейфить, мы уже держим быка за рога, – подбадривает его Орокьета.

Себриан смотрит на него искоса:

– Да уж, дон Хавьер. Как я свою тещу. Хороший парень, думает де ла Роча, глядя вслед мичману, уже начавшему отдавать распоряжения. А для галисийца у него даже неплохое чувство юмора. Черного, конечно. Но какой другой юмор может быть у человека, если его угораздило родиться испанцем, галисийцем и моряком.

Рррааа, кррраак. Рааа, ррааа. Крррак. Треск ломающегося дерева и свист щепок. Блоки двух штагов прости-прощай. Часть шкафута и угол одной из оружейных консолей правого борта рядом с грот-мачтой взметнулись столбом разлетающихся со свистом обломков. Рраа, ррааа. Бумм, бумм, бумм. Все гроыхает и содрогается. На нижних палубах от раскатов дрожат шпангоуты.

Еще одно ядро попало в цель. Орокьета, рупором приставив руки ко рту, кричит, надсаживая голос:

– Крепить штаги, мать-перемать! Поскольку старший боцман Кампано занят на фалах (да к тому же у него погиб один из людей), выполнять приказ бросается гардемарин Фалько: собрав полдюжины матросов плюс одного надсмотрщика, он начинает крепить обвисшие штаги. Де ла Роча с тревогой наблюдает за юношей, который помогает натягивать пострадавшие снасти, взобравшись на консоль возле грот-мачты: он стоит во весь рост, и ничто не прикрывает его от огня англичан.

– Молодец парнишка, – почесывая бакенбарду, замечает Орокьета.

Рраа, рраааа, крраак На сей раз британские ядра прошли высоко, и в фор-марселе и фор-брамселе появились новые дыры. Одно из ядер перебивает бейфут фор-марса рея. Люди на марсе цепляются за снасти, а потом, качаясь наверху, пытаются хоть как-то поправить дело. Один – может, он ранен, а может, просто менее ловок, чем остальные, – повисает на перге, дрыгает ногами в воздухе, а потом, при очередном крене и наклоне мачты, срывается и летит вниз, в море, с долгим воплем: аааааааааааа. Де ла Роча отводит глаза. Потом, взобравшись на лафет одного из орудий по штирборту, смотрит на английский корабль, до которого остается все меньше. Если он ошибся в своих расчетах, плохо придется всем. Несмотря на все старания Себриана, маловероятно, что его люди сумеют отразить настоящую атаку.

– Вы позволите поговорить с вами, сеньор капитан?

К командиру робко подошел Бонифасио Ме-рино, судовой казначей. Он плотен, приземист, носит очки. Плохо выбрит. Типичная канцелярская крыса, которая ведет амбарные книги и – все они таковы – при всякой возможности кладет что-то себе в карман. Здесь, на борту, это легче легкого, потому что он ведает всем: счетами, боеприпасами, провизией, ее потреблением, бумагами, запасом вяленой трески на четыре месяца или на икс месяцев (по средам, пятницам и на Страстной неделе), сушеными овощами, салом, солониной, сыром, вином, сухарями и так далее. Столько-то арроб^[97] – вместе с долгоносиками – порченных продуктов, потому что казначей в сговоре с торговцем, с поставщиком Военно-морского флота, с чиновником из министерства или еще бог знает с кем. Как и вся Испания. Как все те, через чьи руки что-то проходит.

– Что вы здесь делаете, Мерино?

– Внизу-то делать особо нечего, сеньор капитан... Вот я и подумал... Кхе-кхе... Что я...

– Что вы – что?

– Что, может, я буду полезнее тут, наверху. Де ла Роча смотрит прямо в глаза казначею; тот моргает, но не отводит взгляда. Де ла Роча знал всяких казначеев, и этот, хоть и тоже нечист на руку, не из худших. Еще пару секунд капитан оглядывает его с головы до ног: мятая шляпа, грязные башмаки, потертый коричневый, лоснящийся на локтях кафтан, пальцы в чернилах. Нечто среднее между лавочником и писарем. Отнюдь не солдат.

– Почему именно сегодня, Мерино?

Казначей снимает шляпу, ерошит рукой жидкие курчавые волосы. Снова надевает шляпу. За полтора года, проведенных им на «Антилье», это первый раз, когда он просит разрешения во время боя находиться на палубе.

– Моего брата убили двадцать второго июля, при Финистерре... – наконец выговаривает он. – На «Фирме». Он там был третьим штурманом.

Де ла Роча еще мгновение смотрит на него. Ну и дела. Да в конце концов, черт побери, мысленно заключает он. У каждого свои причины драться.

– Вы можете остаться на шканцах – помогать подносить порох и заниматься ранеными.

– Спасибо, сеньор капитан.

Рррааа, бумм. Вновь летят обломки и содрогаются шпангоуты, а весь рангоут и такелаж вибрируют, как струны скрипки, которые дерет лапой злобная кошка. Де ла Роча, холодея, замечает, что одно ядро сильно повредило грот-мачту ниже брамрея. Пока что ничего страшного. Мачта не собирается падать. Ванты держат ее, и, кажется, все в порядке. Но так обычно и начинается.

– «Нептуно» потерял бизань-мачту! – восклицает кто-то.

К дьяволу «Нептуно», думает де ла Роча. Сейчас все его внимание сосредоточено на ранах своего судна, на том, куда смотрит его бушприт, и на англичанине, форсирующем парусами (его капитан разгадал намерение де ла Рочи), чтобы закрыть ему проход. К счастью, британец потерял грота-реи вместе с парусом, и это не дает ему как следует прибавить скорости.

Они с «Антильей» идут сходящимися курсами уже на расстоянии пистолетного выстрела друг от друга, так что де ла Роча может отчетливо разглядеть офицеров на шканцах вражеского корабля, матросов, суетящихся вокруг пушек на верхней палубе и карронад на ахтердеке, красные с белыми ремнями куртки морских пехотинцев, стрелков с мушкетами, ведущих огонь с марсов. Над головой что-то прошумело. Это еще один человек, на сей раз без крика (вероятно, он уже был мертв), упал сверху и повис на сети, натянутой над шканцами; одна его рука прошла сквозь ячею, и с нее на покрывающий палубу мокрый песок капает кровь. Капитан отходит в сторону, чтобы *не* запачкать мундир. Ему слышно, как сзади наверху, на ахтердеке, лейтенант Галера выкрикивает команды, а потом трещат мушкетные залпы его гренадеров. Крра, крра. Молодчина Галера. Надежный, исполнительный, несмотря на то, что его правая рука была холодна, как сама смерть. Крра, крра, крра. Де ла Роча поднимает голову и несколько секунд смотрит в лицо убитого матроса, висящего в пяти футах над ним. Он не узнает его, но понимает, что это бывалый моряк: босые ноги, смуглая, еще даже не успевшая побледнеть кожа, замысловатая синяя татуировка вдоль всей руки, той самой, с которой капает кровь. Его затуманенные глаза полуоткрыты, как будто человек просто задумался, глядя вдаль. Опустив голову, де ла Роча встречает испуганный взгляд гардемарина Хуанито Видаля, который, несмотря ни на что, снова появился на трапе, ведущем с палубы на шканцы. Тринадцать лет. О господи. Его старшему столько же.

– На второй батарее все в порядке, Видаль?

– Так точно, сеньор капитан!

Крраа, крраа, продолжают трещать мушкеты. Этот треск, свой и вражеский, перекачивается туда-обратно, вспышками и дымками отмечая выстрелы с бортов обоих кораблей. Орокьета, отчаянно матерясь, командует тем, у кого нет ружей, лечь на палубу, на шканцы и между пушками. Люди повинуются, не ожидая повторения приказа, и валятся друг на друга. Дай бог, чтобы они сумели снова подняться, когда придет время, думает де ла Роча. Одна из мушкетных пуль разбивает песочные часы на задней стороне бизань-мачты, заставив шарахнуться рулевых. Другая ранит одного из комендоров ближайшей восьмифунтовой пушки. Еще одна угодила в палубный настил в двух пядях^[98] от башмаков капитана, украшенных серебряными пряжками: брызнули щепки, из пазов выступила смола. Шкипер Роке Альгуасас подходит, обеспокоенный, словно для того, чтобы попросить командира быть поосторожнее, но де ла Роча холодным взглядом велит ему уйти. Орокьета тоже видел, что произошло, и вопросительно смотрит на капитана, ожидая слов или какой-нибудь реакции, но тот молчит. Я сделан из пемзы, парень. Хотя, добавляет он про себя, эти сволочи уже приметили меня. Кто-то из английских командиров, с эполетами и золотым галуном на шляпе, вопит, требуя, чтобы по нему стреляли. Но делать нечего, поэтому де ла Роча – зубы сжаты, все мускулы до последнего напряжены в ожидании пули, которая отправит его ко всем чертям, – начинает шагать по палубе (насколько возможно спокойно) туда-сюда, чтобы врагам было труднее прицелиться. Крраа, крраа. Дзиннн. Повсюду свистят щепки и жужжат свинцовые шмели. Находящийся вне боя будет считаться покинувшим свой пост. Мать его так и растак. Де ла Роча снова сует руку в левый карман кафтана и перебирает бусины четок. Храни тебя бог,

Мария благодатная. На мгновение перед ним будто всплывают лица жены и четверых детей. Эх, знать бы, горько усмехается он про себя, сколько времени понадобится бедной Луисе, чтобы получить мое невыплаченное жалование и выхлопотать вдовью пенсию.

В эту минуту бушприт «Антильи», обогнавшей англичанина всего на полкабельтова, выдвигается впереди его бушприта.

10. Шканцы

Кррааа. Когда грот-брам-стенга с треском обрушивается, сотрясая весь корабль, гардемарин Хинес Фалько оставляет попытки вытащить тело старшего штурмана Линареса (ударом рухнувшего на голову обломка его отбросило под самое колесо) и, убедившись, что оба рулевых по-прежнему крепко держат ручки штурвала, взбегает по трапу, ведущему на шканцы, на ходу вытирая о полы кафтана окровавленные руки. Пресвятая дева, вырывается у него. Брам-стенга, ее рей и целая гора парусины и перепутанных канатов свесились к штирборту, а все сто двенадцать футов марса-рея болтаются отвесно вместе со своим парусом, одним концом прямо над верхней палубой; сверху доносятся удары топора – это люди на марсе пытаются перерубить погибшие снасти и вывалить все за борт.

По счастью, грота-реи и сам грот целы. Внизу, на палубе, под натянутой сетью – она во многих местах разорвана и сплошь завалена обломками дерева, обрывками тросов и канатов, клочьями парусины и трупами, которые словно бы запутались в какой-то гигантской паутине, – комендоры, моряки и солдаты, потные, охрипшие, почерневшие от пороха, сражаются в едком дыму, жгущем глаза и легкие, а повсюду носятся английские кнители, картечь и пули, ломая, разбивая и калеча все, что встречается на их пути.

– По этим собакам!.. Наводи... огонь!

Рраааа, бумм, бууммм. Фалько съезживается от ударов и треска палубного настила. Разрушения ужасны. Шестнадцатилетний будущий офицер военно-морского флота уже успел побывать в крутой переделке – бою у мыса Фини-стерре, однако до сегодняшнего ему еще не приходилось видеть, как жестоко может крушить палубу вражеский огонь. От шкафута бак-борта мало что осталось, кроме щепок, а три из восьми пушек сорваны с лафетов. Вокруг остальных, невзирая на интенсивный огонь, обрушивающийся на этот борт, по-прежнему суетятся люди – охлаждают, заряжают, стреляют, вновь и вновь берутся за тали, чтобы выкатить орудие на боевую позицию, сбрасывают в воду трупы, чтобы не спотыкаться о них, раненых по мере возможности подтаскивают к люкам, чтобы санитары забрали их в лазарет (этим занимается и казначей Мерино: руки и ноги у него все перепачканы чужой кровью). То же самое происходит и на штирборте, только там осталось шесть пушек. С удивлением Фалько замечает, что, несмотря на хаос боя и разрушения, дисциплина по-прежнему сохраняется. Пороховые пажы подбегают, согнувшись, с тяжелыми картузами в руках, передают их орудейной прислуге и снова ныряют в люки. Правда, пушки стреляют не залпами, а вразнобой, как и стрелки, прячущиеся за полуразбитыми бортовыми щитами; правда и то, что сильная зыбь очень мешает комендорам, а слабый ветер не разгоняет дым, однако присутствие офицеров, которые с поднятыми саблями обходят оба борта, воодушевляя людей, а порой и угрожая, если кто-нибудь пытается покинуть боевой пост, удерживает происходящее в разумных пределах. Кроме того, люди разъярены, а это очень помогает в бою. Большинство тех самых крестьян, заключенных, нищих, которых пару дней назад загоняли на борт насильно и которых еще совсем недавно выворачивало наизнанку, сейчас орут во всю глотку, потеряв страх, кроют англичан на чем свет стоит, заряжают и палят по врагу со сноровкой людей, уже давно привыкших проделывать все эти движения и понимающих, что от этого зависит их жизнь или смерть. Страх и злость, убеждается юный Фалько, в правильном сочетании творят чудеса. Сколь бы ни был ничтожен опыт и слаб боевой дух, со временем, побыв под огнем и насмотревшись, как падают убитые товарищи, даже самый малодушный в конце концов начинает с пеной у рта требовать смерти врагу. Особенно если нет другого выхода.

– Что там со штурманом? – спрашивает капитан-лейтенант Орокьета.

Убит наповал, сообщает Фалько; дон Карлос де ла Роча, который чуть повернул голову, чтобы услышать ответ, не говорит ничего, даже не меняется в лице – он просто смотрит перед собой на разбитую палубу, а старший плотник Хуан Санчес (хотя все на корабле называют его не Хуаном и не Санчесом, а Фуганком) докладывает о разрушениях: четыре пробоины чуть выше ватерлинии, дон Карлос, в трюме дыра дюймов на двадцать, и так далее, и так далее. Короче, ваша милость, этих «и так далее» столько, что не перечесать. Юный гардемарин с восхищением смотрит на командира: аккуратный, подтянутый, он, отпустив старшего плотника, начинает снова прохаживаться по шканцам, время от времени поднося к глазу подзорную трубу, и все это так спокойно, будто он воскресным утром прогуливается вместе с семьей по кадисской улице Анча после мессы в храме пресвятой девы Марии-дель-Кармен. Вот что значит настоящий морской стержень. А может, уверенность в том, что, если придется отдать концы, попадешь прямиком на небо или в какое-нибудь другое подобное же место. Может, поэтому дон Карлос де ла Роча не наклоняет головы и даже не вздрагивает, когда новый залп с английского корабля – того, что на левом траверзе (штирбортом они отстреливаются от другого британца, он между траверзом и кормой) – ударяет в бок «Антильи», катакatabуммм-бааа, перекачиваясь вдоль всего борта глухим стуком и треском, и кусок картечи, выбив подзорную трубу из рук капитана, однако не задев его самого, распарывает горло морскому пехотинцу, который, выпустив мушкет, делает пару неверных шагов назад и падает вниз, на палубу. Фалько уже видел своего командира в подобной ситуации – во время битвы у мыса Финистерре, когда они с адмиралом Колдером гвоздили друг друга в тумане. Тогда дон Карлос де ла Роча тоже стоял на шканцах спокойный и невозмутимый, и рассказывают, что он точно так же вел себя и во время боя «Санта-Инес» с «Кассандрой», и у мыса Сан-Висенте, и когда в девяносто третьем со своими морями сражался на суше во время эвакуации из Тулона: будучи вынужден покинуть плацдарм, адмирал Худ (надменный и жестокий, как истинный англичанин) погрузил своих людей на корабли и поджег все, что мог, но отказался принять на борт французских монархистов, и спасали их ценою собственной кожи испанцы, а дон Карлос де ла Роча, в ту пору капитан второго ранга, покинул бухту последним.

– Фалько, пожалуйста, гляньте, как обстоят дела на ахтердеке... Карронады уже давно не стреляют.

Гардемарин отвечает «слушаюсь, сеньор капитан», подносит руку к шляпе, взбегает по одному из трапов, ведущих со шканцев на ахтердек, накрытый огромной тенью нижнего крыльселя и контр-бизани (от них остались только жалкие клочья парусины, раздуваемые ветром), останавливается, пригнувшись, на полпути, когда над фальшбортом трещит мушкетный залп, и осторожно оглядывает панораму: паруса четырех кораблей подразделения Дюмануара, уже еле видные, все больше удаляются курсом зюйд-зюйд-вест, жалкие крысы, а участок битвы являет собой длинную, в несколько миль, полосу порохового дыма, испещренную яркими вспышками и языками пламени, над которой торчат бесчисленные обломанные мачты и зарифленые паруса, и надо всем этим нескончаемо и монотонно ухают орудийные выстрелы. С подветренной стороны «Антильи» дюжина кораблей сражается почти борт о борт. «Бюсантор», флагман адмирала Вильнева, спустил штандарт, и на обрубках его уже несуществующих мачт развеваются английские флаги. Оревуар, мезами^[99].

Короче, сеньора адмирала сделали. Фалько представляет его себе: напудренный парик, кафтан в шнурах и галунах по самые плечи:

– Мы выполнили свой долг перед la patrie, mes garçons. Rien ne va plus^[100]. Так что laissez faire, laissez passer^[101]. То есть laissez les armes, citoyens^[102].

– Pardon^[103]?

– Мы сдаемся, черт побери.

Впереди «Бюсантора», очень близко от него, уже почти без мачт, невзирая на то, что с бортов свисают обломки дерева, разорванные снасти и паруса, «Сантисима Тринидад» отчаянно бьется с тремя англичанами: они окружили его почти вплотную, и им крепко достается от его ураганного огня. Фалько может представить себе, как высшее начальство испанского четырехпалубника – командир эскадры Сиснерос и его капитан, если, конечно, они еще целы – искоса поглядывает на спущенный триколор французского адмирала.

– Обратите внимание, Уриарте. Сколько было всякого «аллонзанфан», «корабль, находящийся вне боя» и прочей чепухи, а теперь посмотрите-ка на Вильнева.

– Но ведь скоро и наш черед, мой генерал.

– Да, но мы-то выдержим подольше, правда? Хотя бы только ради того, чтобы досадить этому лягушатнику.

К норду, мало-помалу дрейфуя, ожесточенно сражается другой корабль – кажется, «Сан-Агустин», а чуть ближе – французский «Энтрепид». Он явно стремится присоединиться к нескольким кораблям, что группируются по ту сторону линии: те немногие из союзной эскадры, кто еще может маневрировать (все-таки некоторым везет), и они пытаются перестроиться либо уйти на норд-ост, в Кадис. А по эту сторону боя, рядом с «Тринидад», но не имея возможности прийти к нему на помощь, «Нептуно» бригадира Вальдеса – бизань-мачты нет, стеньг нет, половина вант оборвана – ведет свой последний безнадежный бой, и огонь с него постепенно затихает.

– Этому конец, – говорит старший боцман Кампано.

И нам тоже, думает юный Фалько, однако не произносит этого вслух. «Антилье» удалось пройти между двумя последними кораблями английской колонны, возглавляемой «Виктори» адмирала Нельсона, и теперь она, почти неподвижная из-за слабого ветра, бьется с ними на расстоянии пистолетного выстрела. Она проскочила в последний момент, буквально за несколько секунд до того, как бессильно обвисли вымпела, флаг и паруса, – но проскочила. И люди немного воспрянули духом, когда на правом траверзе «Антильи» оказался нос ближайшего к ней семидесятичетырехпушечного британца, и командир приказал открыть огонь, и мичман Себриан поднял саблю и, опустив ее, повторил: «Огонь!» – и в то самое мгновение, как пуля, выпущенная из английского мушкета, вонзилась ему в грудь, восемь восьмифунтовых пушек, обе карронады штирборта и обе нижних батареи в упор ударили по англичанину, бумм-ба, бумм-ба, бумм-бааа, прямо в нос, и снесли ему полбушприта, кррррраааа, и превратили в щепки его гальюн и фока-реи, и разбили как минимум две пушки на баке, и наверняка отправили в преисподнюю множество людей. Второй противник, также семидесятичетырехпушечный корабль с британским флагом над контр-бизанью, как только его капитан разгадал маневр «Антильи», лег в дрейф, чтобы защитить свою корму, а батареями штирборта повернуться к испанцам; сейчас он находится у нее на левом траверзе, чуть ли не борт о борт, и методично бьет по ней, перекрывая ей дорогу и не давая возможности прийти на помощь «Тринидад». Однако хуже всего то, что маневр, лишив «Антилью» подвижности (дон Карлос де ла Роча отлично знает классику жанра и по-прежнему готов, пока возможно, уклоняться от абордажа), отдал ее во власть первому англичанину, и теперь он, оказавшись за ее правым траверзом, почти у кормы, безнаказанно крушит ее ахтердек.

Ахтердек. Тут своя беда. Добравшись до него, Фалько – хотя, увидев струйки крови, стекающие по трапу и между балясинами ограждения, он уже догадался, насколько здесь все ужасно – вынужден остановиться и несколько раз глубоко вдохнуть воздух, как вытасченная из воды рыба, прежде чем решиться идти дальше, ступая среди покрывающих весь настил клочьев мяса, веревочных обрывков, искореженных блоков, шкивов, обломков дерева, лохмотьев парусины и человеческих останков. Обеих карронад по штирборту больше нет: они исчезли вместе с десятью человеками своей прислуги, гакабортом, фонарями и флажным шкафом, и на месте, где они стояли, теперь лишь хаос разбитых досок и порванных талей,

обломки одного лафета и еще клочья мяса, и еще кровь. Одна из карронад бакборта сорвана с лафета и перекачивается по настилу при каждом крене корабля, вторую некому обслуживать. Из тридцати пяти человек – комендоров и морских пехотинцев, находившихся на ахтердеке в начале боя, – осталось только с полдюжины гренадеров, которые лежат, укрываясь за обломками, ведут мушкетный огонь; ими все еще командует лейтенант Галера – черный от пороха, как гвинейский негр, он, пригнув голову, ползает от одного к другому на коленях, указывая цели на марсах и реях вражеского корабля. Остальные перебрались через разбитый иллюминатор на нижнюю палубу, спустились в лазарет, пошли на корм рыбам или вносят свой вклад в зрелище, которое теперь являет собой это место и от которого, вместе с тошнотворным запахом горелого дерева, пороха, крови и внутренностей, юного Фалько чуть не начинает выворачивать до самых кишок, пока он ищет взглядом своего товарища – гардемарина Ортиса, поставленного охранять (*я предписываю гардемарину полное, слепое и безропотное повиновение*) флаг, тот самый, что, изодранный, но не спущенный, болтается на ходуном ходящем гафеле. И в конце концов Фалько находит Ортиса на боевом посту: юноша тяжело привалился спиной к тому, что осталось от бизань-мачты, сабля по-прежнему в руке, широко открытые глаза остекленели, бедро кое-как перетянато большим куском рубахи выше огромной рваной раны, через которую так и хлещет кровь, и от качки большая алая лужа перетекает туда-сюда по доскам настила.

Вот любопытно. Когда Хинес Фалько, хлюпая носом (дым, запах пороха, воспоминание об Ортисе, истекшем кровью на ахтердеке), возвращается к командиру с докладом (с флагом все в порядке, сеньор капитан, пока лейтенант Галера там, наверху, вряд ли кому-то удастся его спустить, и так далее), он не думает о поражении. Ему это и в голову не приходит. Потому что все происходит сугубо индивидуально: бой, схватка с двумя семидесятичетырехпушечными британцами, собственные драмы испанских и французских кораблей, сражающихся каждый со своими противниками. Как будто коллективное, общий конечный результат, утратило всякую важность, и единственное, что имеет значение, – это наносить и получать удары, своеобразная общность, возникающая между людьми на корабле и теми конкретными врагами, по которым они стреляют и которые стреляют по ним. Может быть, поэтому, думает мальчик, озираясь по сторонам, людей, которым в эту минуту и секунду ровным счетом наплевать на короля и родину (он сам удивлен, что ощущает нечто подобное, а именно: среди всего этого кошмара и хаоса родина – просто слово, лишенное всякого смысла), заставляет сражаться только одно – стремление отомстить тем, кто расстреливает их из пушек: око за око, зуб за зуб. Разве только понятие «родина» свелось в это мгновение к собственной коже, к жизни, бьющейся в сердце и в голове, к товарищам, которые падают рядом с криками изумления, бешенства и ярости. Криками, взывающими туда, далеко – сегодня очень далеко, – где их кто-то ждет. Сколько матерей, горько покачивает головой юноша, думая о своей. Сколько сыновей, отцов, братьев, сестер и жен сейчас, вот в эту самую минуту, вобразившись на стены Кадиса или на скалы мыса Трафальгар, смотрят на море, в ту сторону, откуда – из-за горизонта – доносится уханье канонады, или в других местах, в своих городах и селах, еще ничего не знают о героизме, трусости, безумии, жизни или смерти тех, кого они любят и ждут. Тех, по ком сейчас звонит погребальным звоном, пронзительно и зловеще, колокол на баке «Антильи», по которому хлещет, проносясь над верхней палубой, английская картечь.

Голос дона Карлоса де ла Рочи отрывает гардемарина от этих мыслей:

– С вами все в порядке, Фалько?

– Так точно, сеньор капитан.

Он замечает, что дон Карлос переглядывается с капитан-лейтенантом Орокьетой. Понятно, читается в этом взгляде, парень много чего насмотрелся на ахтердеке. Однако сегодня выбирать для своих глаз приятные зрелища не приходится. Прааа, бум. Прааа, бум. Свои и чужие пушки продолжают гроыхать, круша рангоут и корпус, убивая людей. Дел очень много, и одно из них – постараться перебить как можно больше врагов, прежде чем

«Антилья» и те, кто на ней еще остался, спускают флаг или пойдут ко всем чертям. Сражаться с честью: вот задача, предусматриваемая уставом для командира корабля, и он обязан выполнить ее с пунктуальной точностью. С честью, которая определяется литрами крови, такой же, как та – чужая, – которой испачканы башмаки, чулки и полы кафтана гардемарина (уж лучше чужая, чем своя, с внезапной злостью думает он). С честью – это означает также повиновение, пока корабль еще способен плыть, зловещему сигналу номер пять, все еще поднятому на остатках фок-мачты «Сантисима Тринидад». И поскольку в этот момент ветер опять начинает набирать силу, Фалько слышит, как дон Карлос де ла Роча говорит капитан-лейтенанту: надо шевелиться, Орокьета, не будем же мы тут сидеть, почесывая свое хозяйство, и ждать, когда нас потопят, поэтому давайте-ка попробуем на тех парусах, что у нас еще остались, обойти мерзавца, который слева, а потом в дрейфе добраться до того, что осталось от «Тринидад». Пусть Сисне-рос, если он еще жив, хотя бы увидит, что мы пытаемся дать ему передохнуть. Орокьета отскакивает, чтобы не угодить под шкив, падающий с мачты (защитная сеть уже давно обрушилась), потом с сомнением качает головой, указывая на англичанина слева: я-то, мой капитан, сделаю все, что вы прикажете, но не думаю, что эта сволочь даст нам пройти, и это не считая того, второго, что за правым траверзом; как только мы развернемся к нему кормой, он вlepит нам продольный, уж извините, в самое очко.

– Это не предложение, Орокьета. Это приказ.

Орокьета больше не пытается возражать, так точно, мой капитан, и отдает соответствующие распоряжения: живо, язви вас в душу, подтянуть шкоты контр-бизани или того, что от нее осталось, крепить концы грот-марселя, брасопить все наверху; и, несмотря на хаотическую суету на палубе – комендоры у своих пушек, стрелки, матросы, производящие маневр, одни стреляют как могут, другие расчищают пространство от того, что мешает больше всего, трупы бросают в воду, раненых подтаскивают к люкам, – старший боцман Кампано (его людям, несмотря на жестокий обстрел, удалось не только сплеснить перебитые брасы и шкоты, но и спустить повисший вертикально рей и сбросить его за борт) начинает орать, перекрывая грохот выстрелов, людей наверх и на подветренные брасы, разрази меня гром, старшие бригад свистят в свои дудки, хлещут плетями тех, кто отлынивает (нескольких человек, пытавшихся укрыться на палубе, вытаскивают оттуда, щедро награждая пощечинами, а морские пехотинцы подталкивают их штыками в зад), и сам командир, невзирая на английские ядра и пули, которые так и носятся в воздухе, переходит то на один, то на другой борт, оглядывает все, а потом смотрит вверх, чтобы удостовериться, что булины чисты и никакие оборванные или перепутавшиеся снасти не погубят их всех, затруднив маневр.

– Ставить фок.

Капитан-лейтенант Орокьета мгновение нерешительно смотрит на дона Карлоса де ла Рочу (фок с самого начала подобран, чтобы в бою не загорелся от огня на баке), но повторяет приказ – сперва сквозь зубы, ладно, как скажете, бормочет он, а потом что есть мочи: брасопь фока-реи с подветренной, да поживее, старший боцман, еще людей наверх, ставить фок, и Хинес Фалько с тревогой видит, как на носу, на баке дон Хасинто Фатас и второй боцман Фьерро подталкивают своих людей к снастям – всех, кого им удалось собрать, четверых или пятерых, но только двое и сам второй боцман осмеливаются подняться, так что сам дон Хасинто, подставляя себя под вражеский огонь, взбирается до половины высоты, выкрикивая распоряжения им и двоим матросам, которые уже были на марсе и которые сейчас, босыми ногами удерживаясь в неустойчивом равновесии на пертах, отвязывают от рея и распускают над палубой огромное парусиновое полотнище. Дзи-инн, дзиинн. Английские мушкеты стреляют без передышки, и несколько испанских морских пехотинцев, еще оставшихся на марсах «Антильи», укрываясь за их бортиками, отвечают огнем на огонь, выстрелом на выстрел, крраа, крраа, крраа, прикрывая своих товарищей.

– Слава богу, что еще есть настоящие парни, – шепотом произносит Орокьета.

Каким-то чудом – так думает, глядя на происходящее, Фалько – никто не падает сверху, и поставить фок удастся. Капитан-лейтенант Орокьета командует: бросить фок с подветренной, подтянуть шкоты (те, что остались); контр-бизань, нижний крьюсель, фок-марсель, грот-марсель и грот-брамсель наполняются бризом, просыпается фок, рулевые налегают на ручки штурвала, выворачивая на нужный курс, и «Антилья» снова начинает двигаться – медленно, с болью, слегка накренившись под ветер, а все три батареи (палубная и две нижних) левого борта опять начинают ожесточенно палить по британцу, что подваливает с этой стороны.

– «Тринидад» сдался, мой капитан.

У Хинеса Фалько замирает сердце. Известие пробегает по всей палубе, и люди, почерневшие от пороха, лоснящиеся от пота, смотрят в подветренную сторону, в бывший центр бывшей франко-испанской линии, туда, где легендарный четырехпалубник, самый мощный корабль на свете, без мачт, с развороченной ядрами палубой, только что сдался после четырех часов ужасного боя. Мать-перемать-перемать-перемать. В этом есть и свой плюс, комментирует капитан-лейтенант Орокьета (практичный, как всегда): теперь нам не нужно спешить к нему на выручку, пробиваясь сквозь англичан. Так что ничего страшного: спокойствие, и давайте займемся спасением собственных шкур. Однако дон Карлос де ла Роча, по-прежнему невозмутимый, движением подбородка указывает на «Нептуно», который продолжает драться неподалеку, с подветренной стороны от «Антильи». Тогда попробуем помочь Вальдесу, говорит он, потому что те, кто громил «Тринидад», теперь займутся им.

– А кто поможет нам?

– Замолчите, чтоб вас...

И тут внезапно откуда-то издали доносится: батабум-ба, бумм-баа. Лейтенант Мачимбарре-на (грузноватый светловолосый сухопутный артиллерист, занявший место убитого Себриа-на), который теперь командует пушками, еще ведущими огонь со шканцев, застывает с саблей в высоко поднятой руке, как и остальные комендоры. Даже Хуанито Видаль опять высовывает голову над трапом. Этот взрыв перекрыл грохот боя, хотя и донесся издалека, с южной стороны, почти с самого конца союзной линии (или того, что от нее осталось), где туча темного дыма от уже давно горевшего корабля теперь превратилась в громадный зловеющий черный гриб. Судно взлетело на воздух – несомненно, оттого, что огонь добрался до его порохового погреба.

– Хотя бы уж англичанин, – не слишком убежденно произносит Орокьета.

Хинес Фалько, испуганный, как и все, смотрит на столб густого черного дыма, потом, переведя взгляд на командира, замечает, что дон Карлос де ла Роча, с виду бесстрашный, неподвижный, добела стиснул пальцы переплетенных за спиной рук. Однако его голос звучит спокойно, когда он, повернувшись к рулевым и старшему боцману Кампано, велит им так держать, с тем чтобы потом, дрейфуя, проскочить под бушпритом англичанина, который находится с подветренной стороны и, видя маневр «Антильи» и догадавшись о ее планах, тоже маневрирует парусами.

– Шкоты нижнего крьюселя подтянуть.

– Слушаюсь, сеньор капитан.

– Контр-бизань на гитовы.

Старший боцман Капано качает головой:

– Невозможно, дон Карлос. Штовы перебиты.

– Сделайте, что можно, старший боцман.

– Как прикажете, ваша милость... Но ведь и от самого паруса мало что осталось.

Командир пожимает плечами. Курс на «Нептуно», приказывает он рулевым. Капитан-лейтенант Орокьета сделал было движение, чтобы высунуть голову над планширом и

посмотреть назад, но потом передумал (там, наверху, свистит и заливается все что угодно, только не музыка) и только бросает на дона Карлоса де ла Рочу взгляд, исполненный беспокойства, вполне понятного Хинесу Фалько. Ведь британец за траверзом с минуты на минуту шарахнет им в самую корму. Обдристаться. Ощущая, как трясутся поджилки и напряглись все мускулы, гардемарин вертит головой, прикидывая, где будет побезопаснее, когда грянет гром. И гром ударяет, бумм, бумм, буммм, треск, сухой стук ядер, врубающихся в транцы и бизань-мачту, палуба под ногами трясется от ударов других ядер и пуль, которые теперь беспрепятственно несутся вдоль всего твиндека, зуууас, зуууас, зуууас, разнося в щепки дерево и звякая о металл пушек. Там же столько народу, успевает подумать Фалько, но потом перестает думать, потому что одно ядро бьет в левый фальшборт, туда, где коечные сетки; в воздух взметывается целая туча лопнувших белых фалов, ключьев от вещевых мешков и брезентовых коек, и по шканцам веером разлетаются острые, как кинжалы, щепки. Удар в спину швыряет Фалько ничком, и он в страхе извивается на досках настила, пытаясь определить, куда его ранило. Но это просто контузия. Приподнявшись, он видит, что капитан-лейтенант Орокьета лежит лицом вниз, голова у него разбита, мозги разлетелись по лафету, с которого сорвало пушку; командир схватился рукой за плечо, из которого торчит чуть ли не полуметровый обломок дерева, шкипер Роке Альгуасас пытается помочь ему, вокруг несколько убитых и раненых – стрелки и комендоры шканцевой батареи, в том числе лейтенант-артиллерист Мачимбаррена, которого казначей Мерино и двое моряков спускают в люк одна нога у него висит, болтаясь лишь на обрывках мяса и кожи, и он кричит так, что кровь стынет в жилах.

В этот момент обрушивается бизань-мачта.

– «Нептуно» спустил флаг!

Хинесу Фалько некогда анализировать свои ощущения, но главное из них – страшное одиночество. Он лишь бросает быстрый взгляд на корабль-соотечественник – от его рангоута не осталось ничего, от артиллерии мало что, корпус разбит в щепки (страшно себе представить, что творится на борту), – который после нескольких часов упорного сопротивления сразу несколькими англичанам только что прекратил огонь. Затем гардемарин снова берется за топор. Вместе с несколькими матросами он отчаянно рубит снасти, удерживающие остатки мачты, которая колыхнется под левым бортом «Антильи», как плавучий якорь, тормозя ее ход и медленно заваливая на свою сторону. Потный, в расстегнутом кафтане, уперевшись одной ногой в стрингер, Фалько, вцепившись обеими руками в топор, рубит и рубит, пригибаясь всякий раз, когда по палубе начинают барабанить мушкетные пули или англичанин на траверзе дает очередной залп. Рубит, стараясь не думать о разбрызганных мозгах капитан-лейтенанта Орокьеты (тело сбросили за борт, но мозги-то остались), да и ни о чем другом. В нескольких шагах от него, на шканцах, дон Кар-лос де ла Роча, теперь без кафтана, с окровавленной повязкой пониже правого плеча, стоит, очень бледный, но с виду спокойный, несмотря на хаос и опустошение, все больше завладевающие испанским кораблем.

– Все, достаточно, сеньор Фалько.

Гардемарин буквально роняет топор и, обессиленный, упирается руками в исхлестанный пулями и картечью планшир. Позади англичанина, расстреливающего «Антилью» справа, видно лучше, потому что сдавшиеся испанские и французские корабли прекратили огонь, и бриз сносит дым, позволяя рассмотреть подробности. С наветренной стороны, где солнце склоняется к затянутому тучами, багровому горизонту, уже и следов не осталось от четырех французских кораблей подразделения Дюма-нуара: они удрали вместе со всеми своими анфан-де-ла-патри на борту. С подветренной – повсюду, насколько можно охватить взглядом, только искалеченные, лишенные мачт корабли: некоторые еще не расцепились со своими захватчиками-британцами, причем многие из этих пострадали ничуть не меньше своих жертв. Кроме «Тринидад», «Бюсантора» и «Реду-табля», Фалько, кажется, угадывает среди сдавшихся испанские «Санта-Марию», «Сан-Агусти-на», «Монарка» и «Багаму», французов

«Фуго» и «Эгль»: некоторые так изрешечены ядрами, что их, как говорится, родная мать не узнает, и просто удивительно, как они еще держатся на плаву. В воде вокруг множество людей, они пытаются взобраться в шлюпки или на крупные обломки дерева, плывут, тонут. Юноша хватается подзорную трубу. Одиночество становится все сильнее, как будто в его сердце небо тоже затянуло тучами. Только к зойду, в конце бывшей союзной линии, какой-то корабль все еще отбивается от четырех или пяти окруживших его врагов: кто-то говорит, что это «Сан-Хуан Непомусено» бригадира Чурруки. А еще с подветренной стороны отчетливо видно, что группа испанских и французских кораблей удаляется от места боя курсом норд-ост, к Кадису, следуя в кильватере «Принсипе де Астуриас», на котором адмирал Гравина, если только он еще жив, поднял несколько парусов и – на единственном оставшемся у него обломке мачты – сигнал общего сбора и отступления; сам же «Принсипе» идет на буксире у одного из французских фрегатов-разведчиков. Адмирал, думает Фалько, наверное, уже приготовил для дона Мануэля Годоя изящную и весьма дипломатичную реляцию об этом сражении. К сожалению, Ваше превосходительство, увы, Ваше превосходительство. Черт бы его побрал. В кильватере у «Принсипе» гардемарин насчитывает десяток испанских и французских кораблей: одни, как и он, израненные, без стеньг и мачт, другие – «Сан-Хусто», «Сан-Франсиско де Асис», «Райо» и французский «Эро» – почти не пострадали.

– Кое-кто отходит без боя, сеньор капитан.

– Да.

– Они что – не видят нас? Не слышат?

Дон Карлос де ла Роча снова пожимает плечами. Вернее, здоровым плечом. Сейчас, говорит его молчание, мне уже наплевать, видят или не видят они нас, слышат или не слышат. Но у него за спиной до слуха Фалько доносится то, о чем шепотом говорят между собой рулевой Гарфия и другие люди в рубке. Нет, это надо же, до чего аккуратненько сматывается Макдоннелл, или Гастон, или черт его знает кто еще, пари держу на что угодно, что на борту у «Сан-Хусто» не наберется и десятка раненых, можно себе представить, как отчаянно они воевали, коллега, а ведь здесь столько дров, что только ленивый не вспотеет. А наш адмирал Гравина просто бросил нас, как окуроч. Что скажешь, а?

– Да уж, крысы наложили в наш рис целую кучу дерьма.

Фалько оборачивается и строго, сам удивляясь, откуда что взялось, приказывает людям замолчать.

– Чертов сосунок, – бормочет Гарфия. Сейчас в районе бывшего центра бывшей союзной эскадры ведут бой только два ее корабля – «Антилья» и француз «Энтрепид». Он чуть дальше под ветром и в лучшем положении и, пользуясь этим, пытается присоединиться к кораблям, уходящим вместе с «Принсипе». Но даже отступая, думает Фалько, капитан Энфернэ не посрамляет имени своего корабля^[104]: хотя его грот-мачта рухнула в море и теперь тащится следом, замедляя ему ход, он обоими бортами отстреливается от трех британцев, а на обломке бизань-мачты развевается флаг. На «Энтрепиде» уцелела лишь одна мачта, и это ее паруса еще дают ему возможность хоть как-то двигаться. Может, ему удастся уйти, думает Фалько, ощущая себя еще более одиноким и беззащитным. Потому что «Антилья» вряд ли сумеет сделать то же самое – перебраться на ту сторону линии и догнать тех, кто уходит, взяв курс на Кадис и на спасение. Нас бросили, нас оставили, как крыс помирать заставили, напевает себе под нос один из рулевых. И, слыша это, гардемарин чувствует, как его охватывает отчаяние. Они далеко от всех, корабль сильно поврежден, а на пути чересчур много врагов: те, кто преследует «Энтрепид», те, кто только что захватил «Нептуно», ближайшие противники самой «Антильи» плюс все остальные, которые, покончив со своими делами, сбегутся, как волки, чтобы добить одинокого испанца. Но кто знает. Несмотря на рану, дон Карлос де ла Роча по-прежнему на шканцах. А он свое дело знает хорошо. Сейчас, освободившись от своего плавучего якоря – бизань-мачты, «Антилья» – старший боцман Кампано и его люди

сплеснивают брасы, ставят новые канаты и перлины, натягивают штаги, чтобы не дать завалиться оставшимся мачтам (грот-мачта держится только чудом-, в нее угодило несколько ядер, ванты кое-где перебиты) – медленно, с трудом идет на парусах фок-мачты: шкоты грот-марселя обвисли, ветер три румба со штирборта, израненный корпус скрипит и стонет от качки, но «Антилья» движется вперед, мало-помалу отрываясь от двух англичан, с которыми дралась все это время. Тот, что находился у нее за правым траверзом, лишился бушприта, грота-рея и верхней части фок-мачты начиная с первого марса; теперь он неподвижен и, похоже, не собирается маневрировать. Второй ослабил огонь, лег в дрейф и пытается укрепить мачты. А вдруг у нас получится, думает Фалько с внезапным всплеском надежды, вглядываясь в лицо командира, ища подтверждения. И он не единственный, кто это делает. Дон Карлос де ла Роча, бледный от потери крови, вроде бы не замечая устремленных на него взглядов (а может, именно из-за них), по-прежнему стоит во весь рост на шканцах среди путаницы перебитых канатов и тросов, обломков дерева, обрывков разодранных в клочья парусов, среди людей (их все меньше, они все больше съеживаются и все неохотнее поднимаются), которые продолжают как могут стрелять из пушек и мушкетов, стоит, нахмурившись, стараясь оценить одновременно и направление, и силу ветра, и курс корабля, и дислокацию врагов, словно бы пытаясь отыскать взглядом ту щелку, в которую «Антилья» могла бы проскочить среди англичан и соединиться с кораблями, уходящими в сторону Кадиса.

– В трюме тридцать дюймов воды, дон Карлос. И шесть пробоин прямо по ватерлинии... Откачивать пока удается. Все мои люди на помпах.

Это старший плотник Фуганок, измученный, весь мокрый ниже пояса, вновь появился на шканцах с докладом. С тех пор, как начался бой, он со своими помощниками и конопатчиками, нагрузившись пластырями, паклей и смолой, неустанно обходит все закоулки корабля, твиндеки и даже льяла, латая пробоины.

– В каком состоянии корпус?

– Под контролем, только кое до чего не можем добраться – у бушприта, на ахтерштевне и в портах.

– А штурвал?

– Теперь лучше. Мистеры перебили нам один штуртрос, но мы поставили запасной.

– А что в лазарете?

– Не спрашивайте, дон Карлос. Яблоку негде упасть. Кстати, вот только что притащили самого молоденького гардемарина... Ну, того паренька со второй батареи.

– Хуанито Видаля?

– Его самого. Вот бедолага... Оторвало обе ноги. Кровь так и хлещет.

Командир, отсутствующе глядя перед собой, молчит, движением головы отпускает плотника. Потом оборачивается к Фалько (который, услышав, что случилось с Хуанито Видалем, побледнел как мел) и – не сразу, словно чуть поколебавшись – указывает вверх, на разрушенный ахтердек, где ни лейтенант Галера, ни кто другой больше не подают признаков жизни. – Нужно поднять флаг, – говорит он. Гардемарин смотрит в суровое лицо командира, потом туда, куда он указал. И тут он перестает думать о Хуанито Видале (мать и сестренки, машущие ему из лодки напротив Ла-Калеты, отец на растерзанной «Багаме», которую только что захватили англичане), потому что начинает понимать. Рухнувшая за борт бизань-мачта увлекла за собой и развевавшийся на гафеле флаг.

– Чтобы эти собаки не подумали, будто мы сдаемся.

Фалько понимает все и отвечает: есть, сеньор капитан (полное, слепое и безропотное повиновение, и так далее). Потом идет к ящику с запасными флагами – тот стоит в штурманском шкафу (так же издырявленном картечью, как и его покойный хозяин), – берет красно-желтый флаг, пересекает шканцы, стараясь не слишком пригнуться (все-таки флаг –

это флаг), привязывает его к одному из уцелевших фалов и, чувствуя, как душа в нем леденеет, вздергивает на грот-брам-стенгу. Теперь он подозревает, что дон Карлос де ла Роча не надеется выбраться отсюда. Весь вопрос в том, думает гардемарин, видя, как заполоскал на ветру испанский стяг (огонь с ближайшего английского корабля становится еще яростнее), сколько еще жертв готов принести командир, прежде чем спустить его или пойти ко дну, во сколько еще арроб крови обойдется честь корабля, находящегося под его началом. Или (согласно Уставу Королевского военно-морского флота от 1802 года) до какой степени он собирается обеспечить себе перед трибуналом защиту от обвинения в сдаче или потере корабля.

– Почему только сто убитых и двести раненых?.. Вам было так уж трудно, капитан Де ла Роча, поднять эти показатели до двухсот убитых и четырехсот раненых?

– Я старался, сеньоры адмиралы.

– Ах, вы старались?.. Честное-распречестное слово?

Думм, думм, думм. В этот момент, как будто враги решили расставить все точки над *i*, слышатся новые залпы. Думм, думм, гроыхает на баке. Взглянув туда и немного левее, гардемарин видит приближающиеся паруса другого британца, который после боя с уже сдавшимся «Нептуно» спешит принять участие в расправе над «Антильей». Чтобы ее командиру было легче оправдаться перед трибуналом. Теперь их трое: тот, что за кормой, тот, что слева (заметив появление еще одного коллеги, он приободрился и теперь меняет галсы, чтобы пристроиться поудобнее и продолжить бой), и вновь прибывший: он впереди, с подветренной стороны, и, таким образом, преграждает все возможные пути у отступлению. Фалько различает на его корпусе три желтых полосы: трехпалубник. Вот тут нам и славу поют, думает он: и «Антилье», и мне. *ite, misa est*^[105]. И, уже без всяких комплексов бросаясь ничком на дощатый настил, чтобы укрыться, мальчик собственным телом ощущает, как врубаются в бок корабля все новые и новые ядра, сотрясая дубовые шпангоуты, отчего корпус трещит и скрипит по всей длине, как будто вот-вот рассыплется, а над палубой свистят щепки, обломки металла, превратившиеся в картечь, ядра и пули, которые крушат и убивают, рвут ваны и штаги бизань-мачты, и та начинает качаться от борта к борту – медленно, словно против воли, – а потом разламывается в десяти футах над пяртнерсом и рушится с бесконечно долгим «кrrааааа» вместе в несколькими матросами и морскими пехотинцами, которые еще находились наверху, и падает в море, увлекая за собой громаду спутанных снастей, обломанных реев и ключьев парусины.

11. Флаг

– На нос!... Всем на нос! Там абордаж!

Услышав этот крик, катящийся вдоль всей первой батареи вместе с хлопками пистолетных выстрелов и звоном холодного оружия где-то в глубине, Николас Маррахо ощущает, как вся кожа у него покрывается мурашками. И нельзя сказать, чтобы от страха, потому что теперь, после всего, что уже случилось и что происходит вокруг вот уже несколько часов, страх превратился в нечто смутное, неопределенное, его заглушили чувства более живые, которые поднимаются из самой глубины его, Николаса Маррахо, существа. Точнее это бесконечная ярость, бесконечная ненависть ко вселенной вообще и к англичанам в частности – к ним и к той суке-матери, что породила их всех. Мать-перемать-перемать, безостановочно и беззвучно шевелит барбаatineц пересохшими, потрескавшимися губами; время от времени он увлажняет их грязной водой из того самого ведра, где его товарищи мочат банник, чвак, чвак, чвак, чтобы охладить канал ствола пушки, из которой они стреляют, потом откатывают, заряжают, снова подкатывают к порту и опять стреляют – раз за разом, уже отработанными движениями, повторенными за время боя столько раз, что они стали механическими, точными и почти безразличными. Думм, думм, думм, стреляет враг. Бумм-ба, бумм-ба, бумм-баа, отвечают свои пушки. Желто-черный борт английского корабля совсем близко – кажется, его можно коснуться

рукой. Здесь, слева. Батарея, на которой порою все застилает дым, проникающий через порты после каждого выстрела, трещит и скрипит от качки вместе с израненным корпусом «Антильи», вибрирует от своего и чужого грохота, содрогается, когда в дубовые доски врезаются все новые ядра, гремит криками комендоров, требующих пороха или ядер, воплями раненых, хлопками мушкетов: это стрелки в перерывах между орудийными залпами высовываются и стреляют по вражеским портам. Крраа, крраа. Кровь на полу, кровь на стенах – кровь на различных стадиях свертывания, – кровь на босых ногах Маррахо и на его рваных, грязных штанах. Охрипший от криков, оглохший от пушечных выстрелов, с саднящим горлом, глазами, покрасневшими от того же самого порохового дыма, что закоптил его лицо, с блестящим от пота торсом и ободранными руками, барбатинец сражается рядом с товарищами, которых ему послали жизнь и судьба, в зловещем полумраке нижней палубы «Антильи». И, подобно им, тоже не знает, идет дело к победе или к поражению, то есть не знает, что происходит снаружи, вокруг, на палубе или где бы то ни было. Да, впрочем, ему это и ни к чему.

– К портам!.. Разбирайте оружие – и к носовым портам!

Трам-трататам, трам, трам, монотонно стучит барабан рядом со стволом грот-мачты. Немного растерянный Маррахо видит, как двое из расчета его пушки, схватив по пике и тесаку, присоединяются к толпе, которую несколько капралов и молоденький артиллерийский лейтенант, командующий этой частью батареи, толчками направляют к носу, откуда доносится все усиливающийся лязг ножей и сабель. Судя по всему, один из английских кораблей подошел к «Антилье» достаточно близко, чтобы высадить на нее своих людей через гальюн и порты скулы по бакборту. Основной абордаж происходит на верхней палубе и второй батарее, однако порты первой (самой нижней) от англичанина тоже рукой подать, так что через них обороняющиеся палят из пистолетов и отбиваются штыками и пиками, стараясь заставить врагов отступить. Стреляют даже через якорные клюзы. Отбросить противника, кричит молодой лейтенант, указывая саблей вперед, подталкивая комендоров, которые повинуются с явной неохотой, а морпехи, стоящие на страже у люков, ведущих еще ниже, на орлопдек, ударами отпихивают тех, кто, бросив свои пушки, пытается укрыться внизу (один, получив удар прикладом в лицо, пьтится, зажимая его руками и выплевывая окровавленные зубы, почти до того места, где стоит Маррахо). На нос, на нос, на нос, выкрикивает лейтенант. Сбросим этих сволочей в воду. Да здравствует Испания, и так далее. Вперед. Приклады карают трусивших и неповоротливых. Трам, трататам, гремит барабан: юноша – почти мальчик – в форме сухопутного артиллерииста выстукивает палочками по его коже, устремив взгляд куда-то вдаль, в пустоту, будто он не здесь, а где-то совсем в другом месте. А может, он и вправду не здесь. А молоденький лейтенант разгорячился, не исключено, что прикидывается, но видно, что он душой болеет за дело, шустрый паренек, и даже тычет концом сабли в шею наиболее нерешительным. Или ты будешь драться, или я прирежу тебя на месте, сукин ты сын. Давай. Туда, живее. Так что Маррахо, как и другие, идет к куче оружия, выбирает абордажный топор, немного колеблется, ощутив в руке этот мясниц-кий инструмент, и в конце концов, сам не зная, зачем и почему, ошалело бредет в носовую часть, по пути уворачиваясь от тяжелых лафетов еще стреляющих пушек, а там толчками и пинками прокладывает себе путь среди хаоса людей, пистолетных выстрелов, ударов сабель и пик. Вторая батарея дерется отчаянно, стараясь отбить атаку проникающих через порты англичан.

– В воду!... Сбросьте этих собак в воду!

Этих собак. И тут страх, ошетиливший все волосы на теле Маррахо (от слова «абордаж» перед его мысленным взором возникают ужасные образы: сталь, рассекающая мясо и ломающая кости), почему-то проходит, уступая место внезапно полыхнувшему зловещему веселью. Новому взгляду на вещи. Наконец-то. Вот они – близко, лицом к лицу. Наконец-то он видит этих англичан, этих сукиных детей. И, несмотря на вполне естественное отвращение к происходящему, он вдруг осознает, что такой подход к вопросу ему по душе. Это надо же – кто бы мог подумать. Среди суеты товарищей, возящихся со своими пушками, среди дыма

сражения он наконец видит – всего в нескольких футах от себя – англичан, их лица в портах вражеского корабля, их красные кафтаны морских пехотинцев, блеск сабель и штыков, обнаженные плечи их комендоров, светлые, рыжие и темные бакенбарды, распахнутые в крике рты, головы, обвязанные платками, безумные глаза, пистолеты и мушкеты, видит этих бесстрашных наглецов, которые, вцепившись в испанский корабль, рвутся внутрь него. И вопреки самому себе, вопреки своему инстинкту самосохранения (который, тоже вспышками, подталкивает его поднять топор на часовых, чтобы просочиться в какой-нибудь люк и спрятаться внизу), Маррахо приходит к выводу, что ему жутко хочется перебить всех англичан – перебить лично, одного за другим. Покромсать их топором, хрясь, хрясь, всю эту сволочь, чтобы отомстить: сперва за себя, а потом за беднягу Куррийо – Курро Ортегу, своего закадычного дружка, который сейчас общается с рыбами, вот ведь не повезло парню (когда вернусь, мельком проскакивает мысль, придется трахнуть Марипепу, его невесту, в порядке утешения – все-таки друг есть друг), и за капрала Пернаса, и за всех тех, кто уже отправился на тот свет и кому еще предстоит туда отправиться, отомстить, чтобы выплеснуть из сердца и из самого нутра неумную злость, застилающую ему глаза при виде этих гадов. Этих белобрысых и рыжих бледных подонков, которые уже столько времени долбят их своими ядрами, а теперь вот, мать их за ногу, вздумали пробраться к нам через порты, сукины дети, надменные скоты. Я вам глотки перережу, яростно ревет – или думает – Маррахо. Я не я буду, а перережу. А потом всажу этот топор вам в задницу. Он плюет на одну, потом на другую ладонь, крепче ухватывает рукоятку топора, расталкивает товарищей, чтобы освободить себе местечко, прислоняется спиной к пушке. И когда англичанин в синем кафтане, с пистолетом в руке, хватается за оборванные снасти, чтобы взобраться наверх, Маррахо, наполовину высунувшись из порта, с размаху всаживает топор ему в брюхо и вопит от радости, когда тот, отцепившись, падает между бортами обоих кораблей, воя, а требуха вываливается из него на лету, метр за метром, вот так, сучий потрох, так тебе и надо, мать твою, одним меньше, паскудная рожа, это я его, я, я сам, мать-перемать-перемать, и тут в нескольких дюймах от его головы полыхнуло, что-то горячее проносится, жужжа, чуть не обжигая, мимо его щеки, и прямо перед собой он видит перекошенное лицо другого англичанина: на сей раз это молоденький офицер или гардемарин, хорошенький мальчик, который только что выстрелил в него, промазав буквально чуть-чуть, а теперь, обернувшись к своим, кричит, гоу, харриап^[106], вот ведь крысеныш, гоу, гоу, и вместе с ними прыгает, как кошка, к порту, хватаясь за свисающий обрывок снасти, готовый вскарабкаться по нему, или забраться вовнутрь, или черт его знает что еще, восемь или десять врагов бесстрашно лезут вверх, а еще столько же, высовываясь из портов британского корабля, прикрывают своих мушкетными и пистолетными выстрелами, полный кошмар, ад кромешный, борта обоих колышаемых зыбью кораблей трещат, стучаясь друг о друга, топот ног, удары сражающихся на верхней палубе, кровь, стекающая сквозь решетчатый настил. И тут кто-то отталкивает Маррахо в сторону (это испанец, морской офицер, судя по синему кафтану и эполетам) и, выставив ствол пистолета в порт, залепляет английскому крысенышу, хрен его знает, офицеру или гардемарину, хороший заряд свинца в самое туда, а потом, высунувшись сам, отмахивается саблей от других, так их, кричит он, так их, сволочей, мать их за ногу, и за ним другие матросы и морские пехотинцы, ревя во всю глотку, высовываются в порты и схватываются с англичанами, кто в штыки, кто на тесаках, кто палит из пистолетов, бум, бум, бум, и среди этих людей Маррахо, будто в непрекращающемся кошмаре, видит себя: он тоже наполовину высунулся наружу, между двумя огромными корпусами кораблей, которые то сталкиваются, то отдаляются друг от друга, то вновь сталкиваются, сухо стуча и треща, а внизу, так близко, что до него долетают брызги, плещется вода, и, вцепившись обеими руками в рукоять топора, он, словно обезумев, рубит направо и налево, хрясь, хрясь, хрясь, рубит все, что двигается и шевелится перед ним и в пределах его досягаемости, так вам, гады, сволочи, и отрубает руку англичанину, ухватившемуся было за обрывок снасти: отрубает чуть ниже локтя (топор со стуком вонзился в дерево) одним ударом, точным, как удар мясника, рубящего говядину на доске, и видит, как эта рука отлетает и падает

– в одну сторону, а британец в другую, дико вопя на своем гадском наречии, – шмяк, плюх, между обоими кораблями, а там, внизу, уже до черта народу, кто тонет, кто плывет кое-как, окрашивая воду алой кровью, льющейся из их ран и разодранных тел, прямо как тунцы, когда их ловят где-нибудь у Саары.

– Они отступают!.. Да здравствуют Испания и господь бог!.. Так их, этих собак, они отступают!

И это правда, убеждается разгоряченный Маррахо, те англичане, что карабкались на борт, теперь все в воде, а другие, что лезли в порты, попрятались за стенками и пушками, и по желтым полосам мистера льется кровь, и волны, а может, маневр, или что бы то ни было, немного разводят корабли, и с верхней палубы доносятся победные крики по-испански, и несколько британцев, которым удалось (а может, они еще только пытались) пробраться через другой порт, отчаявшись, норовят перепрыгнуть на свой корабль, тех же, кому это не удастся, убивают – толпа разъяренных испанцев кромсает их ножами и саблями, а то, что осталось, выбрасывает в море. И тут Маррахо, чуть придя в себя, всматривается в офицера, только что дравшегося бок о бок с ним, и говорит себе: ну и дела, как оборачивается жизнь – это же дон Рикардо Макуа собственной персоной, бывает же такое, весь растерзанный, кафтан нараспашку, один эполет рассечен сабельным ударом, но старший лейтенант живой и вроде бы даже не ранен, вот ведь дьявольщина. Рядом, рядом, рядом со мной, прямо как в той песенке Росио Хурадо^[107] (этой молоденькой девочки из Чипионы, которая только начинает петь).

А ведь у меня с этим молодцом какое-то дело, думает он, скребя в затылке, что же это такое было, черт, вроде как старые счета или хрен его знает. Не помню. И он стоит, опустив топор, с которого капает англосаксонский гемоглобин, стоит и пытается вспомнить, вот ведь незадача, и тут его мысли прерывает сам дон Рикардо – хлопает его по спине, его и других, кто столпился поблизости, между пушками и портами, и говорит: ну, ребята, молодцы, и я тоже не подкачал, а теперь подсобите-ка, а ну, живее, наших мертвецов тоже в воду, раненых вниз, а мы сейчас пальнем из этой чертовой пушки, шарахнем этим сволочам в задницу, чтоб больше не возвращались, мать их так. А потом картечью – на таком расстоянии сам бог велел. И вот, даже не успев подумать, как и что, Маррахо видит себя – словно издали, в замедленном темпе, как пьяный – бок о бок с офицером, видит, как они вместе тянут тали, чтобы откатить огромную тридцатишестифунтовую пушку. Он еще силится вспомнить. Тут рядом появляется пороховой юнга (совсем мальчонка: грязное, бледное от страха личико, безумный взгляд, под носом сопли) и сует ему в руки очередной заряд; подхватив обеими руками брезентовый мешочек, Маррахо идет с ним к жерлу пушки, сует его внутрь, отходит в сторону, чтобы другой комендор уплотнил заряд прибойником, наклоняется за мешочком картечи, напрягая почки, поднимает его, засовывает на место, пыж, снова прибойник, тали, ну-ка, дружно, кричит дон Рикардо, давай, давай, раз-два, раз-два, раз-два. Мы разделаем их, как бог черепаху. Всех этих подонков йес-вери-гуэл, размажем их, а их баб перетрахуем, потому что все они шлюхи. Когда пушка готова к бою и ее жерло снова торчит из порта, Маррахо наклоняется, чтобы закрепить таль. Потому что все они шлюхи, повторяет он. Теперь он проделывает все необходимые движения (он уже столько раз проделывал их с тех пор, как началась вся эта потеха), как опытный комендор. А может, он и есть опытный комендор. А повернувшись, видит прямо перед носом закопченную порохом улыбку старшего лейтенанта, преспокойно раздувающего запасной фитиль (затвор уже давно полетел к чертовой матери). Маррахо тоже улыбается – свирепо, с какой-то ожесточенной симпатией. Потому что все они шлюхи, повторяет он. Они у нас получают, сквозь зубы цедит офицер – он говорит это ему, Маррахо, и улыбается еще шире, а потом наклоняется над казенником, прищуривает один глаз, немного сгибает ноги, чтобы скомпенсировать качку, и целит в раскрашенный черными и желтыми полосами бок, который колышется прямо перед ними, в десяти-двенадцати саженьях, а тем временем один из комендоров вводит протравник в запальное отверстие пушки, затем подсыпает из

пороховницы запального пороха. Это подарочек Нельсону и его суке-мамаше, кричит дон Рикардо, поднося фитиль. С богом. И когда все отодвигаются, и ядро вылетает, бум-ба, и пушка встает на дыбы, норовя оборвать тали, Николас Маррахо вдруг вспоминает, что за счеты у него со старшим лейтенантом Макуа. Ну ни хрена себе. Бывает же такое. Стародавние – как будто сто лет назад – счеты, на которые сейчас, вдруг обнаруживает он, ему наплевать с самой высокой колокольни.

Человек, спустившийся на первую батарею, коренаст, неуклюж, у него редкие волосы, на носу пенсне. Он в коричневом суконном кафтане – изодранном, испятнанном засохшей кровью, шляпы нет, лицо черно от пороха. Николас Маррахо (он по-прежнему при доне Рикардо Макуа, при его пушках – нижняя палуба, носовой отсек) видит, как он неловко обходит лафеты, разный мусор, щепки и перебитые снасти, потом останавливается, нерешительно озирается по сторонам, вглядываясь в царящий на батарее хаос, затем еще медленнее идет дальше среди ключев дима, заносимого ветром в порты после каждого своего или вражеского выстрела.

– С вашего разрешения, дон Рикардо. Теперь командир корабля – вы.

Старший лейтенант удивленно оборачивается. Что с командиром, спрашивает он с таким лицом, будто заранее знает ответ. Вновь прибывший (некий Бонифасио Мерино, казначей «Антильи») мотает головой. На орлопдеке, говорит он. Мы его только что спустили туда. У него и так одна рука была повреждена, а тут еще картечь в грудь и в голову. Состояние очень серьезное, но он пока говорит. Залпом снесло шканцы, ранило его и шкипера и убило рулевого Гарфию.

– А что со старпомом?

Казначей снова качает головой (Маррахо он кажется безумно уставшим). Дона Хасинто Фа-таса, сообщает он, тоже убили – на баке, пока мы отбивались от абордажа. Вы – самый старший морской офицер на борту.

– Как дела наверху?

– Плохо.

Дон Рикардо опирается на пушку и смотрит на Маррахо; тот отводит глаза. А я-то, мол, тут при чем. Я просто так, проходил мимо. Офицер чуть наклоняется и смотрит на доски под ногами; похоже, эта новая ответственность ему в тягость. Потом, обернувшись, он кричит, подзывая молодого артиллерийского лейтенанта, который, прихрамывая, ковыляет по батарее с саблей в руке, подбадривая комендоров и словно не замечая, что по голенищу его левого сапога течет кровь. Огоньогоньогонь, снова и снова повторяет он, как сумасшедший. Дон Рикардо говорит ему, что идет вверх, а лейтенанту велит принять командование батареей на себя и стараться сделать все, что возможно. Лейтенант отдает честь – а глаза где-то далеко, будто он даже не слышал, что ему говорят (похоже, он сильно опьянел от пороха) – и, хромя, идет дальше, в кормовой отсек, громко командуя, огоньогоньогонь, а рядом со стволом грот-мачты продолжает стучать барабан. Дон Рикардо одергивает кафтан, застегивает его на все пуговицы и, вынув из-за манжета платок, проводит им по лицу. Он больше не улыбается, как прежде, замечает Маррахо. Услышав в свой адрес слово «командир», он будто состарился. И, глядя, как он удаляется в сопровождении корабельного казначея, Маррахо вдруг чувствует себя таким беззащитным, что озирается по сторонам и видит всех этих людей, потных, обезумевших, которые по-прежнему заряжают, толкают и стреляют в полумраке нижней батареи, видит мальчишек, которые снуют между люками, ведущими к пороховому погребу, и пушками, таская под мышками зарядные картузы, видит измученных парней, откачивающих воду помпами, видит кровавый след, оставляемый ранеными, которые с воплями исчезают в люках трапов орлопдека, словно поглощаемые чревом корабля или морем. Все больше фигур съезживается за деревянными переборками, за барабаном кабестана, за стволами мачт в стремлении уберечь тело от несущегося снаружи огня. Однако, несмотря на то, что происходит

наверху, Маррахо безумно хочется увидеть солнечный свет. Он слишком долго проторчал во чреве этого гигантского гроба. А некоторое время назад, когда он помогал спустить в люк комендора, которому щепками выбило оба глаза (несчастный визжал, как свинья под ножом), ему довелось заглянуть во врата ада, на орлопдек – в лазарет. Тела, тела, тела, громоздящиеся чуть ли не друг на друге в свете фонаря, неподвижные и извивающиеся от боли, тошнотворный запах рвоты и дерьма, окровавленное мясо, среди которого движутся хирург и его помощники и ампутируют, ампутируют, ампутируют. И – самое страшное – бесконечный протяжный хор криков и стонов, вырывающихся из горл десятков агонизирующих, отчаявшихся людей, которые утонут, как крысы, если корабль пойдет ко дну. Уж лучше, решает Маррахо, пусть наверху мне снесет голову ядром, и сразу в рай к ангелочкам, или в ад, или в чистилище, или еще куда. И, больше не задумываясь, следует за доном Рикардо Макуа и казначеем.

На палубе творится такое, что просто душа в пятки. Вокруг сплошь британские флаги – одни над английскими кораблями, другие над захваченными испанцами и французами, которые, оставшись без мачт и парусов, с изрешеченными боками, дрейфуют по воле волн. За исключением «Антильи» и другого судна, под французским флагом, которое, по всей видимости, пыталось пробиться в сторону Кадиса, но сейчас потеряло последнюю мачту, а с ней и надежду на бегство, больше не сражается никто. В отдалении виднеются паруса десятка французских и испанских кораблей, уцелевших в катастрофе: они с трудом тащатся на норд-ост следом за «Принсипе де Астуриас», которого волокут на буксире французские фрегаты, поскольку сам он остался без мачт. А корабль, так и не сумевший присоединиться к ним – говорят, что это «Энтрепид», – лишившись единственной мачты, на которой мог поставить хоть какие-то паруса, теперь обездвижен и приговорен, хотя люди на нем, похоже, решили дорого продать свою шкуру, потому что он все еще активно отстреливается от пяти англичан разом.

– Этот француз тоже не лыком шит, – замечает кто-то.

Что до «Антильи» – она потеряла фок-мачту и бизань-мачту, на грот-мачте сорвало стеньгу, а сама повреждена ядрами и лишь чудом удерживает марса-реи, – то ее положение, в общем-то, ничуть не лучше, чем у француза. Сейчас она отбивается от трех англичан, один из которых – тот самый трехпалубник, что недавно пытался взять ее на абордаж; он держится между ее скулой и траверзом, стреляя кое-как, потому что его орудия и их прислуга сильно пострадали от испанских ядер (невооруженным глазом видно, что из его шпигатов стекает в море кровь), так же как и мачты со снастями, а паруса бизань-мачты, рухнувшие за правый борт, не дают ему возможности вести огонь всеми батареями. С подветренной стороны от «Антильи» – другой англичанин, двухпалубник, очень крепко потрепанный, без фок-мачты, грота-рея и бушприта; говорят (сам Маррахо на своей нижней батарее не видел почти ничего), проходя перед его носом, ему хорошо вмазали продольными, но потом, дрейфуя, он сумел встать впереди – или почти впереди – «Антильи», отрезав ей путь к отступлению. А еще один вражеский трехпалубник, мощный, совсем свежий, почти целехонький, расположился на ее правом траверзе на расстоянии пистолетного выстрела (высоченный, окутанный дымом своих батарей, он похож на утес, выступающий из тумана) и палит себе всем бортом, да к тому же на ахтердеке у него стоят карронады, и их картечь, выпущенная с более высокого уровня, чем палуба испанского корабля, покалечила последние еще способные вести огонь пушки на баке и шканцах. Что же касается общего состояния корабля, то, как сообщили дону Рикардо Макуа гардемарин Фалько (у парня явно отлегло от сердца, когда он увидел, что из люка вылезает новый командир), старший боцман Кампано и старший плотник Фуганок, дело плохо: одиннадцать пробоин по ватерлинии (одна из них рядом с гелмпортом, и вода поступает в камеру оружейного мастера), рудерпис поврежден двумя попаданиями, многие снасти перебиты и обвисли, грот-мачта (единственная оставшаяся) так изрешечена, что едва стоит, а сам грот держится только на ликтросе, штаги и почти все ванты сорваны, так же как тросы и канаты, которыми их заменили. Это не считая того, что восемнадцать пушек разбито, в трюме много воды, а все четыре помпы работают на пределе возможностей.

– Сколько у нас убитых?
– Пока что-то около семидесяти. И раненых сотни две.
– А как командир?
– Жив, время от времени приходит в себя... – Гардемарин Фалько умолкает, мнется. – И, с вашего позволения, дон Рикардо, он велел сказать вам, что выполнил свой долг, а теперь чтобы вы исполняли свой... Чтобы не сдавали корабль, пока он еще может держаться.

– Понятно.

Сдаться. Услышав это слово (до сих пор, несмотря ни на что, оно не приходило ему в голову), Николас Маррахо смотрит на офицера, который обегает взглядом царящий вокруг хаос, порванные снасти, разбитое дерево, обломки, колышущиеся на воде, сорванные с лафетов пушки и сами лафеты, превращенные в кучи щепок, потоки крови. На краю разрушенного шкафута, над провалом палубы, валяются четыре-пять трупов (похоже на тушеный рубец с горохом, приходит в голову барбатинцу), которые никто не осмеливается прибрать. На палубе «Антильи» больше никого не осталось в живых, кроме тех, кто худо-бедно укрывается за стеной шканцевой рубки – жалкого убежища от беспощадного огня английского трехпалубника, находящегося справа. Уцелевшие спустились в твиндек, откуда продолжают грохотать пушки, или сбились в кучку вокруг старшего лейтенанта Макуа, кое-как прячась под остатками ахтердека, рядом с обломком бизань-мачты и нактоузом, залепанным кровью старшего рулевого Гарфии, и надсмотрщик Онофре, которому пришлось встать к штурвалу, старается изо всех сил, но руль почти не слушается. Здесь старший боцман Кампано, старший плотник Фуганок, второй штурман Наварро, четверо матросов, вооруженных саблями и мушкетами, гардемарин Фалько, казначей Мерино (по-прежнему занимаясь ранеными, он, кроме того, неутомимо носится между шканцами и твиндеком, передавая приказы, чтобы ориентировать огонь батарей) и сам Маррахо. Если мистеры снова попрут на abordаж, думает барбатинец, плохо нам придется – людей-то почти нет. А снизу вряд ли кто поднимется, чтобы подсобить, потому что кому охота соваться сюда, на палубу, когда здесь такое. И тут он видит, что дон Рикардо Макуа, взглянув на солнце, едва различимое на багровом небе, приподнимает красный отворот кафтана, сует руку в карман камзола и, достав оттуда серебряные часы, флегматично смотрит на циферблат. Половина шестого, говорит он. Мы деремся уже больше трех часов. Потом некоторое время молчит, глядя на стрелки отсутствующим взглядом, и наконец произносит со вздохом, пряча часы в карман: люди держались хорошо. Потом смотрит на грот-мачту, укрепленную запасными железными штырями от кабестана (кто-то замечает: если остатки грота завалятся на правый борт, придется там прекратить огонь, чтобы не устроить пожар) и на старшего боцмана Кампа-но. Тот качает головой в ответ на вопрос, так и не заданный новым командиром «Антильи», но отлично понятый всеми, не исключая Маррахо. Из этого переплета нас не вытащит даже пресвятая дева Мария-дель-Кармен.

– Фуганок.

– Слушаю, дон Рикардо.

– Сколько воды в трюме?

– Три фута и еще чуток.

– Мы продержимся на плаву?

– Все зависит от обстоятельств... Сколько времени, если позволите полюбопытствовать?

– Еще четверть часа.

Люди, оставшиеся на шканцах, переглядываются. Маррахо понял смысл и этого вопроса. Старший лейтенант Макуа просит у старшего плотника немного времени – столько, чтобы потом никто не сказал, что он, едва приняв командование над «Антильей», тут же сдал ее, и, с другой стороны, столько, чтобы корабль не пошел ко дну с двумя сотнями раненых, заключенных в трюме, как в западне. И с теми, кто еще туда попадет. И пока Маррахо,

приведенный в недоумение подобными расчетами (в его сухопутной жизни ему и в голову не приходило, что на корабле от одной четверти часа в ту или другую сторону зависит, сражаться или сдаться), задает себе вопрос, во сколько убитых и раненых это обойдется, старший плотник чешет в затылке, скребя пальцами прямо по шерстяной шапочке. Ну, произносит он наконец, с учетом того, что мои люди и водолаз ставят пластыри в трюме, справимся, дон Рикардо, если только помпы не подведут (слава богу, они английские, с двойным поршнем) и их не забьет всем этим, уж простите, дерьмом из лял. Но ежели мистеры будут и дальше дырывать нам ватерлинию, я ни за что не отвечаю. Я понятно изложил?

– Изложил как надо. Ступай вниз и сделай все, что сможешь.

– Как прикажете, дон Рикардо. С вашего разрешения.

Фуганок скрывается в люке, а старший лейтенант задумывается, прислушиваясь к содроганиям палубы под ногами от выстрелов первой и второй батарей. «Мой долг», доносится до ушей Маррахо его шепот сквозь зубы. Потом старший лейтенант поворачивается к казначею.

– Мерино.

– Слушаю, дон Рикардо.

– Отправляйтесь на вторую батарею, передайте от меня привет сеньору Грандаллю и попросите его подняться на шканцы... А вы, Фаль-ко, спуститесь в каюту командира, сложите в парусиновый мешок бумаги, шифровальные книги и свод секретных сигналов, привяжите мешок к цепному ядру и сбросьте за борт.

– Слушаюсь.

Гардемарин, согнувшись в три погибели, чтобы не высовываться над остатками переборки, исчезает, а дон Рикардо Макуа снова смотрит на солнце, потом на грот-мачту (каким-то чудом она еще не переломилась), после чего осторожно приподнимает голову над искалеченным планширом, чтобы взглянуть на англичанина, бьющего по «Антилье» справа. В этот момент по трапу поднимается лейтенант Хорхе Грандалль, единственный, кроме дона Рикардо Макуа, оставшийся в живых морской офицер на борту. Без шляпы, с большой царапиной на лице, измученный, грязный, он на ходу отряхивает правое плечо, на котором поблескивает эполет со знаками различия (второго уже нет). Он молча оглядывает панораму, потом так же молча устремляет взгляд на старшего по званию. Теперь я командир, просто говорит тот. Грандалль кивает.

– Что ты думаешь об этом?

– То же, что и ты.

– Все, что было в человеческих силах, сделано.

– И даже больше.

Дон Рикардо некоторое время молчит, потом задумчиво произносит шепотом: люди держались хорошо. Даже слишком хорошо, снова кивает Грандалль. Я согласен с тем, что корабль надо сдавать. Он еще не закончил говорить это, когда в воздухе разносится рррраа, бумм, бумм, звяк, звяк, все заполняет жужжащее железо, и новый английский снаряд (на сей раз это не картечь, а массивное ядро) ударяет в правый борт, взметывая тучу щепок и разорванных снастей. Грандалль и все остальные пригибаются – все, кроме старшего лейтенанта Макуа, который все смотрит на грот-мачту, по-прежнему погруженный в размышления. Таким его и находит вернувшийся гардемарин Фалько.

– Все в воде, дон Рикардо.

Офицер не отвечает. Он пристально вглядывается в мачту, словно ища что-то и не находя.

– Флаг, – вдруг произносит он. Маррахо, как и все остальные, недоумеая, смотрит вверх. И наконец понимает. Английское ядро перебило фал флага, поднятого на грот-мачте после

того, как рухнула бизань-мачта. И теперь красно-желтая тряпка болтается над самой палубой, зацепившись за какой-то обломок.

– Еще четверть часа, – бормочет офицер, как будто самому себе.

Лейтенант Грандалль колеблется, собирается что-то сказать, но, передумав, отдает честь и уходит к себе на батарею. Дон Рикардо Макуа вновь пристально смотрит на гардемарина Фалько, и Маррахо видит, как юноша, поначалу побледневший под слоем грязи и копоти на лице, внезапно заливается румянцем и кивает. Не может быть, думает барбатинец. Ни за что не поверю, что ради несчастных пятнадцати минут и клочка тряпки дон Рикардо отправит парнишку на такой риск. Если уж ему так хочется, пускай лезет сам. Или тот, другой, что с одним эполетом. Они и все те, из-за которых мы тут оказались. Да к тому же он ведь не приказывает словами, а вроде как умывает руки, что твой Понтий Пилат. Чтоб у него кишки лопнули. Ведь у мальчишки, наверное, есть мать. А нам сейчас один хрен – что с флагом, что без флага: и мы еще стреляем, и они не перестанут из-за этого делать из нас фарш. А может, и еще крепче достанется.

Маррахо все еще думает об этом, то ли недоумевая, то ли возмущаясь, когда видит, что гардемарин перекрестился, стиснул зубы, вжал голову в плечи и ринулся бегом по палубе, перескакивая через кучи обломков, к грот-мачте. Вот дьявольщина. И тут – бывает же такое в жизни, – не думая больше ни о чем, Николас Маррахо поднимает лицо к небу и громко, отчетливо обкладывает трехэтажным матом дону Рикардо Макуа и господу бога – именно в таком порядке, а потом сломя голову бросается вслед за мальчишкой, сам хорошенько не зная, почему. Может, потому, что у него вся душа перевернулась, когда он увидел, как тот, совсем один, бежит по разбитой палубе к этой идиотской разноцветной тряпке.

Ну, вот сейчас мне и влепят, думает он, чувствуя, как горят задыхающиеся легкие. Сейчас мне влепят в башку или в самые яйца, а то, может, меня и совсем разнесет в клочья, эх, кто бы сказал мне, что делает сын моей матери посреди всей этой заварушки и чьи это дурацкие ноги сорвали меня с места и потащили вслед за сосунком. Интересно, сколько я успею пробежать, прежде чем какое-нибудь паршивое английское ядро снесет мне башку или руку по самое плечо, или одна из этих мушкетных пуль, что звякают вокруг, словно кадило во время крещения, и прямо-таки гоняются за мной, влетит мне в мозги – тут мне и славу споют. Какая карта мне выпадет-, дальняя дорога, марьяжный интерес, смерть? Эх, дурень я, дурень. Пусть кто-нибудь придет, остановит весь этот кошмар и скажет мне, какого черта я тут делаю.

Но, понятное дело, никто ему этого не скажет. Кругом слышно только: рраааа, рррааа, бумм-ба, бумм-баа, треск ломающегося дерева, свист щепок и пуль. Конец света. А посреди него, съехившись у подножия грот-мачты, на коленях на палубе, содрогающейся от каждого нового попадания (эх, распластают меня, как какую-нибудь хаэнскую ящерицу), под свист железа Николас Маррахо дрожащими пальцами помогает юному Фалько прикрепить флаг к фалу. На флаге (ему никогда не приходилось видеть его вблизи) изображена корона, слева замок, справа лев, поднявшийся на задние лапы, а из пасти у этого сукина сына торчит длиннющий язык Небось, жарко ему, как и нам. Наверху, на марсе, фал выскочил из шкива, и с этим ничего не поделаешь. Флаг останется внизу, а Испания останется без кораблей. До второго пришествия. Вот такие дела. Пару секунд гардемарин и Маррахо нерешительно смотрят друг другу в глаза.

– Пошли отсюда, адмирал, – говорит практичный барбатинец.

А парнишка упрям. Он мотает головой, глядя вверх – лицо почернело от пороха и блестит от пота, – на уцелевшие, еще туго натянутые ванты: они идут от одной из консолей штирборта до самого марса, и выбленки не порваны, так что есть куда поставить ногу. Кусок тряпки. Не вздумай, парень, собрался было сказать Маррахо, но прежде, чем он успевает выговорить хотя бы слог, гардемарин хватается за флаг, обвязывает его себе вокруг талии, поднимается на ноги и одним прыжком оказывается на консоли, во весь рост над разбитым бортом. Мать его так. Не

соображая, что делает, Маррахо вскакивает вслед за ним, чтобы удержать за полу кафтана, и в этот момент, когда они оба как на ладони, словно зайцы на лугу, стрелки на марсах английского трехпалубника, который всего лишь в нескольких саженях справа, потирают руки от радости, ну, ясное дело, и принимаются палить по ним из своих мушкетов, крак, крак, пам, пам, пам, и повсюду начинают жужжать свинцовые осы, щелкая о планшир и разбитое дерево. Чак, чак, чак. Гардемарин, не обращая внимания на пули, вырывает полу своего кафтана из рук Маррахо, ставит ногу на выбленку и уже успевает немного подняться, когда какая-то паскудная пуля впивается ему в ногу, ломая кость (Маррахо слышит звук, похожий на треск сломанной ветки), и гардемарин со сдавленным стоном валится спиной вниз, и Маррахо едва удается отчаянным усилием, снова вцепившись в полу кафтана, сюда, сюда, черт бы тебя побрал, стащить его не палубу, не дав упасть в море.

И тут (и правда в жизни бывает всякое) барба-тинца охватывает безумие. Самое настоящее – на таких надевают смиренную рубашку. Пока мальчишка ползет по палубе, оставляя кровавый след, и пытается как может оторвать кусок рубахи, чтобы перетянуть себе ногу, Маррахо склоняется над ним, двумя движениями сдирает с пояса флаг, выпрямляется во весь рост и, забравшись по разбитым доскам планшира на консоль – теперь ему на все наплевать, – размахивает изорванной тряпкой английскому трехпалубнику. Сволочисукисукиныдетисобакигады, ревет он так, что, кажется, горло вот-вот лопнет. Вгробуявиделвсехвасподонковивашусукумать, так-васвсехрастакиразэдак. Как бог свят.

– И знаете, что я вам скажу?.. Знаете, что я вам скажу, вы, ублюдкиподонкинедоносиматьвашу?.. Знаете?.. Поцелуйтеменявзадницу – вотчтоявамскажууууу!!!

А потом, охрипший, оглохший от собственного крика, слыша будто издалека, как смутный шум, хлопки выстрелов, грохот пушек, свист пуль, ищущих его тело – его, Николаса Маррахо Санчеса, уроженца Барбате, провинция Кадис, сына неизвестной матери, человека без работы и без профессии, если не считать профессии контрабандиста и пройдохи, его, Николаса Маррахо, отброса общества обеих Испании, насильно завербованного военным отрядом в таверне «Кайская курочка», – он обвязывается красно-желтым флагом, засунув его себе под пояс, и начинает как умеет карабкаться по вантам, оступаясь, чуть не срываясь от качки и чудом удерживаясь на смоленых выбленках, а все англичане, сколько их ни есть на свете, и та сука, что произвела их на этот свет, целятся из своих мушкетов и стреляют по нему, пам, пам, пам, а он карабкается и карабкается, отрешенный от всего, среди десятков свинцовых ос, которые пролетают, жужжа и звеня, дзиинн, дзии-инн, дззииинн, а он лезет и лезет, рука, нога, другая рука, другая нога, лезет, задыхаясь, легкие в клочья, глаза из орбит, а он лезет и лезет, матерясь, выкрикивая ругательства, захлебываясь ими, кроя и землю, и небо, и море, и весь белый свет, вбогавдушувмать, не глядя вниз, ни на море, ни на ужасающую панораму битвы, ни на английский трехпалубник, стрелки которого, несомненно, удивленные зрелищем: одинокая фигура карабкается по вантам погибающего корабля с обмотанным вокруг пояса флагом, – мало-помалу перестают стрелять и смотрят на него, а некоторые даже принимают подбадривать его сперва издевательскими, потом восхищенными выкриками, и в конце концов мушкетный огонь окончательно стихает. И когда наконец Маррахо добирается до марса и дрожащими от напряжения руками, с помощью ногтей и зубов, кое-как привязывает флаг, и тот, расправившись, развевается на ветру (вместе с этим чертовым львом с его чертовым язычищем), с британского корабля до него доносятся голоса врагов, кричащих ему «ура».

Эпилог

Доклад капитан-лейтенанта Луи Келеннека, командира тендера Его Императорского и Королевского Величества «Энсертен», главнокомандующему объединенной эскадры

Кадис, 3 брюмера (25 октября)

Ваше Превосходительство,

Получив 23 числа текущего месяца (1 брюмера) приказ выйти из Кадисской бухты совместно с фрегатами и шестью испанскими и французскими линейными кораблями, имея целью оказать возможную помощь кораблям нашей эскадры, сильно пострадавшим в результате сражения и шторма, пришедшего с норд-веста и бушевавшего всю ночь и весь следующий день, и слыша в течение всей ночи выстрелы пушек кораблей, оказавшихся вблизи побережья и просящих о помощи, я при первой же возможности вышел в море при ровном зюйде, сильной зыби и затянутом небе, обещавшем дождь. Я обследовал район от Кадисской бухты до мыса Трафальгар и заметил несколько парусов; это оказались англичане, буксировавшие свои или захваченные корабли в направлении Гибралтара. Нашим силам удалось отбить испанские «Санта-Ану» и «Нептуно», на которых, как стало известно, пленным морякам удалось справиться с британскими командами и снова взять корабли в свои руки. Судя по всему, враги также отбуксировали почти до Гибралтара испанские корабли «Багама», «Сан-Ильдефонсо», «Сан-Хуан Непомусено», «Сан-Агустин» и «Аргонаута», хотя состояние их после боя было таково, что неизвестно, держатся ли они еще на плаву.

При засвежившем зюйд-зюйд-осте, сильном дожде и значительном волнении я провел ночь 23-го числа вблизи мыса Трафальгар, в отрыве от наших сил, стараясь избегать мелей, и на рассвете 24-го, снова приблизившись к берегу, чтобы пройти вдоль негр курсом норд, с горечью увидел на нем горы выброшенных морем различных обломков и трупов, а также множество разбитых и размачтованных кораблей, которые отнесло туда штормом после того, как противник оказался вынужден перерубить буксирные канаты или их плененные команды подняли мятеж. Из французских кораблей мне удалось опознать, помимо «Бюсанто-ра» и «Эгля», замеченных при входе в Кадисскую бухту, «Фуго» неподалеку от Санкти-Петри, рядом с 84-пушечным английским судном, которое я опознать не смог и на котором было множество утонувших; «Эндомптабль» поблизости от Роты и сожженный противником «Бервик» напротив Сан-Лукара. Там же находился испанский «Монарка», брошенный англичанами; он лежал на левом борту, внутри было много раненых, но из-за сильного волнения я не смог подойти к берегу, чтобы помочь им. Из прочих испанских кораблей я опознал «Нептуно» и «Сан-Франсиско де Асис», севшие на мель возле Санта-Каталины, и напротив Сан-Лука-ра захваченный англичанами «Райо», находящийся в очень плохом состоянии. Рыбаки из Роты подтвердили мне, что из-за шторма утонуло очень много людей и местные жители оказывают помощь остальным, не делая различий между испанцами, французами и англичанами. Кроме того, следует сообщить Вашему Превосходительству, что, судя по всему, «Сантисима Тринидад», также шедший на буксире у английских кораблей (похоже, все его офицеры погибли), вследствие полученных в бою тяжелых повреждений затонул, имея на борту множество раненых и изувеченных, которые из-за своего состояния не смогли спастись. На берегу лежит большой обломок корпуса этого корабля. Подобная же участь постигла и «Антилью», о судьбе которой я ничего не знал до рассвета вчерашнего дня, когда, имея мыс Трафальгар в четверти лье к норд-осту, я заметил полузатонувшую шлюпку, на борту которой оказалось двое уцелевших с этого корабля. По их словам, «Антилья», захваченная англичанами в последние минуты боя 21-го сего и буксировавшаяся в Гибралтар британским кораблем (кажется, «Спартиэйтом»), потеряв все мачты и будучи сильно повреждена в результате боя и последовавшего за ним шторма, затонула ночью 22-го вместе с большим числом людей и раненых, включая и ее командира, который, находясь в тяжелом состоянии, не мог быть доставлен на борт английского судна вместе с другими пленными. Двое уцелевших испанцев, которых я сегодня высадил на берег в Кадисе, – это гардемарин, раненный в ногу, и заботящийся о нем матрос.

От автора

При Трафальгаре сражалось тридцать три, а не тридцать четыре испанских и французских линейных корабля. Это значит, что семидесятичетырехпушечной «Антильи», на борту которого

происходит большая часть действия этой книги, никогда не существовало. Одной из привилегий автора является возможность манипулировать историей на благо повествования; именно поэтому следует подчеркнуть, что, несмотря на все описанные подробности участия «Антильи» в Трафальгарской битве, в тот день под испанским флагом не было корабля, который носил бы такое имя. Во всем же остальном – тактика ведения морского боя, корабли, люди – рассказ вполне достоверен, ибо он основывается на реальной, обширной и непосредственной документации: 21 октября 1805 года испанские, французские и английские моряки – железные люди на деревянных кораблях – сражались и умирали именно так. Поведать об этом с надлежащей технической и исторической точностью было бы невозможно без содействия Мишеля Полака, владельца книжного магазина на парижской улице Рю де л'Эшод: это он предоставил книги и документы, позволившие автору уяснить себе французскую точку зрения на Трафальгарскую битву. Это было бы невозможно и без помощи Эвы де Блас Мартин-Мерас, которая после почти целого года упорного изучения архивов испанского военно-морского флота в Мадриде, Кадисе и Висо-дель-Маркес предоставила мне самую ценную подборку непосредственных документов по Трафальгару, какую только можно себе представить: от состояния и вооружения кораблей до продуктов питания, повреждений, нанесенных огнем противника, маневров, списков убитых и раненых, подробностей личного характера и ходатайств о назначении пенсий и пособий. Выражение моей благодарности было бы неполным, если бы я не упомянул с глубоким уважением и восхищением своих друзей из мадридского Морского музея, адмирала Хосе Игнасио Гонсалеса-Альера, замечательного человека и просвещенного моряка, а также Луиса Бардона, верного друга, который вот уже много лет пополняет мою библиотеку книгами по истории, строительству судов, тактике морского боя и маневрированию, принятым в XVIII веке.

Ла-Навата, август 2004 года

Приложения

Список союзных кораблей, принимавших участие в Трафальгарской битве, их вооружение в этом бою, их командиры и высшие офицеры и постигшая их судьба

«Плутон» (французский), 74 пушки. Капитан первого ранга Космао. Вернулся в Кадис.

«Монарка» (испанский), 74 пушки. Капитан первого ранга Аргумоса. Разбит штормом о скалы.

«Фуго» (французский), 74 пушки. Капитан первого ранга Бодуэн (убит). Захвачен англичанами, впоследствии разбит штормом о скалы.

«Санта-Ана» (испанский), 120 пушек. Генерал-лейтенант Алава (ранен). Вернулся в Кадис.

«Эндоптабль» (французский), 80 пушек. Капитан первого ранга Юбер (утонул вместе со всей командой). Разбит штормом о скалы.

«Сан-Хусто» (испанский), 76 пушек. Капитан первого ранга Гастон. Вернулся в Кадис.

«Энтрепид» (французский), 74 пушки. Капитан первого ранга Энфернэ. После захвата англичанами затонул.

«Редутабль» (французский), 74 пушки. Капитан первого ранга Люка. После захвата англичанами затонул. (Этот корабль во время Трафальгарского сражения пострадал больше всех: его потери – 487 человек убитыми и 81 ранеными. Один из стрелков «Редутабля» смертельно ранил английского адмирала Нельсона.)

«*Сан-Леандро*» (испанский), 74 пушки. Капитан первого ранга Кеведо. Вернулся в Кадис.

«*Нетпюн*» (французский), 80 пушек. Капитан первого ранга Мэстраль. Вернулся в Кадис.

«*Сантисима Тринидад*» (испанский), 136 пушек Командующий эскадрой Сиснерос (ранен). После захвата англичанами затонул.

«*Эро*» (французский), 74 пушки. Капитан первого ранга Пулен (убит). Вернулся в Кадис.

«*Сан-Агустин*» (испанский), 80 пушек. Бригадир Кахигаль (ранен). После захвата англичанами затонул.

«*Монблан*» (французский), 74 пушки. Капитан первого ранга Лавилыри. Покинул место сражения вместе с Дюмануаром.

«*Сан-Франсиско де Асис*» (испанский), 74 пушки. Капитан первого ранга Флорес. Разбит штормом о скалы.

«*Дюгей-Труэн*» (французский), 74 пушки. Капитан первого ранга Туффе. Покинул место сражения вместе с Дюмануаром.

«*Формидабль*» (французский), 80 пушек. Контр-адмирал Дюмануар. Покинул место сражения.

«*Райо*» (испанский), 100 пушек. Бригадир Макдоннелл. Вернулся в Кадис. Позже был разбит штормом о скалы.

«*Сипион*» (французский), 74 пушки. Капитан первого ранга Берангер. Покинул место сражения вместе с Дюмануаром.

«*Нептуна*» (испанский), 80 пушек Бригадир Вальдес (ранен). После захвата англичанами затонул.

«*Сан-Хуан Непамусено*» (испанский), 74 пушки. Бригадир Чуррука (убит). Захвачен англичанами.

«*Бервик*» (французский), 74 пушки. Капитан первого ранга Кама (убит). Захвачен англичанами, впоследствии разбит штормом о скалы.

«*Принсипе деАстуриас*» (испанский), 118 пушек Заместитель командующего эскадрой адмирал Гравина (умер от ран). Вернулся в Кадис.

«*Ашиль*» (французский), 74 пушки. Капитан первого ранга Даньепор (убит). Затонул в результате взрыва порохового погреба.

«*Сан-Ильдефонсо*» (испанский), 74 пушки. Бригадир Варгас (ранен). Захвачен англичанами.

«*Аргонот*» (французский), 74 пушки. Капитан первого ранга Эпрон. Вернулся в Кадис.

«*Свифт-Сюр*» (французский), 74 пушки. Капитан первого ранга Вильмандрен. Захвачен англичанами.

«*Аргонаута*» (испанский), 92 пушки. Капитан первого ранга Пареха (ранен). Захвачен англичанами, впоследствии затонул.

«*Альхесирас*» (французский), 80 пушек Контрадмирал Магон (убит). Захвачен англичанами, впоследствии отбит. Вернулся в Кадис.

«*Монтаньес*» (испанский), 80 пушек Капитан первого ранга Альседо (убит). Вернулся в Кадис.

«*Эгль*» (французский), 74 пушки. Капитан первого ранга Курреж (убит). Захвачен англичанами, впоследствии затонул.

«*Багами*» (испанский), 74 пушки. Бригадир Алькала Гальяно (убит). Захвачен англичанами.

«Бюсантор» (французский), 80 пушек Адмирал Вильнев (взят англичанами в плен, потом отпущен; вернувшись в Париж, покончил жизнь самоубийством, не дожидаясь приговора военного суда^[108]). Захвачен англичанами, впоследствии разбит штормом о скалы.

Все четыре корабля, покинувших поле боя вместе с адмиралом Дюмануаром, двенадцать дней спустя, при попытке добраться до побережья Франции, были захвачены англичанами в районе мыса Финистерре.

Число убитых и раненых на испанских кораблях во время Трафальгарской битвы по данным на 1 ноября 1805 г. (сюда не включены те, кто умер от ран в последовавшие дни и месяцы)

«Принсипе деАстуриас»

Лишился мачт. Добрался до Кадиса. Адмирал Гравина ранен (вскоре умер от ран). Генерал-майор Эсканьо ранен. Трое офицеров убито. Команда: 52 убитых и 110 раненых.

«Аргонаута»

Захвачен англичанами, позже затонул. Командир, дон Антонио Пареха, ранен. Команда: 100 убитых и 203 раненых.

«Нептуно»

Лишился мачт. Захвачен англичанами, отбит французами, позже разбит штормом о скалы. Командир, дон Антонио Вальдес, и его старший помощник, дон Хоакин Сомоса, ранены. Один офицер убит. Команда: 42 убитых и 47 раненых.

«Монарка»

Лишился мачт. Захвачен англичанами, вблизи берега посажен на мель и сожжен. Командир, дон Теодоро де Аргумоса, ранен. Один офицер убит. Команда: 100 убитых и 150 раненых.

«Сан-Агустин»

Лишился мачт. Захваченный англичанами, затонул из-за повреждений, полученных в бою. Командир, дон Фелипе Кахигаль, ранен. Четверо офицеров убито. Команда: 180 убитых и 200 раненых.

«Сан-Ильдефонсо»

Почти полностью разрушенный, захвачен англичанами. Командир, дон Хосе де Варгас, ранен. Четверо офицеров убито. Команда: 34 убитых и 126 раненых.

«Сан-Франсиско деАсис»

Посажен на мель вблизи берега. Судьба командира, дон Луиса Флореса, неизвестна. Команда: 5 убитых и 12 раненых.

«Сантисима Тринидад»

Лишился мачт. Захвачен англичанами, позже затонул. Генерал Сиснерос и капитан дон Франсиско де Уриарте ранены. Шестеро офицеров убито. Команда: 205 убитых и 108 раненых.

«Райо»

После боя, едва успев поучаствовать в нем, сел на мель и был сожжен англичанами. Судьба командира, дон Энрике Макдоннелла, неизвестна. Команда: 4 убитых и 14 раненых.

«Багама»

Почти полностью разрушенный и захваченный англичанами, затонул. Командир, дон Дионисио Алькала Гальяно, убит. *Трое* офицеров убито. Команда: 75 убитых и 67 раненых.

«*Сан-Хусто*»

Почти не принимал участия в бою. Добрался до Кадиса. Судьба командира, дон Мигеля Гасто-на, неизвестна. Команда: 7 раненых.

«*Сан-Леандро*»

Лишился мачт. Добрался до Кадиса. Судьба командира, дон Хуана Кеведо, неизвестна. Команда: 8 убитых и 22 раненых.

«*Монтаньес*»

Лишился мачт. Добрался до Кадиса. Командир, дон Франсиско де Альседо, и его старший помощник, дон Антонио Кастаньос, убиты. Один офицер убит. Команда: 17 убитых и 25 раненых.

«*Санта-Ана*»

Захвачен англичанами, впоследствии отбит. Добрался до Кадиса почти полностью разрушенным. Командир, дон Хосе Гардоки, и заместитель командующего эскадрой, дон Игнасио Мария де Алава, ранены. Пятеро офицеров убиты. Команда: 99 убитых и 141 раненый.

«*Сан-Хуан Непомусено*»

Лишился мачт. Захвачен англичанами. Командир, дон Косме Чуррука, и его старший помощник, дон Франсиско де Мойна, убиты. Один офицер убит. Команда: 100 убитых и 150 раненых.

1

В ходе Великой французской революции (1789-1799) декретом Национального конвента в стране был введен Республиканский (революционный) календарь, отменявший христианское летосчисление. Новый отсчет лет начинался с 22 сентября 1792 г. (объявленного годом начала новой эры) – дня свержения монархии и провозглашения Республики. Год делился на 12 месяцев по 30 дней, месяц – на 3 декады; последние 5 (в високосные годы – 6) дней в конце года именовались санкюлотидами (от фр. *sans culotte* – бесштаные, прозвище революционной бедноты). Названия месяцев были связаны с природными явлениями, соответствующими временам года: так, первый месяц (22/23 сентября – 21/22 октября) назывался вандемьером (фр. *vendemiaire*, от лат. *vindemia* – сбор винограда). Республиканский календарь, отмененный Наполеоном Бонапартом с 1 января 1806 г., позже был восстановлен во время Парижской Коммуны (действовал с 18 марта по 28 мая 1871 г.), после чего опять был введен грегорианский календарь. – Здесь и далее – примечания переводчика.

2

Слово «катер» (англ. *cutter*) происходит от глагола «to cut» – резать.

3

Для испанца «Когегуэвос» звучит как «хватать за яйца».

4

Пьер Шарль де Вильнев (1763-1806) – французский адмирал, в Трафальгарском сражении командовал объединенной испано-французской эскадрой.

5

Мой мальчик (искаж. фр)

6

Впереди, мой капитан (искаж. фр).

7

Что там, впереди... мой друг (искаж. фр).

8

Вода (искаж. англ.).

9

Лига (лье) = 5572,7 м.

10

Понятно? (искаж. фр.)

11

«Дубовые сердца» (англ.) – официальный марш Королевского военно-морского флота Великобритании. Название дано по первой строке припева: «Наши корабли – дубовые сердца».

12

На каждое орудие полагалось по два ведра: в одном хранили пыжи и деревянные пробки, в другом – его называли боевым – находилась вода для тушения огня, который мог воспламенить порох, или для охлаждения канала ствола (его протирали мокрым банником).

13

Здесь: большое имелово (искаж. фр).

14

Не знаю (искаж. фр.).

15

Фут = 30,5 см.

16

Что это такое, а, сын Отчизны милой? (искаж. намек на первую строчку «Марсельезы»: «Вперед, сыны Отчизны милой».)

17

Не правда ли? (искаж. фр)

18

Зд.: ни хрена (фр.).

19

Я не с тобой говорю (искаж. фр).

20

Родина (фр.).

21

Что-то впереди (искаж. фр.).

22

Кабельтов = 185,2м.

23

Вот (искаж. фр.).

24

Флаг (<фр>.)

25

Свобода, равенство и так далее (искаж. фр.). Пародия на лозунг Великой французской революции.

26

Вперед, сыны (искаж. фр). Слова из первой строки «Марсельезы».

27

До свидания (фр.).

28

Горацио Нельсон (1758-1805) – виконт (1801), английский флотоводец, вице-адмирал (1801). Одержал ряд побед над французским и испанским флотами, в т. ч. при Абукире и Трафальгаре (в этом бою был смертельно ранен и умер еще до его окончания). Сторонник маневренной тактики и решительных действий.

29

Карронада – короткоствольная крупнокалиберная чугунная пушка с противооткатным устройством. Карронады устанавливались на боевых кораблях для ведения по противнику пологого огня (ядрами или шрапнелью) на близких расстояниях.

30

Зд. : по моде (англ.).

31

Настал день славы (искаж. фр., в русском переводе «мгновенье славы настает») – вторая строка «Марсельезы».

32

Имеются в виду король Карл IV Бурбон, его супруга Мария Луиза Пармская и ее фаворит, премьер-министр Мануэль Годой (1767-1851), получивший титул Князя мира за заключение Базельского мирного договора с Францией (1795), глава испанского правительства в 1792-1808 гг. (с перерывом в 1798-1801 гг.). В результате Аранхуэсского выступления 1808 г. был арестован, позднее выслан во Францию.

33

Апельсиновая война – такое название получила война, объявленная правительством Годоя Португалии в 1801 г.

34

Сан-Ильдефонский договор – договор между Испанией и Португалией (1777) о разграничении южноамериканских владений этих стран.

35

Бригадир – военный чин между полковником и генерал-майором.

36

Formidable (фр.) – великолепный, потрясающий.

37

Да (искаж. фр).

38

Уильям Питт-младший (1759-1806) – премьер-министр Великобритании в 1783-1801 и 1804-1806 гг., лидер т. н. новых тори, один из главных организаторов коалиций европейских государств против революционной, а затем наполеоновской Франции. Шарль Морис Талейран-Перигор (1754-1838) – французский дипломат, министр иностранных дел в 1797-1799 (при Директории), в 1799-1807 (в период Консульства и империи Наполеона I), в 1814-1815 (при Людовике XVIII) гг. Клеменс Меттерних-Виннебург (1773-1859) – князь, министр иностранных дел и фактический глава австрийского правительства в 1809-1821, канцлер в 1821 –1848 гг.

39

Имеется в виду королева Мария Антуанетта (1755-1793) – французская королева, жена (с 1770 г.) Людовика XVI. Дочь австрийского императора. С начала Французской революции вдохновительница контрреволюционных заговоров и интервенции. По решению суда казнена.

40

Да благословит вас (лат.).

41

Non (нес) plus ultra (лат.) – «дальше некуда», высшая степень, крайность, предел чего-либо.

42

Реал (исп. и португ. real, букв, королевский) – старинная серебряная монета, обращалась в Испании, Португалии, странах Латинской Америки и др. с XV в. до 70-х гг. XIX в.

43

Дева всемогущая, башня из слоновой кости, врата небесные (лат).

44

1 кинталь = 100 фунтов = 46 кг.

45

Армада – принятое в Испании название военного флота.

46

Тасита-де-Плата (исп. Tacita de Plata) – название местности, дословно означающее «Серебряная чашечка». Намек на английскую традицию пить чай в пять часов дня.

47

Франция (искаж. фр.).

48

Захват Нельсона (англ.).

49

Антонио Барсело (1717-1797) – знаменитый испанский корсар, сражавшийся с арабскими пиратами и англичанами на Средиземном море, изобретатель канонерок.

50

Это полный провал, Ваша Светлость (ит.).

51

Хозяин, почтительное обращение в некоторых частях Африки (от суах. ar abuna, наш отец).

52

Хуан Себастьян Элькано (ок. 1476-1526) – испанский мореплаватель. Под его руководством экспедиция Магеллана, после смерти последнего, завершила первое в истории кругосветное путешествие. Лепанто – греческий город, неподалеку от которого в 1571 г. испанский флот нанес серьезное поражение турецкому.

53

Убожество (ит.).

54

Мой адмирал (искаж. фр.).

55

Британские капитаны (искаж. англ.).

56

Что происходит? (искаж. англ.)

57

Великая армия (фр.).

58

«Се человек» (лат.) – изображение Христа в терновом венце.

59

Адмиралу Нельсону в 1798 г. был пожалован титул барона Нильского.

60

Одна рука отрезана (искаж. англ). Нельсон потерял правую руку в бою при Санта-Круссе (остров Тенерифе, 1797г.).

61

Да, очень хорошо (искаж. англ).

62

Испанская сангрия, понимаешь? (искаж. англ.); название напитка сангрия (исп. sangria) происходит от слова sangre (кровь), и одно из его значений – кровотечение, поток крови.

63

Любезные мужья (искаж. англ).

64

На военных кораблях той поры специальных помещений для матросов не было. На ночь койки подвешивали рядами на одной из орудийных палуб, а рано утром связывали и укладывали в так называемые коечные сетки – особое металлическое или деревянное ограждение, установленное над фальшбортом. Это служило защитой от вражеских пуль.

65

Цепные ядра – два ядра, соединенных куском цепи. Разрезные ядра, или кнители, состояли из двух половинок ядер, соединенных железной штангой. Использовались для разрушения вантов и мачт. Ядра хранили в небольших ограждениях из досок или толстого троса или на специальных консолях, расположенных сбоку от орудия.

66

Протравник – специальная игла, снабженной делениями и ручкой. Ею через запальное отверстие пушки протыкали картуз и таким образом освобождали путь для воспламеняющего пороха – особого мелкого пороха, который насыпали в запальное отверстие из порохового рога.

67

Ребятки, малютки (фр.).

68

Яснее ясного, друг мой Пьеро (фр.).

69

Политика и так далее, дружище (фр.).

70

«Traité des évolutions navales» – «Трактат о морских эволюциях» (фр), книга французского судового капеллана Поля Хоста, излагавшая основные принципы линейной тактики ведения морского боя, господствовавшей тогда в парусных флотах Западной Европы. В ряде флотов они были возведены в догму и даже включены в официальные инструкции и уставы. Флотам предписывалось атаковать сразу всю линию противника, строго соблюдая равнение в строю, и вести огонь только по назначенному кораблю, не обращая внимания на действия остальных кораблей противника и своих соседей. В то же время кораблям категорически запрещалось выходить из строя баталии, а также вступать в сражение с противником, имеющим количественное превосходство в кораблях. Все это сковывало инициативу командиров кораблей и командующих эскадрами, приводило к шаблонным действиям, а кроме того,

предопределяло оборонительную тактику, так как каждый из противников боялся оказаться в невыгодных условиях.

71

«Правь, Британия» (англ.) – первые слова британского государственного гимна.

72

Кровавое знамя (фр).

73

Мой командир (искаж.фр.).

74

Дитя мое (искаж. фр.).

75

Мателот– соседний корабль в строю. Может быть передним, задним, левым или правым.

76

Любовь (фр).

77

Испания (фр).

78

Очень рад (искаж. фр).

79

Полдень, командир (искаж. фр.).

80

Господи... свиньи (искдж. фр).

81

Пожалуйста (англ).

82

Поняли (искаж. фр.)

83

Боже!.. Что говорит этот испанец? (искаж. фр.)

84

Но послушайте! Это невиданно и неслыханно! (искаж. фр)

85

Вы говорите по-испански? (искаж. англ.)

86

Никаких проблем, друзья мои. Согласен (фр.).

87

Послушайте, друзья мои. Спокойствие, равенство, братство (искаж. фр.).

88

Понимаешь? (ит.)

89

Давай, давай, давай (фр.)

90

Heros (фр.) – герой.

91

Командующий на «Бюсанторе»! (искаж. фр.)

92

Куда вы идете... почему не подчиняетесь? (искаж. фр.)

93

Словом marrajo по-испански называется один из видов акул.

94

Шляпа (фр.).

95

Война есть бизнес (искаж. англ.).

96

Последний довод королей (лат). Такую надпись премьер-министр французского короля Людовика XIII кардинал де Ришелье приказал выбить на пушках, стрелявших по осажденной крепости Ла-Рошель во время войны с гугенотами (1627-1629).

97

Арроба – мера веса, равная 11,5-12,5 кг.

98

Пядь=21 см.

99

Прощайте, друзья (искаж. фр.).

100

...родиной, ребята. Ну и хватит (фр.).

101

...пусть все идет, как идет (фр.).

102

Оставьте оружие, граждане (фр.) – намек на первую строку припева «Марсельезы» «К оружию, граждане!».

103

Простите? (фр.)

104

«Intrepide» (фр.) – бесстрашный.

105

Ступайте, месса окончена (лат) – заключительная формула католического богослужения.

106

Давайте, быстрее (искаж. англ.).

107

Росио Хурадо (р. 1944) – известная певица и актриса.

108

Таков был официальный вердикт: в действительности он был найден в гостиничном номере с шестью ранениями столовым ножом в грудь.